

Том 11. № 2
2014

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

ISSN 1813-8918

Учредитель

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Главный редактор

В.А. Петровский (НИУ ВШЭ)

Редакционная коллегия

Дж. Берри (Университет Куинс, Канада)
Е.Л. Григоренко (МГУ им. М.В. Ломоносова и Центр ребенка Йельского университета, США)

В.А. Ключарев (НИУ ВШЭ)
Д.А. Леонтьев (НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова)

М. Линч (Рочестерский университет, США)

Д.В. Люсин (НИУ ВШЭ и ИП РАН)

Е.Н. Осин (НИУ ВШЭ)

А.Н. Поддьяков (НИУ ВШЭ)

Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.) (ИП РАН и МГППУ)

В.Д. Шадриков (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)

С.Р. Яголковский (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)

Экспертный совет

К.А. Абульханова-Славская (НИУ ВШЭ и ИП РАН)

Н.А. Алмаев (ИП РАН)

В.А. Барабанищikov (ИП РАН и МГППУ)

Т.Ю. Базаров (НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова)

А.К. Болотова (НИУ ВШЭ)

А.Н. Гусев (МГУ им. М.В. Ломоносова)

А.Л. Журавлев (ИП РАН)

А.В. Карпов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)

Е.А. Климов (МГУ им. М.В. Ломоносова)

А. Лэнгле (НИУ ВШЭ)

А.Б. Орлов (НИУ ВШЭ)

В.Ф. Петренко (МГУ им. М.В. Ломоносова)

В.М. Розин (ИФ РАН)

И.Н. Семенов (НИУ ВШЭ)

Е.А. Сергиенко (ИП РАН)

Е.Б. Старовойтенко (НИУ ВШЭ)

Т.Н. Ушакова (ИП РАН)

А.М. Черноризов (МГУ им. М.В. Ломоносова)

А.Г. Шмелев (МГУ им. М.В. Ломоносова)

П. Шмидт (НИУ ВШЭ и Гиссенский университет, Германия)

«Психология. Журнал Высшей школы экономики» издается с 2004 г. Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и поддерживается факультетом психологии НИУ ВШЭ. Миссия журнала – это

- повышение статуса психологии как фундаментальной и практико-ориентированной науки;
- формирование новых предметов и программ развития психологии как междисциплинарной сферы исследований;
- интеграция основных достижений российской и мировой психологической мысли;
- формирование новых дискурсов и направлений исследований;
- предоставление площадки для обмена идеями, результатами исследований, а также дискуссий по основным проблемам современной психологии.

В журнале публикуются научные статьи по следующим основным темам:

- достижения и стратегии развития когнитивной, социальной и организационной психологии, психологии личности, персонологии, нейронаук;
- методология, история и теория психологии;
- методы и методики исследования в психологии;
- междисциплинарные исследования;
- дискуссии по актуальным проблемам фундаментальных и прикладных исследований в области психологии и смежных наук.

Целевая аудитория журнала включает профессиональных психологов, работников образования, представителей органов государственного управления, бизнеса, экспертных сообществ, студентов, а также всех тех, кто интересуется проблемами и достижениями психологической науки.

Журнал выходит 1 раз в квартал и распространяется в России и за рубежом.

Выпускающий редактор *Ю.В. Брисева*

Редакторы *О.В. Шапошникова*, *О.В. Петровская*

Корректурa *Н.С. Самбу*

Переводы на английский *А.С. Науменко*

Компьютерная верстка *Е.А. Валуевой*

Адрес редакции:

109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, д. 46Б

E-mail: psychology.hse@gmail.com

Сайт: <http://psy-journal.hse.ru/>

Перепечатка материалов только по согласованию с редакцией.

© НИУ ВШЭ, 2014 г.

Том 11. № 2
2014

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

СОДЕРЖАНИЕ

Специальная тема выпуска: Психология субъектности

- А.С. Огнев.** Вступительное слово5
М.А. Щукина. Субъектный подход к саморазвитию личности:
возможности теоретического понимания и эмпирического изучения7
Т.А. Гаврилова, С.А. Попова. Успешность и содержание совладания
субъекта с аутомортальной тревожностью23
И.В. Вачков. Полисубъектное взаимодействие в образовательной среде ..36
А.С. Огнев, Э.В. Лихачева. Практика внедрения позитивно-
ориентированного субъектогенеза в систему высшего образования51

Статьи

- О.А. Гулевич, О.А. Аникеенок, И.К. Безменова.** Социальные верования:
адаптация методик Дж. Даккита68
Н.К. Радина, А.В. Поршнев. Психология и герменевтика:
Герменевтический анализ понимания в математических схемах
и моделях90
М.Г. Чеснокова. Методологическое значение идей С. Кьеркегора
в контексте развития психологической науки120
А.Б. Орлов, Н.А. Орлова. Психологический статус психотерапевта136
М.В. Фаликман. Внимание и структурирование в зрительном поиске
среди буквенных стимулов150

Короткие сообщения

- Е.А. Кольцова.** Представления работников российских организаций
о балансе между работой и личной жизнью160
С.В. Чувашов. Социально-психологический капитал как фактор
эмиграционных намерений молодежи169

Обзоры и рецензии

- Н.А. Варако.** Человекоцентрированный подход в медицине
на примере нейропсихологической реабилитации178

Vol. 11. No 2
2014

PSYCHOLOGY

Journal of the Higher School of Economics

Publisher

National Research University
«Higher School of Economics»

ISSN 1813-8918

Editor-in-Chief

Vadim Petrovsky, HSE, Russian Federation

Editorial board

John Berry, Queen's University, Canada

Vasily Klucharev, HSE, Russian Federation

Elena Grigorenko, Lomonosov MSU, Russian Federation, and Yale Child Study Center, USA

Dmitry Leontiev, HSE and Lomonosov MSU, Russian Federation

Martin Lynch, University of Rochester, USA

Dmitry Lyusin, HSE and Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Evgeny Osin, HSE, Russian Federation

Alexander Poddiaikov, HSE, Russian Federation

Dmitry Ushakov, Deputy Editor-in-Chief, Institute of Psychology of RAS and Moscow University of Psychology and Education, Russian Federation

Vladimir Shadrinov, Deputy Editor-in-Chief, HSE, Russian Federation

Sergey Yagolkovskiy, Deputy Editor-in-Chief, HSE, Russian Federation

Editorial council

Ksenia Abulkhanova-Slavskaja, HSE and Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Nikolai Almaev, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Vladimir Barabanshikov, Institute of Psychology of RAS and Moscow University of Psychology and Education, Russian Federation

Takhir Bazarov, HSE and Lomonosov MSU, Russia

Alla Bolotova, HSE, Russian Federation

Alexander Chernorizov, Lomonosov MSU, Russian Federation

Alexey Gusev, Lomonosov MSU, Russian Federation

Anatoly Karpov, Demidov Yaroslavl State University, Russian Federation

Evgeny Klimov, Lomonosov MSU, Russian Federation

Alfried Längle, HSE, Russian Federation

Alexander Orlov, HSE, Russian Federation

Victor Petrenko, Lomonosov MSU, Russian Federation

Vadim Rozin, Institute of Philosophy of RAS, Russian Federation

Igor Semenov, HSE, Russian Federation

Elena Sergienko, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Alexander Shmelev, Lomonosov MSU, Russian Federation

Peter Schmidt, HSE, Russian Federation, and Giessen University, Germany

Elena Starovoytenko, HSE, Russian Federation

Tatiana Ushakova, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Anatoly Zhuravlev, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

«Psychology. Journal of the Higher School of Economics» was established by the National Research University «Higher School of Economics» (HSE) in 2004 and is administered by the Faculty of Psychology of HSE.

Our mission is to promote psychology both as a fundamental and applied science within and outside Russia. We provide a platform for development of new research topics and agenda for psychological science, integrating Russian and international achievements in the field, and opening a space for psychological discussions of current issues that concern individuals and society as a whole.

Principal themes of the journal include:

- methodology, history, and theory of psychology
- new tools for psychological assessment;
- interdisciplinary studies connecting psychology with economics, sociology, cultural anthropology, and other sciences;
- new achievements and trends in various fields of psychology;
- models and methods for practice in organizations and individual work;
- bridging the gap between science and practice, psychological problems associated with innovations;
- discussions on pressing issues in fundamental and applied research within psychology and related sciences.

Primary audience of the journal includes researchers and practitioners specializing in psychology, sociology, cultural studies, education, neuroscience, and management, as well as teachers and students of higher education institutions.

The journal publishes 4 issues per year. It is distributed around Russia and worldwide.

Managing editor *Yu. V. Briseva*

Copy editing *O. V. Shaposhnikova, O. V. Petrovskaya, N. S. Sambu*

Translation into English *A. S. Naumenko*

Page settings *E. A. Valueva*

Editorial office's address:

Volgogradsky pr., 46B, 109316, Moscow, Russia.

E-mail: psychology.hse@gmail.com

Website: <http://psy-journal.hse.ru/>

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

© HSE, 2014 r.

Vol. 11. No 2
2014

PSYCHOLOGY
Journal of the Higher School of Economics

CONTENTS

Special Theme of the Issue. Psychology of Subjectivity

A.S. Ognev. Editorial	5
M.A. Shchukina. Subjectivity Approach to Self-development of the Personality: Theoretical Understanding and Empirical Study	7
T.A. Gavrilova, S.A. Popova. Success and Structure of Coping with the Fear of Personal Death	23
I.V. Vachkov. Polysubject Interaction in Instructional Environment	36
A.S. Ognev, E.V. Likhacheva. Implementation of Positive Subjectivity Genesis in Higher Education System	51

Articles

O.A. Gulevich, O.A. Anikeenok, I.K. Bezmenova. Social Beliefs: Adaptation of J. Duckitt's Scales	68
N.K. Radina, A.V. Porshnev. Psychology and Hermeneutics: Hermeneutic Analysis of Understanding Using Mathematical Schemes and Models	90
M.G. Chesnokova. Methodological Importance of the Ideas of S. Kierkegaard for the Development of Psychological Science	120
A.B. Orlov, N.A. Orlova. The Psychological Status of a Psychotherapist	136
M.V. Falikman. Attention and Chunking in Visual Search among Letter Stimuli	150

Work in progress

E.A. Koltsova. Notions of Work-Life Balance in Russian Employees	160
S.V. Chuvashov. Socio-Psychological Capital as a Factor of Emigration Intentions in Youth	169

Reviews

N.A. Varako. Person-Centered Approach in Neuropsychological Rehabilitation	178
--	-----

*Специальная тема выпуска:
Психология субъектности*

Приглашенный редактор — А.С. Огнев

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Сейчас уже трудно представить, что пятнадцать — двадцать лет назад для многих психологов-практиков использование понятия «субъект» в психологии казалось делом малопродуктивным. По их мнению, это понятие больше подходило для философского описания фундаментальных основ человеческого бытия, в лучшем случае годилось для методологии психологических исследований. Но и во многих теоретических работах того периода обсуждение психологических аспектов природы человеческой субъектности по большей части касалось уточнений сути взглядов С.Л. Рубинштейна, особенностей трактовки субъекта в работах Б.Ф. Ломова и перспектив использования в междисциплинарной теории познания идей В.А. Лекторского о многоуровневой познавательной деятельности взаимодействующих друг с другом индивидуального и коллективного субъектов.

Неспешный ход сугубо академического рассмотрения субъектной природы человека был радикально

нарушен серией выполненных под руководством В.А. Петровского исследований, направленных на выявление таких форм активности, в которых детерминирующее начало человека было представлено в явном виде. Уже с самого начала исследования в этом направлении сочетали бережное отношение к богатой философской традиции описания человеческой субъектности, глубокое теоретическое осмысление получаемых в экспериментальных исследованиях фактов ее проявления и ориентацию на практическое применение новых научных знаний в психолого-педагогической практике.

Живой интерес подчас к парадоксальным проявлениям надситуативной активности, очевидная эвристичность новой теории очень скоро привели буквально к взрыву работ, сочетающих детальное изучение и прагматическое использование феномена человеческой субъектности. Парадигма субъектности в психологии в последующий период развития вобрала в себя как органичные

составляющие идею В.А. Петровского о мультисубъектной природе личности, разработанные его школой методы виртуальной, отраженной и претворенной субъектности, субъектогенетический подход к организации различных видов психолого-педагогической практики. Научная ценность и практическая значимость мультисубъектной трактовки личности как источника, первопричины собственной активности послужили основанием для объединения академической и прикладной составляющих психологии в единую науку о личности — персонологию.

Представленная в данном номере тематическая подборка включает новейшие исследования, показывающие, каким образом идея субъектности может использоваться в качестве продуктивного основания для объединения науки и практики. Их нетривиальность в научном плане и высокая практическая значимость — очевидные свидетельства жизнеспособности субъектной парадигмы в изучении личности человека и в работе по улучшению его жизни.

В статье М.А. Щукиной «Субъектный подход к саморазвитию личности: возможности теоретического понимания и эмпирического изучения» показана правомерность выделения модусов общей субъектности и субъектности развития в плане и теоретического, и эмпирического исследования. Автор приводит способы теоретического описания и эмпирического исследования особенностей представлений личности о путях собственного развития и факторов выбора личностью стратегии своей жизни.

В статье Т.А. Гавриловой и С.А. Поповой «Успешность и содержание совладания субъекта с аутомортальной тревожностью» представлены результаты исследования содержания и успешности различных способов преодоления человеком страха собственной смерти. Авторы показывают гендерную специфику попыток девушек и юношей справиться с этим типом тревожности и дают сравнительный анализ степени успешности различных стратегий демонстрируемого в этом случае совладающего поведения.

Статья И.В. Вачкова «Полисубъектное взаимодействие в образовательной среде» содержит описание методологических основ авторского подхода к полисубъектному взаимодействию как одному из видов педагогического взаимодействия. В статье приведены критериальные признаки полисубъектности, представлена типология общностей, формирующихся в процессе различных видов взаимодействия.

А.С. Огнев и Э.В. Лихачева в статье «Практика внедрения позитивно-ориентированного субъектогенеза в систему высшего образования» раскрывают сущность субъектогенетического подхода к организации психолого-педагогической практики и показывают на примере образовательного модуля «Жизненная навигация»[®] конкретные пути его внедрения в систему высшего образования.

А.С. Огнев

СУБЪЕКТНЫЙ ПОДХОД К САМОРАЗВИТИЮ ЛИЧНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ И ЭМПИРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

М.А. ЩУКИНА



Щукина Мария Алексеевна — зав. кафедрой общей и дифференциальной психологии Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, кандидат психологических наук.

Контакты: sovg5@mail.ru

Резюме

Статья посвящена саморазвитию как особой форме развития личности и личности как субъекту развития. Обсуждается становление психологии саморазвития как самостоятельной, динамично развивающейся области исследований современной психологии. Показан эвристический потенциал субъектного подхода к разработке проблем саморазвития личности. Саморазвитие личности определяется как качественное, необратимое, направленное изменение личности, осуществляемое под управлением самой личности как субъекта развития. Признается, что саморазвитие, сохраняя родовые признаки развития, отличается осознанным и активным участием личности в его осуществлении посредством управления направленной на саморазвитие деятельностью и образом жизни.

Представлено эмпирическое исследование субъектного опыта развития (саморазвития) ($N = 327$), где продемонстрирована правомерность выделения модусов общей субъектности и субъектности развития, а также обнаружена их связанность посредством эмоциональных индикаторов субъектного опыта. Выявлено, что эмоциональное подкрепление опыта субъектности в развитии является значимым фактором воспроизводства такого опыта и превращения его в стратегию жизни.

Показаны взаимосвязи субъектности развития с общей субъектностью личности, определяющей меру самоуправления в социальной среде, и субъектностью жизни, проявляющейся в выборе стратегии жизнетворчества. Саморазвитие представлено как частный случай стратегии жизнетворчества, которая реализуется через управление событиями жизни. Посредством управления личностью событиями как элементами жизненного пути становится возможным управление качественными изменениями самой личности – саморазвитие. Выделены четыре типа шкал субъектности-объектности изменений, характеризующих роль и место субъектной стратегии развития в представлениях развивающейся личности. Установлены статистически значимые различия между респондентами, использовавшими различные типы шкал.

Ключевые слова: саморазвитие, личность, субъект, субъектность, жизнетворчество, событие, изменение.

В рамках современной субъектной парадигмы при конвергенции категорий личности, субъектности и развития складывается проблемное поле, в котором можно выделить две самостоятельные линии научного поиска. Первая линия исследований сгруппирована вокруг понятия «*субъектогенез*» (Огнев, 1999) и конституирована проблемой *развития субъекта*, поднимая вопросы о врожденности субъектного статуса человека, этапах становления субъектности, возрастных нормативах и задачах становления субъектности, факторах его поддержки и депривации, индивидуально-типологических и культурно-исторических особенностях становления человека как субъекта (А.В. Брушлинский, Л.А. Головей, В.Т. Кудрявцев, В.И. Моросанова, А.К. Осницкий, В.А. Петровский, Е.А. Сергиенко, В.И. Слободчиков и др.). Вторая линия психологических исследований своим предметом обозначает *субъекта развития* — личность как детерминатора и управляющего самоопределяемой активностью по качественному самоизменению. Реализуется данная активность в процессе *саморазвития*.

Психология саморазвития — динамично растущая область теоретических и эмпирических разработок как в отечественной (Деркач, Селезнева, 2006; Куликова, 2005; Маралов, 2002; Минюрова, 2009; Низовских, 2010; Цукерман, Мастеров, 1995; Щукина, 2009; и др.), так и в зарубежной психологии (Baueger, 2009; Baumeister, Vohs, 2004; Brandtstädter, 1998; Carver, Scheier, 2011; Lee, 2002; McCann, Pearlman, 1992; и др.). Среди теоретических направлений, продуктивно разрабатывающих в отече-

ственной науке проблематику саморазвития, ведущее положение занимает субъектный подход, представленный различными вариантами: субъектно-деятельностный (А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская, А.Г. Асеев и др.), субъектно-объектный (Л.В. Алексеева, Е.Ю. Коржова, М.А. Щукина и др.), системно-субъектный (Е.А. Сергиенко), субъектно-бытийный (З.И. Рябикина, В.В. Знаков), субъектно-персоналогический (В.А. Петровский) и др. Эвристический потенциал субъектного подхода, впервые раскрытый в трудах С.Л. Рубинштейна, оказался особенно востребованным в настоящее время, ибо он позволяет находить адекватные ответы на актуальный вызов психологической науке — создать психологический портрет личности в современной социальной ситуации. Неопределенность, неустойчивость социальных условий, требования конкурентоспособности, эффективности, инновационности труда ставят перед личностью новые задачи. Ориентиром становится образ жизнестойкой, лабильной личности, структурным стержнем которой являются свойства, выражаемые понятиями группы «само-»: самоутверждение, самоопределение, самоуправление и др. Саморазвитие как форма развития, при которой личность занимает активно-творческую позицию по отношению к своим изменениям, становится в настоящее время ведущим способом становления личности, обозначая перед психологической наукой задачу постижения его сущности, механизмов, условий, средств осуществления. Апелляция к методологическим конструкциям и теоретическим находкам

субъектного подхода позволила нам сформулировать две группы предположений, призванных подойти к решению ключевых проблем психологии саморазвития (Шукина, 2009).

Внутриличностный контекст.

С помощью субъектного подхода феномен саморазвития личности, где «Я сам себя развиваю», может быть представлен как частный случай феноменов группы «само-», атрибутивные черты которых состоят во внутрисистемной отнесенности причинности и внутрисистемной направленности активности (совпадение в системе Я субъекта и объекта активности). Явления «само-» можно объяснить, если личность трактовать как целостное и в то же время полиморфное образование, включающее в свою структуру два модуса Я: субъектный — это активный инициатор и руководитель протекания активности, объектный — это то Я, которое выполняет исполнительские функции. Пространством, где развивается взаимодействие субъекта и объекта, является личность, осуществляющая активность, различные виды которой именуются понятиями группы «само-». При рассмотрении саморазвития личности анализируется один из видов субъектности — субъектность в отношении своего развития. Личность как субъект развития понимается как функциональный орган управления становлением человека. Личность является субъектом развития, если ее активность направлена на свое изменение, рост, становление, а точнее — качественное направленное изменение. В ходе саморазвития личность как субъект развития осуществляет активность, направлен-

ную на преобразование личности как объекта в границах (пространстве) ее внутреннего мира и жизненного пути. Управляемость развития самой личностью предстает как основной критерий саморазвития.

Контекст жизненного пути.

Субъект-объектная оппозиция, трактуемая континуально и представленная в масштабе жизненного пути, обозначает границы движения личности в персоногенезе: от объектной адаптивности — к субъектному овладению жизненной ситуацией, способностью поставить внешние условия на службу внутренним задачам, способностью создавать ситуацию своего развития для достижения самостоятельно определяемых целей. В субъектной жизненной позиции личность понимается как «лицо», исполняющее функции управляющего по реализации авторского «Я-проекта» на своем жизненном пути, строитель индивидуальности. Субъектная позиция личности реализуется в процессе развития через выполнение следующих функций: 1) осознание перспектив (альтернатив, вариантов) развития; 2) выбор группы альтернатив развития; 3) выбор из возможных альтернатив целей развития в виде модели потребного будущего; 4) выбор и организация системы деятельностей, обеспечивающих достижение целей развития; 5) создание среды (ситуации, пространства) развития; 6) оценка, контроль и коррекция хода развития. Устойчивой в субъектном подходе является позиция, согласно которой в ходе жизненного пути развитие постепенно переходит в саморазвитие за счет роста самосознания и самоуправления, личность из объекта

становится субъектом развития. Череда актов саморазвития как поступков, в которых создается личность, способна перерасти в целостный процесс длиною в жизнь, в способ существования, в способ построения жизненного пути личности — жизнетворчество. Однако данный процесс скорее нормативный и может не состояться, поскольку решающее значение здесь имеет фактор собственных усилий личности и выбора личностью стратегии самостроительства своей жизни.

Организация и методы исследования

Выдвинутые теоретические положения были подвергнуты валидации в ходе эмпирического исследования, направленного на экспликацию субъектного опыта развития (саморазвития) личности и изучение его семантических, эмоциональных, возрастных свойств. В исследовании проверялись следующие гипотезы:

1) субъектность развития представляет собой самостоятельный (обособленный) модус субъектности, отличный от общей субъектности личности;

2) мера субъектности опыта развития (саморазвития) связана с уровнем общей субъектности личности, а именно: чем личность более субъектна, тем в большей степени она управляет своими самоизменениями, т.е. использует стратегию саморазвития;

3) мера самоуправления самоизменениями личности (выраженность стратегии саморазвития) детерминирована способностью управлять событиями жизни и в боль-

шей степени выражена у человека, реализующего стратегию жизнетворчества на жизненном пути.

Респондентами являлись жители г. Санкт-Петербурга в количестве 327 человек, 188 из которых — работающие взрослые различных специальностей 18–65 лет (средний возраст = 30.2 года) и 139 — студенты очной формы обучения Санкт-Петербургского института психологии и социальной работы 17–26 лет (средний возраст = 19 лет).

Методики. Изучение накопленного в психологии саморазвития личности опыта показало, что имеющийся арсенал методических средств предназначен для оценки характеристик саморазвивающейся личности: способности к саморазвитию (тесты: Андреева В.И. «Оценка способности к саморазвитию и самообразованию», Андреева В.И. «Оценка потребности в саморазвитии», Козлова В.В. и Фетискина Н.П. «Диагностика уровня парциальной готовности к профессионально-педагогическому саморазвитию», Павлова В.Л. «Тест готовности к саморазвитию»), потребности в саморазвитии (Шострем Э. САМОАЛ), ценности саморазвития (анкета Ш. Шварца). Для достижения цели исследования была поставлена задача поиска таких психометрических процедур, которые позволили бы изучить саморазвитие не как характеристику личности (направленность на саморазвитие, ценность саморазвития, мотив саморазвития и пр.), а как особый способ ее развития. Кроме того, в соответствии с используемой субъектной парадигмой нужны были такие средства, которые могли бы зафиксировать меру субъектности в

выстраивании жизненного пути личности. Эти задачи обусловили обращение к исследовательским приемам, предлагаемым в традициях биографического (Б.Г. Ананьев, Р.А. Ахмеров, А.А. Кроник, Н.А. Логинова, В.В. Нуркова, Н.А. Рыбников, Е.Е. Сапогова и др.) и психосемантического (Дж. Келли, Ч. Осгуд, Е.Ю. Артемьева, Е.Л. Доценко, О.В. Митина, В.Ф. Петренко и др.) методических подходов в психологии, которые предоставляют эффективные способы доступа к представлениям респондентов о динамике жизненного пути и пережитых личностных изменениях, воссоздают внутреннюю картину актов саморазвития личности. Результатом их использования стала разработка двух инструментов сбора данных.

– Модифицированный под цели исследования *тест-опросник «Уровень развития субъектности личности»* (УРСЛ) (Шукина, 2004), где основной диагностический конструкт «субъектность личности» определяется как способность, обеспечивающая человеку возможность осуществлять самоуправление в социальном контексте своего бытия. Под цели исследования опросник был превращен в аналог модифицированного семантического дифференциала, позволяющего осуществлять исследование отраженной субъектности личности психосемантическим методом множественных идентификаций, где участники исследования оценивали две личностные роли: Я-реальный и Я-идеальный.

– Биографическая анкета *«Субъективная шкала авторства жизни»* (Шукина, 2013), диагностическое

значение которой заключается в возможности выявить и оценить субъективные представления респондента о мере его активности, творчества в жизни, о вкладах в свое развитие и созидание своей жизни через управление событиями и личностными изменениями. Для получения описания жизненного пути респондентам предлагалось дать субъективное определение понятий «событие жизни» и «мое изменение», а затем перечислить 10 значимых событий своей жизни и 10 своих значимых изменений, оценить их субъективную эмоциональную окраску, указать возраст, когда они произошли. Авторским нововведением в технику психобиографического исследования являются *«Шкала субъектности-объектности событий»* (СОС) и *«Шкала субъектности-объектности изменений»* (СОИ), в которых реализованы традиции субъектного подхода отечественной психологии. Для установления меры субъектности при выстраивании жизненного пути события и изменения ранжировались респондентами на шкалах СОС и СОИ по принципу величины вклада самой личности в свершение каждого события и изменения. Объектный полюс шкалы был задан как содержащий события и изменения, на которые респонденты не могли повлиять, которые происходили не по их воле, противоположный (субъектный) полюс — события и изменения, которые происходили по воле и благодаря усилиям самой личности. Единицами анализа данных служили показатели: количество эмоционально-положительных событий/изменений, количество эмоционально-отрицательных событий/изменений, количество

субъектных и объектных событий/изменений (близкая к субъектному полюсу и объектному полюсу соответственно $1/4$ часть длины шкал субъектности-объектности событий/изменений), количество Я-событий/Я-изменений (за Я-события/Я-изменения принимаются события/изменения, расположенные респондентами на субъектном полюсе шкал субъектности-объектности событий/изменений).

Результаты и их обсуждение

С целью реконструкции субъектных характеристик пространства саморазвития в структуре представлений личности о жизненном пути измеренные показатели субъектности личности и развития были подвергнуты факторизации методом максимального правдоподобия с Варимакс-вращением с нормализацией Кайзера. В результате было получено пять факторов с общей объясненной дисперсией 56.8% (таблица 1).

Выявленная ортогональность факторов общей субъектности личности (F2) и субъектности развития (F3) (рисунок 1) позволила доказать первую гипотезу исследования, подтвердив правомерность выдвинутого предположения о дифференциации модусов общей субъектности и проявляемой в саморазвитии субъектности развития. В то же время факт ортогональности названных факторов свидетельствует о том, что не находит прямого подтверждения вторая гипотеза исследования, согласно которой мера субъектности опыта развития (саморазвития) связана с уровнем общей субъектности

личности, а именно: чем личность более субъектна, тем в большей степени она управляет своими саморазвитиями, т.е. использует стратегию саморазвития. В пользу данного вывода свидетельствует и анализ парных корреляций (по коэффициенту Спирмена), показавший отсутствие статистически достоверных взаимосвязей между уровнем субъектности личности и показателями субъектности жизненного пути: долей субъектных изменений ($r = 0.103$, $p = 0.079$) и Я-изменений ($r = 0.057$, $p = 0.334$), а также долей субъектных событий ($r = 0.110$, $p = 0.059$) и Я-событий ($r = 0.109$, $p = 0.062$).

Однако при применении метода корреляционного анализа всего спектра изучаемых переменных и отображения значимых связей (при $p \leq 0.01$) между изучаемыми переменными методом корреляционных граф (рисунок 2) обнаружено, что частоты субъектных самоизменений на жизненном пути и показателей субъектности личности связаны опосредованно: через переменную эмоциональной оценки своего опыта изменений. Чем выше уровень общей субъектности личности, тем чаще человек оценивает свои изменения позитивно и тем больше это стимулирует ее к осуществлению субъектных форм развития («Я уже брал(а) развитие в свои руки, я уже брал(а) за это ответственность, и у меня получалось. Я смогу сделать это и дальше, у меня получится»). Таким образом, личности с высоким уровнем субъектности демонстрируют готовность чаще подчинять управление своими изменениями своей воле, нести за это ответственность, но лишь в том случае, если прошлый

Таблица 1

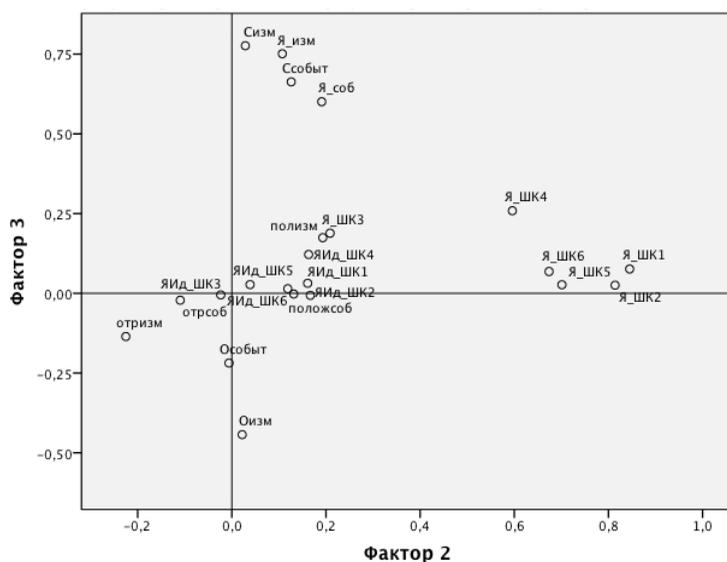
Матрица повернутых факторов

Переменные	Фактор с долей объясненной дисперсии				
	F1	F2	F3	F4	F5
	15.3%	13.6%	10.9%	9.9%	7%
УРСЛ_ЯИд_ШК5	0.882	0.039	0.027	0.011	0.036
УРСЛ_ЯИд_ШК6	0.835	0.119	0.014	-0.005	-0.042
УРСЛ_ЯИд_ШК3	0.819	-0.024	-0.005	0.031	0.063
УРСЛ_ЯИд_ШК2	0.793	0.167	-0.006	0.091	0.016
УРСЛ_ЯИд_ШК4	0.488	0.163	0.122	-0.079	-0.050
УРСЛ_ЯИд_ШК1	0.466	0.161	0.032	-0.078	-0.013
УРСЛ_Я_ШК1	-0.025	0.845	0.076	0.025	0.092
УРСЛ_Я_ШК2	0.144	0.814	0.025	0.088	0.087
УРСЛ_Я_ШК5	0.167	0.701	0.027	-0.015	0.099
УРСЛ_Я_ШК6	0.185	0.674	0.068	0.130	0.143
УРСЛ_Я_ШК4	0.139	0.596	0.259	0.076	0.014
УРСЛ_Я_ШК3	0.081	0.209	0.188	0.015	0.028
Субъектные изменения	0.068	0.029	0.776	-0.042	0.136
Я-изменения	0.041	0.107	0.751	-0.022	0.111
Субъектные события	-0.080	0.126	0.663	0.170	-0.081
Я-события	-0.006	0.191	0.601	0.174	-0.039
Объектные изменения	-0.100	0.022	-0.443	-0.003	-0.189
Отрицательные события	-0.014	-0.110	-0.022	-0.991	-0.069
Положительные события	0.010	0.131	-0.002	0.933	0.137
Объектные события	0.064	-0.006	-0.219	-0.408	-0.102
Положительные изменения	0.050	0.193	0.174	0.142	0.953
Отрицательные изменения	0.081	-0.225	-0.136	-0.194	-0.693

Примечание. УРСЛ – результаты измерений с помощью опросника «Уровень развития субъектности личности»; УРСЛ_ЯИд – оценки респондентов по опроснику УРСЛ в отношении Я-идеального; УРСЛ_Я – оценки респондентов по опроснику УРСЛ в отношении Я-реального; ШК1 – шкала «Активность–реактивность» УРСЛ; ШК2 – шкала «Автономность–зависимость» УРСЛ; ШК3 – шкала «Целостность–дизинтегративность» УРСЛ; ШК4 – шкала «Опосредствованность–непосредственность» УРСЛ; ШК5 – шкала «Креативность–стандартность» УРСЛ; ШК6 – шкала «Самоценность–ничтожность» УРСЛ.

Рисунок 1

Переменные в 2-факторном пространстве: фактор 2 — общая субъектность–объектность личности, фактор 3 — субъектность–объектность развития



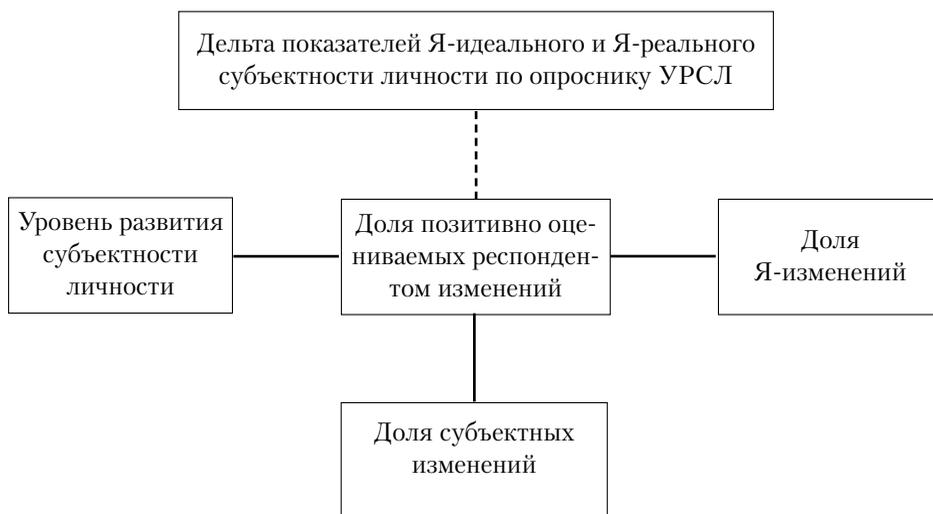
Примечание. ЯИд — оценки респондентов по опроснику УРСЛ в отношении Я-идеального; Я — оценки респондентов по опроснику УРСЛ в отношении Я-реального; ШК1 — шкала «Активность–реактивность» УРСЛ; ШК2 — шкала «Автономность–зависимость» УРСЛ; ШК3 — шкала «Целостность–дезинтегративность» УРСЛ; ШК4 — шкала «Опосредствованность–непосредственность» УРСЛ; ШК5 — шкала «Креативность–стандартность» УРСЛ; ШК6 — шкала «Самоценность–ничтожность» УРСЛ; Сизм — субъектные изменения; Ссоб — субъектные события; Я-изм — Я-изменения; Я-соб — Я-события; Оизм — объектные изменения; Оособыт — объектные события; полизм — положительные изменения; положсоб — положительные события; отризм — отрицательные изменения; отрсоб — отрицательные события.

опыт самоуправления переживался ими как эмоционально-положительный. Можно сказать, что *эмоциональное подкрепление опыта субъектности в развитии является значимым фактором воспроизводства такого опыта и превращения его в стратегию жизни* даже у людей с высоким уровнем социальной субъектности. Кроме того, частота субъектных и Я-изменений связана опосредованно (опять же через эмоциональную оценку) с переменной

«дельта Я-идеального и Я-реального по УРСЛ», которая, в свою очередь, отрицательно взаимосвязана с актуальным УРСЛ. Данная связь показывает, что чем у человека выше уровень субъектности, тем меньше разрыв между актуальным и желаемым уровнями субъектности, иными словами, он более достижим, находится в зоне ближайшего развития, оценивается адекватно реалистично, и тем с большей вероятностью при наличии в ретроспекции положительного

Рисунок 2

Корреляционный граф субъектных и эмоциональных индикаторов опыта самоизменений



Примечание. Сплошная линия — прямая связь, пунктирная линия — обратная связь (при $p \leq 0.01$).

эмоционального опыта самоизменений он будет готов чаще совершать субъектные самоизменения, т.е. использовать стратегию саморазвития на жизненном пути.

Важным результатом факторизации является тот факт, что *переменные субъектности/объектности событий и субъектности/объектности изменений на жизненном пути личности образуют единый фактор (F3)*, что свидетельствует о нерасчлененности представлений респондентов о критериях оценки субъектности/объектности событий и изменений, а это, в свою очередь, демонстрирует их совокупный вклад в определение меры авторства личности на жизненном пути, меры реализации стратегии жизнетворчества. Данный вывод в сочетании с результатами корреляционного анализа с помощью коэф-

фициента Спирмена, где переменные меры субъектности событий и изменений связаны на 0.01%-ном уровне достоверности ($r = 0.466, p = 0.001$), как и доли Я-событий и Я-изменений на жизненном пути ($r = 0.554, p = 0.001$), обеспечил *подтверждение третьей гипотезы* и эмпирическое подтверждение теоретического тезиса, согласно которому саморазвитие является частным случаем жизнетворчества. Жизнетворчество раскрывается как воздействие на события своей жизни, а через управление событиями становится возможным управление изменениями самой личности — саморазвитие. Мера субъектности личностных изменений связана не столько с субъектностью личности, сколько с мерой активности личности в организации событий своей жизни. Можно предположить,

что создают личность не столько специальная работа над собой и практика самоуправления, сколько в целом жизнь как организованная работа.

Проведенная процедура множественного *регрессионного анализа* методом пошагового отбора ($R = 0.65$; $R^2 = 0.423$; std. ошибка оценки = 22.03) продемонстрировала, что 42% дисперсии показателя субъектности самоизменений определяется совместной корреляцией следующих переменных:

– доля субъектных событий ($p = 0.001$): именно мера вложения усилий личности в организацию своей жизни и управление событиями как единицами жизненного пути является самой сильной детерминантой меры субъектности личности в управлении своим развитием;

– доля положительных изменений ($p = 0.002$): субъектные изменения склонна совершать личность, которая переживает опыт своего развития позитивно, принимает и оценивает свои трансформации на жизненном пути эмоционально-положительно;

– доля отрицательных событий ($p = 0.01$): субъектную позицию по отношению к своему становлению готова в большей степени занять личность, видящая жизнь не только «в розовом свете», учитывающая опыт неудач и разочарований, преодолевшая и осмыслившая негативный опыт жизни;

– показатель желаемого уровня опосредствованности активности ($p = 0.004$): личность, стремящаяся к повышению осознанности и осмысленности собственных поступков, чаще проявляет субъектность в самосозидании;

– дельта реального возраста испытуемых и среднего возраста указанных ими значимых самоизменений ($p = 0.028$): чем в большей степени значимые для испытуемого самоизменения сосредоточены в его «настоящем», тем в большей степени они поддаются управлению со стороны самой личности.

В ходе анализа субъект-объектных шкал оценки изменений было обнаружено четыре типа распределения респондентами изменений на данной шкале, характеризующих роль и место субъектной стратегии развития в представлениях личности: объектно-ориентированная, субъектно-ориентированная, равномерного распределения, биполярная.

Объектно-ориентированная шкала (рисунок 3) представляет собой группировку значимых самоизменений, тяготеющую к полюсу объектности изменений. Шкала использована 5.7% респондентов, для которых характерна в основном отрицательная оценка опыта прожитой жизни (событий и изменений), самая низкая по сравнению с иными группами доля субъектности изменений и событий, а также низкие показатели субъектности личности Я-реального на фоне самых высоких по выборке, скорее всего неадекватно завышенных, притязаний в оценке субъектности Я-идеального. Психологический портрет личности с объектной ориентацией развития показывает, что данную группу образуют люди с низкой самооценкой своих субъектных качеств как в социальном взаимодействии, так и в организации собственной жизни, отличающиеся высокой конформностью, тактикой

подстройки под жизненные обстоятельства при сниженной инициативности и самостоятельности в совершении поступков, способных изменить ход жизни или свое Я.

Субъектно-ориентированная шкала (рисунок 4) характерна для 9.5% опрошенных и представляет собой распределение значимых самоизменений с тяготением к полюсу субъектности изменений. В данной группе наблюдается статистически значимо превосходящее число субъектных изменений, следовательно, именно ее можно считать использующей преимущественно субъектную стратегию развития (стратегию саморазвития). Для представителей данной группы характерен самый высокий (но статистически недостоверно) по выборке УРСЛ при самых низких притязаниях на рост данной характеристики, преобладающая положительная эмоциональная оценка своих изменений и событий жизни, а также доминирование субъектной

ориентации не только в развитии, но и в управлении событиями своей жизни. Совокупный анализ изучаемых свойств показывает, что данную группу составляют цельные, уверенные в себе и удовлетворенные своими возможностями и свершениями на жизненном пути личности, самостоятельно управляющие своей активностью, изменением и событийным строем жизни.

Шкала равномерного распределения самоизменений по признаку их субъектности (рисунок 5) используется доминирующей частью выборки (61%), которая отличается низким по отношению к выборке уровнем субъектности личности при выражено высоких оценках самооценности и опосредствованности своей активности. В оценке субъектности жизненного пути преобладают осторожность, неопределенность, несформированность позиции, приводящие к низкой доле событий и изменений с доминированием субъ-

Рисунок 3

Пример объектно-ориентированной шкалы изменений из протоколов исследования

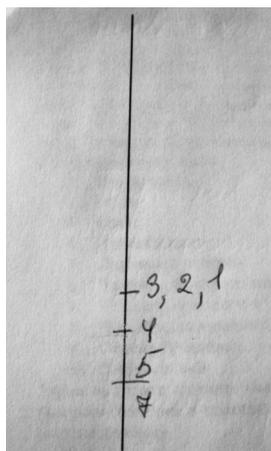
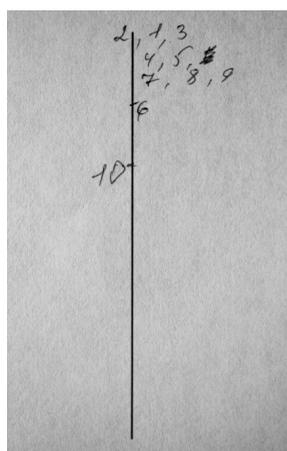


Рисунок 4

Пример субъектно-ориентированной шкалы изменений из протоколов исследования



ектного начала, что приводит к низкой удовлетворенности пройденным жизненным путем.

Биполярная шкала с характерной диаметральной группировкой значимых самоизменений у полюсов шкалы (рисунок 6) была использована 23.7% респондентов, отличающихся самыми низкими и противоречивыми по профилю УРСЛ показателями. Обращают на себя внимание крайне низкий уровень креативности, т.е. способности проявлять социальную гибкость, при сниженном уровне УРСЛ Я-идеального, это показывает, что данную группу составляют респонденты с внутренними неразрешенными противоречиями, с преобладающими крайностями в оценках, негибкие и не стремящиеся меняться. В отношении жизненных ситуаций эти люди привыкли совершать однозначный выбор: либо полностью брать ситуацию в свои руки (причем доля таких значимых эпизодов в их жизни достаточно велика),

либо пускать ситуацию на самотек. Однако такая стратегия жизни не приносит ее исполнителям удовлетворения: преобладают негативные оценки событийного ряда и ряда самоизменений на жизненном пути.

Между респондентами, использовавшими выявленные типы шкал, по ряду измеренных признаков обнаружены статистически значимые различия (по критерию Краскала—Уоллиса) (таблица 2). Установлено, что в группах с полюсной ориентацией оценки изменений выше доля эмоционально-положительно окрашенных событий и изменений независимо от доминирующего полюса шкалы. Самой младшей по возрасту является группа с равномерно расположенными самоизменениями на шкале СОИ, что позволяет предположить возрастание с возрастом определенности, даже заостренности личностной позиции в отношении меры своего вклада в организацию своего развития. Чем старше респонденты,

Рисунок 5

Пример шкалы равномерного распределения изменений из протоколов исследования

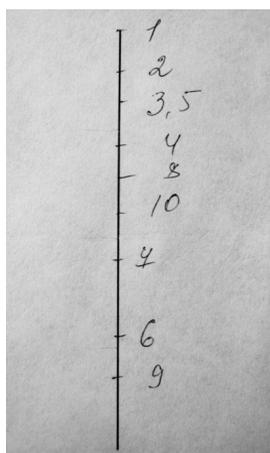


Рисунок 6

Пример биполярной шкалы изменений из протоколов исследования

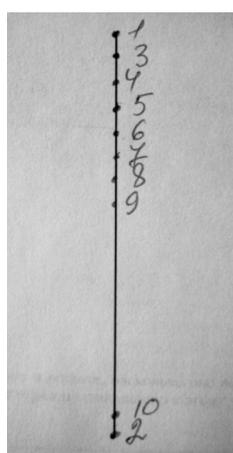


Таблица 2

Различия изучаемых параметров жизненного пути и субъектности личности в группах с различным типом субъект-объектной шкалы самоизменений

Единицы анализа жизненного пути	Тип субъект-объектной шкалы самоизменений				<i>p</i>
	ОО	СО	Р	Б	
Доля положительных изменений	85	87.27	80.24	79.54	0.001
Доля отрицательных изменений	13.97	10.92	18.25	17.88	0.001
Доля Я-событий	14.76	26.28	17.64	21.47	0.003
Доля субъектных событий	0.56	62.09	36.87	44.07	0.001
Доля объектных событий	34.95	11	15.45	4.68	0.001
Возраст	27.61	26.57	23.87	27.97	0.005
Средний возраст событий (медиана)	20.06	21.96	17.87	21.38	0.001
Средний возраст Я-событий (медиана)	20.1	19.49	21.42	20.15	0.001
Дельта возраста и среднего возраста событий	6.12	4	5.14	6.45	0.010
Средний возраст изменений (медиана)	21.91	23.02	20.3	23.25	0.018
Средний возраст Я-изменений (медиана)	23.23	23.37	20.66	22.4	0.036
Дельта возраста и среднего возраста изменений	4.26	4.24	3.43	4.11	0.027
УРСЛ Я-реальное	39.72	41.27	39.66	39.36	0.849
УРСЛ Я-идеальное	51.24	48.35	49.77	48.5	0.051

Примечание. ОО – объектно-ориентированная шкала, СО – субъектно-ориентированная шкала, Р – равномерная шкала, Б – биполярная шкала, *p* – достоверность различий по критерию Краскала–Уоллиса.

тем более они склонны устремлять свои оценки субъектности развития к полюсам: либо одному из них, либо биполярно. Наиболее сильными личностными дифференциалами, определяющими принадлежность респондентов к одному из типов группировки шкалы СОИ, являются показатели автономности и самооцен-

ности в профиле субъектности Я-реального, а также целостность и креативность в оценке субъектности Я-идеального.

Выводы

1. В рамках субъектной парадигмы саморазвитие личности — это

качественное, необратимое, направленное изменение личности, осуществляемое под управлением самой личности как субъекта развития. Саморазвитие, сохраняя родовые признаки развития, отличается осознанным и активным участием самой личности в его осуществлении посредством управления направленной на саморазвитие деятельностью и образом жизни.

2. Стратегически в масштабе жизненного пути саморазвитие личности есть особый способ жизни, устремленный к созиданию своего Я, инструмент творения личности и индивидуальности. Саморазвитие является частным случаем стратегии жизнотворчества, которое реализу-

ется через управление событиями жизни. Посредством управления личностью событиями как элементами жизненного пути становится возможным управление качественными изменениями самой личности — саморазвитие.

3. Общая субъектность личности и проявляемая личностью при саморазвитии субъектность развития представляют собой самостоятельные модусы субъектности, связанные посредством эмоциональных индикаторов субъектного опыта. Эмоциональное подкрепление опыта субъектности в развитии является значимым фактором воспроизводства такого опыта и превращения его в стратегию жизни.

Литература

- Деркач, А. А., Селезнева, Е. В. (2006). *Акмеологическая культура личности: содержание, закономерности, механизмы развития*. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК».
- Куликова, Л. Н. (2005). *Саморазвитие личности: психолого-педагогические основы: Учебное пособие*. Хабаровск: Изд-во Хабаровского государственного педагогического университета.
- Маралов, В. Г. (2002). *Основы самопознания и саморазвития: Учебное пособие*. М.: Издательский центр «Академия».
- Минюрова, С. А. (2009). *Психологические основания выбора стратегий саморазвития в профессии* (Автореферат докторской диссертации, Психологический институт РАО, Москва).
- Низовских, Н. А. (2010) *Жизненные принципы в личностном саморазвитии человека* (Автореферат докторской диссертации, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва).
- Огнев, А. С. (1999). *Акмеологические основы профессионального становления государственных служащих* (Автореферат докторской диссертации, Российская академия государственной службы при Президенте РФ, Москва).
- Цукерман, Г. А., Мастеров, Б. М. (1995). *Психология саморазвития*. М.: Интерпракс.
- Щукина, М. А. (2004). *Особенности развития субъектности личности в подростковом возрасте*. (Автореферат кандидатской диссертации, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).
- Щукина, М. А. (2009). *Психология саморазвития личности: проблемы, подходы, гипотезы*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета.
- Щукина, М. А. (2013). Поступление в вуз как значимое событие жизни. *Психология обучения*, 5, 105–114.

- Bauer, J. J. (2009). Intentional self-development. In J. Sh. Lopez (Ed.), *The Encyclopaedia of positive psychology* (pp. 523–527). Oxford: Blackwell Publishing Ltd.
- Baumeister, R. F., & Vohs, K. D. (Eds.). (2004). *Handbook of self-regulation: Research, theory, and application*. New York: Guilford.
- Brandstädter, J. (1998). Action perspectives on human development. In W. Damon, & R. M. Lerner (Eds.), *Theoretical models of human development* (5th ed., Vol. 1, pp. 807–863). New York: Wiley.
- Carver, C. S., & Scheier, M. F. (2011). Self-regulation of action and affect. In K. D. Vohs, & R. F. Baumeister (Eds.), *Handbook of self-regulation: Research, theory, and applications* (2nd ed., pp. 3–21). New York: Guilford.
- Lee, M. (2002). Who am I? Self-development in organizations. In M. Pearn (Ed.), *Individual differences and development in organizations* (pp. 17–34). New York: John Wiley & Sons Ltd.
- McCann, L., & Pearlman, L. A. (1992). Constructivist self-development theory: A theoretical framework for assessing and treating traumatized college students. *Journal of American College Health*, *46*, 189–196.

Subjectivity Approach to Self-development of the Personality: Theoretical Understanding and Empirical Study

Mariia A. Shchukina

Head of the department of general and differential psychology, St.-Petersburg state institute of psychology and social work
E-mail:corr5@mail.ru

Address: 13A 12 liniya V.O., St.-Petersburg, Russian Federation, 199178

Abstract

The paper addresses self-development as a special form of personality development and personality as the subject of development. Formation of psychology of self-development as an independent and dynamic research area is discussed. We show heuristic potential of subjectivity approach to self-development of the personality. Self-development of the personality is defined as a qualitative, irreversible, and directional personality change accomplished by the personality itself as the subject of the development. It is noted that although bearing overall resemblance, self-development is different from development in that it includes conscious and active participation of the personality guiding its own activity and way of life. Empirical study of subjective experience of development (self-development) (N = 327) has demonstrated that the separation between general and developmental subjectivity is necessary and that the link between them is accomplished by emotional indicators of subjective experience. It has been shown that emotional reinforcement of subjectivity experience in the process of development is a significant factor of its reproduction and transformation into life strategy.

We testify interlinks between developmental subjectivity and general subjectivity that defines the level of self-management in social environment and life subjectivity manifesting itself in the choice of a life creativity strategy. Self-development is presented as a case of a life creativity strategy accomplished in the management of life events. Self-development as management of qualitative changes of the personality itself becomes possible thanks to management of events as life journey elements. We have identified four categories of change subjectivity-objectivity scales that

describe the role of subjectivity strategy in the perceptions of a developing personality. Statistically significant differences are found between respondents using different types of scales.

Key words: self-development, personality, subject, subjectivity, life creativity, event, change.

References

- Bauer, J. J. (2009). Intentional self-development. In J. Sh. Lopez (Ed.), *The Encyclopaedia of positive psychology* (pp. 523–527). Oxford: Blackwell Publishing Ltd.
- Baumeister, R. F., & Vohs, K. D. (Eds.). (2004). *Handbook of self-regulation: Research, theory, and application*. New York: Guilford.
- Brandtstädter, J. (1998). Action perspectives on human development. In W. Damon, & R. M. Lerner (Eds.), *Theoretical models of human development* (5th ed., Vol. 1, pp. 807–863). New York: Wiley.
- Carver, C. S., & Scheier, M. F. (2011). Self-regulation of action and affect. In K. D. Vohs, & R. F. Baumeister (Eds.), *Handbook of self-regulation: Research, theory, and applications* (2nd ed., pp. 3–21). New York: Guilford.
- Derkach, A. A., & Selezneva, E. V. (2006). *Akmeologicheskaya kul'tura lichnosti: sodержanie, zakonomenosti, mekhanizmy razvitiya* [Acmeological culture of personality: content, patterns and development mechanisms]. Moscow: Moscow Psychological-Social Institute; Voronezh: «MODEK».
- Kulikova, L. N. (2005). *Samorazvitiye lichnosti: psikhologo-pedagogicheskie osnovy* [Self-development of personality: psychological and educational basis]. Khabarovsk: Khabarovsk State Pedagogical Institute.
- Lee, M. (2002). Who am I? Self-development in organizations. In M. Pearn (Ed.), *Individual differences and development in organizations* (pp. 17–34). New York: John Wiley & Sons Ltd.
- Maralov, V. G. (2002). *Osnovy samopoznaniya i samorazvitiya* [Basis for self-exploration and self-development]. Moscow: Academy.
- McCann, L., & Pearlman, L. A. (1992). Constructivist self-development theory: A theoretical framework for assessing and treating traumatized college students. *Journal of American College Health*, 46, 189–196.
- Miniurova, S. A. (2009). *Psikhologicheskie osnovaniya vybora strategii samorazvitiya v professii* [Psychological basis for selecting a self-development strategy in a profession] (Doctoral dissertation, Russian Educational Academy Institute of Psychology, Moscow).
- Nizovskih, N. A. (2010). *Zhiznennyye printsipy v lichnostnom samorazvitiye cheloveka* [Life principles in personality self-development] (Doctoral dissertation, Moscow State University, Moscow).
- Ognev, A. S. (1999). *Akmeologicheskie osnovy professional'nogo stanovleniya gosudarstvennykh sluzhashchikh* [Acmeological basis for professional development of civil servants] (Doctoral dissertation, The Russian Presidential Academy of Public Administration, Moscow).
- Schukina, M. A. (2004). *Osobennosti razvitiya sub'ektnosti lichnosti v podrostkovom vozraste* [Characteristics of subjectivity development in teenagers] (PhD dissertation, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg).
- Schukina, M. A. (2009). *Psikhologiya samorazvitiya lichnosti: problemy, podkhody, gipotezy* [Psychology of personality self-development: problems, approaches, and hypotheses]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
- Schukina, M. A. (2013). Postuplenie v vuz kak znachimoe sobytie zhizni [Starting University as a significant life event]. *Psikhologiya Obucheniya*, 5, 105–114.
- Zukerman, G. A., & Masterov, B. M. (1995). *Psikhologiya samorazvitiya* [Psychology of self-development]. Moscow.

УСПЕШНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ СОВЛАДАНИЯ СУБЪЕКТА С АУТОМОРТАЛЬНОЙ ТРЕВОЖНОСТЬЮ

Т.А. ГАВРИЛОВА, С.А. ПОПОВА



Гаврилова Татьяна Александровна — зав. кафедрой психологии образования Школы педагогики (бывш. — Уссурийский государственный педагогический институт) Дальневосточного федерального университета, кандидат психологических наук, доцент.

Сфера научных интересов: психология развития, психология субъекта, танатопсихология, психометрия и психодиагностика.

Контакты: tgavrlovaster@gmail.com



Попова Светлана Альбертовна — старший преподаватель кафедры психологии образования Школы педагогики (бывш. — Уссурийский государственный педагогический институт) Дальневосточного федерального университета.

Сфера научных интересов: экзистенциальная психология, страх и тревога смерти, психология совладающего поведения, психология религии.

Контакты: valentin-feb@mail.ru

Резюме

Цель исследования — изучить успешность и содержание совладания субъекта с аутомортальной тревожностью (на материале исследования юношей и девушек). Исследование проводилось по корреляционному типу на выборке студентов и учащихся техникума 15–20 лет ($N = 177$, 83 юноши и 94 девушки) при помощи опросника Профиль аттитюдов по отношению к смерти (Death Attitudes Profile — Revisited, DAP-R) П.Т.П. Вонга с соавт. и опросника Танато-совладающие реакции (ТСР) Т.А. Гавриловой и С.А. Поповой. Аутомортальная тревожность операционализировалась по показателям шкалы «Страх смерти» DAP-R. Совладания операционализировались по показателям остальных шкал DAP-R («Избегание темы смерти», «Нейтральное принятие смерти», «Приближающее принятие смерти» и «Избавляющее принятие смерти»), а также по выраженности каждой из 41 танато-совладающих реакций по ТСР. Получены данные о том, что стратегии совладания с аутомортальной тревожностью имеют гендерную специфику и девушки более успешны и адаптивны в этой сфере. По DAP-R, у юношей аутомортальная тревожность умеренно и позитивно коррелировала с «Избеганием темы смерти», «Приближающим принятием

смерти», «Избавляющим принятием смерти» и не коррелировала с «Нейтральным принятием смерти». У девушек выявилась негативная корреляция аутомортальной тревожности с «Нейтральным принятием смерти», позитивная ее корреляция с «Избеганием темы смерти» и с «Приближающим принятием смерти», а также — отсутствие связей с «Избавляющим принятием смерти». По ТСР, аутомортальная тревожность у юношей умеренно негативно коррелировала с реакцией избегающего типа, а у девушек — также негативно и умеренно с реакцией нейтрального принятия. Обсуждаются негативные (суицидальные) и позитивные (жизнеутверждающие) эффекты аутомортальной тревожности.

Ключевые слова: страх и тревога смерти, аутомортальная тревожность, совладающее поведение, гендер.

В психологии сложились определенные традиции в подходах (психоаналитический, бихевиористский, экзистенциалистский, этологический) и методах исследования проблемы тревожности и совладания с ней, имеются разнообразные теории (З. Фрейд, А. Бандура, Р. Мэй, Ф.Б. Березин, Ю.Л. Ханин и др.) и практические выкладки. Одним из наименее изученных аспектов тревожности, на наш взгляд, остается вопрос о тревожности, связанной с осознанием человеком факта своей неустранимой смертности — аутомортальности (от *лат.* *auto* — «сам» и *morte* — «смерть»). Тема «человек и смерть» широко обсуждается в философии, в отечественной психологии ей уделяется гораздо меньше внимания по сравнению с другими. Такое положение особенно контрастирует с западной наукой, где танатопсихологические исследования имеют солидную традицию (см.: Neimeyer et al., 2004).

Для продвижения в психологической проработке этой проблемы нам представилось продуктивным пред-

ложить концепцию аутомортальной тревожности¹, мы представили ее в качестве базовой модальности отношения человека к такому своему атрибуту, как смертность. Аутомортальность открывается человеку опосредованно, через когнитивно-рефлексивные процессы и, несмотря на определенную зависимость от актов «социального конструирования», всегда включает в свое содержание оттенок *угрозы*. Каким бы образом ни конструировалась и ни понималась перспектива конечности индивидуального существования, она всегда будет содержать как минимум *угрозу утраты*. Представление тревожности в качестве базовой модальной формы отношения человека к своей смертности имеет солидную традицию в философии (М. Хайдеггер, П. Тиллих, Э. Беккер) и психологии (И. Ялом, Дж. Рейнгольд, Ш. Солломон, Т. Пищинский, Дж. Гринберг и др.).

Терминологически понятие «аутомортальная тревожность» близко к таким понятиям, как «страх смерти»

¹ В понятие «тревожность» мы вкладываем смысл родового конструкта для обозначения феноменов тревоги и страха, без их дифференциации и без дифференциации на состояние и диспозицию.

(*fear of death*) и «тревога смерти» (*death anxiety*), но является более узким и более однозначным, так как не включает такие виды беспокойств по поводу смерти, как тревога по поводу смерти близких, тревога по поводу «послежизни» или процесса мирания.

Ведущим теоретическим основанием нашей концепции аутомортальной тревожности является субъектный подход, в частности, системно-субъектный (Сергиенко, 2011). С этих позиций аутомортальная тревожность раскрывается как переживание человеком экзистенциальной угрозы в отношении реализации своих субъектных функций: когнитивной, регулятивной и коммуникативной. Каждая из этих функций «спотыкается» о факт нашей смертности (Гаврилова, 2013). В данной статье излагаются результаты исследования регулятивных аспектов аутомортальной тревожности, которые представлены в системе совладающего поведения субъекта.

Совладание (копинг) как поведение, «позволяющее субъекту с помощью осознанных действий способами, адекватными личностным особенностям и ситуации, справиться со стрессом или трудной жизненной ситуацией», отражает субъектные качества человека (Крюкова, 2008а, с. 57). В психологии эта сфера человеческой субъектности исследуется весьма широко и последовательно и относительно самых разнообразных контекстов человеческой жизни. Трудность экзистенциальной ситуации человека с ее проблемами смысла, выбора, свободы, одиночества и конечности проанализирована в философии. В психологической науке

мы пока находимся на подступах к изучению этой проблемы. Одним из шагов в этом направлении может стать изучение психологических аспектов совладания человека с ситуацией конечности — аутомортальности.

Экзистенциальная ситуация человека в целом может быть отнесена к той категории «трудных ситуаций», которая не поддается контролю со стороны человека, она не может быть изменена его усилиями и в этом смысле ограничивает и фрустрирует его субъектность. С другой же стороны, эта ситуация стимулирует субъектность, бросая ей вызов и побуждая к «надситуативной активности» (Петровский, 2010). И в этом смысле совладание с такой ее данностью, как конечность личного существования, предполагает особую специфику в содержании, динамике, факторах и эффектах копинг-усилий. И эта специфика, на наш взгляд, раскрывается, прежде всего, в том, что в данном случае субъект имеет дело с уникальной *угрозой*. Угроза аутомортальности — неустрашима и потому *фатальна*, она *тотальна*, и она всегда *дебютна* и потому неопределенна для человека в своих экспериментальных последствиях. И наконец, она неконтролируема в силу того, что человек «заминирован» ею. Именно поэтому, с нашей точки зрения, базовым отношением человека к аутомортальности выступает тревожность, а все остальные отношения — как совладания с ней.

Целью представленного в статье исследования стало изучение успешности совладания субъекта с аутомортальной тревожностью и его структуры (на материале исследования

юношей и девушек). Для решения поставленной цели были выделены две задачи.

Задача 1. Определить структуру отношения субъекта к аутомортальности как соотношение различных стратегий совладания.

Задача 2. Выявить связи аутомортальной тревожности с различными стратегиями совладания и оценить их успешность.

Методика

Испытуемые. В исследовании приняли участие 83 юноши и 94 девушки ($N = 177$) 15–20 лет, студенты Школы педагогики ДВФУ ($N = 79$) и учащиеся техникума ПРИМИЖТ ($N = 98$). Средний возраст испытуемых — 17,4 года ($SD = 1,8$ года). Выборка формировалась случайным образом: студентов и школьников в конце учебных занятий приглашали принять участие на добровольной основе в групповом опросе отношения молодежи к жизни и смерти.

Процедура исследования. Исследование было организовано в один этап. Испытуемым предлагался буклет с двумя опросниками: опросником Профиль аттитюдов по отношению к смерти (Death Attitudes Profile — Revisited; DAP-R) П.Т.П. Вонга (Wong) с соавт. в адаптации Т.А. Гавриловой (Гаврилова, 2011) и авторский опросник Танато-совладающие реакции (ТСР).

DAP-R состоит из 32 пунктов самоотчетного типа и включает 5 шкал: «Страх смерти» (Fear of Death), «Избегание темы смерти» (Death Avoidance), «Нейтральное принятие» (Neutral Acceptance), «Приближающее принятие» (Ar-

roach Acceptance) и «Избавляющее принятие» (Escape Acceptance). Все шкалы опросника были получены посредством процедур факторного анализа.

Шкала «Страх смерти» включает в себя пункты, которые оценивают негативные чувства человека при столкновении с темой собственной смерти. Показатели по данной шкале мы операционализировали как показатели аутомортальной тревожности. В шкалу «Избегание темы смерти» включены пункты, оценивающие опыт человека по избеганию мыслей и разговоров на тему смерти в попытке ослабить тревогу по этому поводу. Авторы-разработчики полагают, что эта шкала косвенным образом оценивает механизмы психологической защиты сознания от осознания смерти. Обе эти шкалы объединяются в кластер негативного отношения к смерти.

В позитивное отношение к смерти Вонг с соавт. включают три вида ее принятия, которые, как им представляется, охватывают все возможные варианты: «нейтральное», «приближающее» и «избавляющее» принятия.

В шкалу «Нейтральное принятие» включены пункты, оценивающие убеждение в том, что смерть является частью жизни и не надо ни бояться, ни приветствовать ее; человек просто принимает это как «неизбежный факт жизни и старается наилучшим образом использовать конечную жизнь» (Wong et al., 1994, p. 126). «Приближающее принятие» заключается в вере в счастливую «послежизнь», в которую смерть является просто переходом. И наконец, «Избавляющее принятие» состоит в убеждении, что смерть

предлагает освобождение от физической или психологической боли и страданий. Это вера в то, что «когда жизнь полна боли и отчаяния, смерть может быть желанной альтернативой» (Там же, р. 127). Данная шкала обсуждается создателями методики как выражающая суицидальные тенденции и ассистирование эвтаназии.

При оценке внутренней согласованности наших данных все шкалы оказались достаточно надежными (таблица 1).

Для исследования совладания с ситуацией аутомортальности использовался разработанный нами опросник Танато-совладающие реакции (ТСР), в котором респондентам было предложено оценить по 5-балльной шкале степень сходства своих реакций на мысли о неизбежности личной конечности с каждой из 41 предложенных. Опросник основан на результатах контент-анализа свободных описаний студентов своих способов реагирования на мысли о смерти. Пример реакций, включенных в опросник: «Я говорю себе, что это случится не скоро», «Подавляю эмоции в себе», «Углубляюсь в совместные с другими людьми дела, чтобы преодолеть свое состояние» и т.д.

Шкалы DAP-R мы операционализировали как показатели копинг-стратегий субъекта по совладанию с проблемой аутомортальности. Иначе говоря, мы выделили две такие стратегии: уклонение от решения проблемы («Избегание темы смерти») и приспособление к проблеме, которое имело три варианта: избавляющее принятие смерти, приближающее принятие смерти и нейтральное принятие смерти. «Страх смерти» мы не включили в состав совладания с проблемой по двум причинам. С одной стороны, страх смерти является индикатором аутомортальной тревожности, которая для нас выступает базовой модальностью отношения субъекта к неизбежной конечности личного существования. С другой стороны, этот страх — показатель неуспешного совладания и в этом смысле может не включаться в состав совладающих стратегий.

Результаты

Для анализа результатов исследования использовались корреляционный анализ по Пирсону и сравнение средних по критерию Манна–Уитни при помощи пакета статистических программ SPSS.16.

Таблица 1

Внутренняя согласованность шкал DAP-R

Шкалы DAP-R	α Кронбаха
Страх смерти	0.789
Избегание смерти	0.832
Нейтральное принятие	0.670
Приближающее принятие	0.855
Избегающее принятие	0.821

В нашем предыдущем исследовании совладаний с аутомортальной тревожностью (Гаврилова, Попова, 2012) была обнаружена их существенная гендерная специфика, поэтому и в данном случае анализ результатов проводился раздельно для каждого пола.

При оценке гендерных различий в выраженности аттитудов по отношению к смерти по DAP-R выяснилось, что у девушек было более выраженным «Приближающее принятие смерти» ($U = 3217.5; p < 0.05$), они чаще признавали у себя такие реакции на мысли о смерти, как «*Думаю, что надо постараться прожить жизнь как можно полнее, чтобы смерти не досталось ничего*» ($U = 3237.5; p < 0.05$) и «*У меня много дел, поэтому как-то не до этого*» ($U = 3222.0; p < 0.05$). Юноши чаще отмечали: «*Мне кажется это настолько непонятным (абсурдным), что возникает надежда на чудо*» ($U = 3175.0; p < 0.05$) и «*Подавляю эмоции в себе*» ($U = 2933.0; p < 0.05$).

Структура стратегий совладания с аутомортальной тревожностью

Для анализа структуры стратегий совладания с аутомортальной тревожностью мы проанализировали интеркорреляции шкал DAP-R, которые, как было показано выше, мы рассматриваем как индикаторы различных стратегий совладания с проблемой аутомортальности.

Анализ связей между шкалами DAP-R показывает, что у юношей шкала «Страх смерти» (аутомортальная тревожность) непосредственно и позитивно связана со шкалами «Избегание темы смерти»

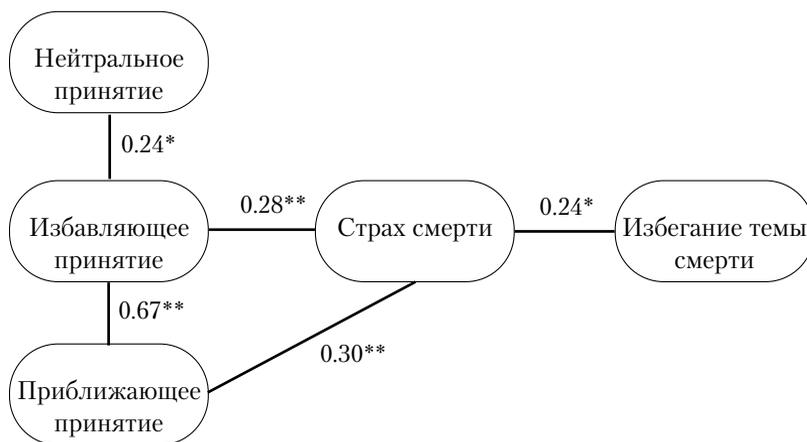
(0.24; $p < 0.05$), «Избавляющее принятие смерти» (0.28; $p < 0.01$) и «Приближающее принятие смерти» (0.30; $p < 0.01$), а косвенно через «Избавляющее принятие смерти» — со шкалой «Нейтральное принятие смерти» (0.24; $p < 0.05$) (рисунок 1).

Иначе говоря, тревожащиеся по поводу смерти юноши одновременно склонны и к уклонению от решения проблемы аутомортальности (избегание смерти), и к принятию ее как способа избавления от боли и страданий в случае невыносимости жизни (избавляющее принятие) и как счастливой «послежизни» (приближающее принятие). При этом избавляющее и приближающее принятия связаны между собой (0.67; $p < 0.01$), а само по себе избавляющее принятие смерти обусловлено отношением к смерти как к естественному событию жизни (0.24; $p < 0.05$) (нейтральное принятие).

У девушек картина связей аутомортальной тревожности с другими модальностями отношения к смерти получилась несколько иная (рисунок 2). Аутомортальная тревожность (шкала «Страх смерти») непосредственно и позитивно связана со шкалами «Избегание темы смерти» (0.40; $p < 0.01$) и «Приближающее принятие смерти» (0.31; $p < 0.01$), непосредственно и негативно — со шкалой «Нейтральное принятие смерти» (0.36; $p < 0.01$), косвенно через «Приближающее принятие смерти» — со шкалой «Избавляющее принятие смерти» (0.53; $p < 0.01$). Таким образом, тревожащиеся по поводу смерти девушки не склонны воспринимать смерть как естественное событие жизни (нейтральное принятие), а стремятся к уклонению от

Рисунок 1

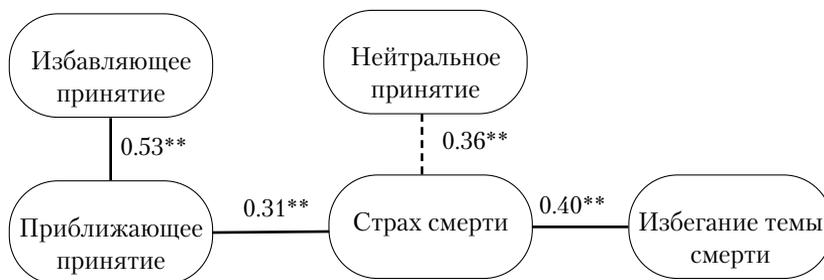
Интеркорреляции шкал DAP-R у юношей



* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$. ——— позитивная корреляция.

Рисунок 2

Интеркорреляции шкал DAP-R у девушек



** $p < 0.01$. ——— позитивная корреляция, - - - - - негативная корреляция.

решения проблемы аутомортальности (избегание темы смерти) и к вере в счастливую «послежизнь» (приближающее принятие). Вера девушек в счастливую «послежизнь», в свою очередь, позитивно связана с принятием смерти как избавления от земных страданий (избавляющее принятие)².

Связи танато-совладающих реакций с аутомортальной тревожностью

Обратимся теперь к анализу связей танато-совладающих реакций (по опроснику ТСР) с аутомортальной тревожностью. Эти связи, на наш

² По данным авторов-разработчиков DAP относительно интеркорреляций шкал опросника, «Страх смерти» и «Избегание смерти», позитивно коррелируя между собой, негативно коррелируют со всеми

взгляд, позволяют более детально раскрыть содержание танато-совладающего поведения у молодых людей. Начнем с разбора негативных связей, которые можно рассматривать в качестве указателей на эффективные копинг-реакции. Так, у юношей только одна танато-совладающая реакция умеренно и негативно коррелировала со шкалой страха смерти: «У меня много дел, поэтому как-то не до этого» (-0.29 ; $p < 0.01$). Выраженность данной реакции позитивно коррелирует также со шкалой «Избегание темы смерти» (0.20 ; $p < 0.01$), и потому эта реакция интерпретируется нами как проявление стратегии избегания.

У девушек же значимая негативная связь со страхом смерти выявилась только с выраженностью реакции: «Понимаю, что это нормальное явление — ничто не вечно» (0.22 ; $p < 0.05$). Эта реакция также позитивно коррелировала со шкалой «Нейтральное принятие» (0.34 ; $p < 0.01$) и потому была отнесена нами к категории копинга по типу смирения с аутомортальностью.

Что касается позитивных связей аутомортальной тревожности с различными танато-совладающими реакциями, то их в нашем исследовании выявилось гораздо больше негативных. Прежде всего хочется отметить единственную независимую от фактора пола позитивную связь с повышением ценности жизни: «При-

даю этому особый смысл, знание о неизбежности смерти побуждает меня к тому, чтобы больше ценить жизнь, общение с людьми» (0.23 ; $p < 0.05$ — юноши; 0.23 ; $p < 0.05$ — девушки).

Обратимся теперь к различиям. У юношей аутомортальная тревожность оказалась позитивно связанной с такими копинг-реакциями, как «Стараюсь проанализировать, все взвесить и найти какое-то решение» (0.29 ; $p < 0.01$), «Обращаюсь за утешением к другим людям, которые готовы помочь мне» (0.24 ; $p < 0.05$), «Впадаю в состояние безнадежности и уныния» (0.29 ; $p < 0.01$), «Стараюсь отвлечься и расслабиться (с помощью успокоительных средств, вкусной еды, алкоголя и т.п.)» (0.25 ; $p < 0.01$). Как видно, юноши, которым не удалось справиться с аутомортальной тревожностью, прибегают к разнообразным и противоречивым копинг-попыткам. Они используют самые различные копинги, которые частично могут иметь явно дезадаптивные эффекты.

У девушек позитивные связи аутомортальной тревожности прослеживаются с некоторыми реакциями когнитивного типа: «Думаю, что пока не могу полностью справиться с этими переживаниями, но со временем мне удастся это сделать» (0.32 ; $p < 0.01$), «Надеюсь, что в будущем ученые придумают средство, чтобы люди не умирали» (0.36 ; $p < 0.01$),

остальными шкалами принятия смерти. Мы и ранее, в процессе русскоязычной адаптации DAP-R, обнаруживали наличие позитивных корреляций шкал негативного отношения к смерти со шкалами ее принятия (Гаврилова, 2011б). По всей видимости, в данном случае мы имеем дело с кросскультурной, возможно, также и когортной спецификой структуры отношения субъекта к аутомортальности.

«Говорю себе, что надо беречь свое здоровье и быть более осторожным» (0.34; $p < 0.01$), «Думаю, что надо постараться прожить жизнь как можно полнее, чтобы смерти не досталось ничего» (0.28; $p < 0.01$), «Говорю себе: другие люди живут и не думают об этом, почему я должен на этом заикливаться» (0.24; $p < 0.05$), «Мне кажется это настолько непонятным (абсурдным), что возникает надежда на чудо» (0.24; $p < 0.05$). Все эти реакции, как видно, не уменьшали уровень аутомортальной тревожности, но активизировались по мере ее роста. Если выделенные реакции обобщить по смыслу, то в большинстве своем они предстают как своеобразная форма избегания — *надежды на решение проблемы в будущем*. Это, с одной стороны, косвенно свидетельствует в пользу оценки избегания как неуспешного копинга. Но, с другой стороны, по своему содержанию вошедшие в его состав танатосовладающие реакции не дают оснований для заключения об их явно дезадаптивных последствиях, которые были отмечены у юношей.

Обсуждение результатов

Анализ интеркорреляций шкал DAP-R показал, что *нейтральное принятие смерти* у девушек связано с низким уровнем страха смерти. Исходя из этого, можно предположить, что для девушек нейтральное отношение к аутомортальности выступает успешной стратегией совладания с тревожностью по поводу смерти.

Что касается юношей, то по структуре связей между отдельными компонентами отношения к аутомортальности у них не выявилось

оснований для выделения какого-либо компонента в качестве успешной стратегии совладания с аутомортальной тревожностью. В случае возрастания такой тревожности юноши склонны прибегать как к избеганию темы смерти, так и к принятию ее в качестве счастливой «послежизни» и от невыносимой жизни. И наоборот, избегание юношами темы смерти и размышления о ней как о возможном спасении от жизненных невзгод и счастливом инобытии усиливают тревожность по поводу смерти.

По мнению авторов-разработчиков опросника DAP (Wong et al., 1994), как уже было отмечено выше, *избавляющее принятие смерти* отражает тенденцию к суициду и ассистированию эвтаназии. Однако, как показали результаты нашего исследования, *приближающее принятие смерти*, отражающее веру в счастливую загробную жизнь, может быть рассмотрено как обратная сторона «избавляющего принятия» и, таким образом, также служить намеком на суицидальные тенденции. Действительно, если моя жизнь здесь и сейчас полна трудностей и разочарований и я верю, что после смерти буду счастлива, то почему бы и не перейти к этому более счастливому существованию?

Последний момент, на наш взгляд, может представлять клинический интерес. Наши данные показывают, что у юношей с высоким уровнем аутомортальной тревожности вероятны суицидальные тенденции. Вроде бы все должно быть ровно наоборот: чем страшнее смерть, тем менее всего хотелось бы ее так или иначе приблизить. Однако в этом случае логика иная: постоянная тревога по поводу смерти

настолько невыносима, что от нее хочется избавиться. Как избавиться, если все перепробовал, но ничего не получается? Выходом может стать решение избавиться от жизни, в которой есть эта тревога. По-видимому, именно эта логика может быть основанием действий десятиклассника в недавно происшедшей трагедии в московской школе № 263. Одноклассник убийцы и очевидец трагедии сообщил журналистам, что, стоя с ружьем, «Сергея говорил, что очень боится смерти и его давно преследует этот страх. И чтобы избавиться от него, нужно побыстрее умереть» (Маетная и др., 2014).

У девушек, как и у юношей, мы обнаружили связь аутомортальной тревожности с *приближающим принятием смерти*. Однако у тревожащихся по поводу смерти девушек нет склонности к *избавляющему принятию смерти*. Более того, у них выявилась снижающая аутомортальную тревожность стратегия в виде *нейтрального принятия смерти*. Поэтому девушек в целом мы можем оценить как более успешных в совладании с аутомортальной тревожностью и менее дезадаптивных по характеру этого совладания.

Внутри структуры стратегий совладания субъекта с аутомортальностью мы не нашли оснований для оценки стратегии избегания как успешной. При анализе же танато-совладающих реакций мы выявили у юношей одну успешную стратегию, которая по своему содержанию была отнесена к категории *избегания* («У меня много дел, поэтому как-то не до этого»). Возможно, отдельные избегающие реакции могут быть некоторым образом успешными для юно-

шей. Однако если учесть, что, по данным многочисленных исследований, копинг избегания имеет скорее негативные последствия для человека (Крюкова, 2008), то успешность данной танато-совладающей реакции у юношей предстает как кратковременная и относительная.

У девушек также была выявлена только одна копинг-совладающая реакция, которую можно было оценить как успешную («*Понимаю, что это нормальное явление — ничто не вечно*»). Эта реакция, которая была квалифицирована нами как *смирение*, явно соответствует стратегии *нейтрального принятия смерти*, которая, в свою очередь, обнаружила свой успешный характер для девушек.

Нами был выявлен также спектр танато-совладающих реакций, которые позитивно коррелировали с аутомортальной тревожностью и потому были определены в качестве неуспешных. При этом у юношей эти реакции имели более дезадаптивный характер, чем у девушек. Вместе с тем среди этих неуспешных по отношению к аутомортальной тревожности реакций одна заслуживает особого внимания. Это общая для юношей и девушек реакция *повышения ценности жизни* («*Придаю этому особый смысл, знание о неизбежности смерти побуждает меня к тому, чтобы больше ценить жизнь, общение с людьми*»). Иначе говоря, аутомортальная тревожность стимулирует у молодых людей жизнеутверждающие тенденции, помогает выстроить ценностные критерии, более ответственно относиться к жизни. Это именно тот эффект, на который указывал еще Р. Мэй (Мэй, 2001) и который косвенным образом подтверждает основные положения

экзистенциальной психологии. И хотя жизнеутверждающая тенденция в данном случае не снижает тревожности по поводу неизбежной конечности существования, она может быть рассмотрена в качестве позитивного эффекта аутомортальной тревожности как не только фрустрирующей субъектность человека фактора, но и как фактора, стимулирующего ее.

В целом полученные результаты по танато-совладающим реакциям не повторили данных, полученных ранее на другой выборке студентов (Гаврилова, Попова, 2012). Тогда в качестве успешных совладаний оказались иные реакции. Правда, и студенты в предыдущей выборке были постарше и более однородны по составу. Возможно также, что такие расхождения связаны и с тем, что аутомортальная тревожность в предыдущем исследовании оценивалась по другой методике — Шкале тревоги смерти Д. Темплера (Death Anxiety Scale/DAS — D. Templer) в адаптации Т.А. Гавриловой (Гаврилова, 2001). С другой стороны, нами не учитывались диспозиционные факторы, которые оказывают существенное влияние на выбор совладающего поведения субъекта (Крюкова, 2008б). В настоящее время мы проводим подобное исследование с включением субъектно-личностных переменных и в дальнейшем планируем изучить связи танато-совла-

дающих реакций с нейтральным, избавляющим и приближающим принятием смерти.

Выводы

1. Успешность и структура совладания с аутомортальной тревожностью имеют полоспецифический характер.

2. В качестве успешной стратегии совладания с аутомортальной тревожностью у девушек выступает нейтральное принятие смерти как смирение с ее неизбежностью. Неуспешные стратегии девушек в совладании с этой тревожностью достаточно однородны и не обнаруживают дезадаптивных признаков.

3. У юношей не обнаружено какой-либо типичной для них стратегии совладания с аутомортальной тревожностью, которую можно было бы оценить как успешную. Неуспешные же стратегии совладания у юношей в этой сфере противоречивы и частично дезадаптивны.

4. У юношей аутомортальная тревожность позитивно связана с избавляющим принятием смерти, а у девушек — негативно с нейтральным принятием смерти. При этом независимо от пола страх смерти позитивно связан с приближающим принятием смерти и с избеганием темы смерти, избавляющее принятие — с приближающим принятием смерти.

Литература

- Гаврилова, Т. А. (2013). Аутомортальная тревожность как субъектный феномен. *Психологический журнал*, 34(2), 99–107.
- Гаврилова, Т. А. (2011). Об адаптации опросника «Профиль аттитюдов по отношению к смерти – переработанный» (DAP-R) П.Т.П. Вонга, Г. Гиссера и Дж.Т. Рикера. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 1, 46–57.

- Гаврилова, Т. А. (2001). Экзистенциальный страх смерти и танатическая тревога: методы исследования диагностики. *Прикладная психология*, 6, 1–8.
- Гаврилова, Т. А., Попова, С. А. (2012). Исследование юношеских стратегий совладания с аутомортальной тревожностью. В кн. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова (ред.), *Развитие психологии в системе комплексного человекознания* (ч. 2, с. 276–278). М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Крюкова, Т. Л. (2008а). Человек как субъект совладающего поведения. В кн. А. Л. Журавлев, Т. Л. Крюкова, Е. А. Сергиенко (ред.), *Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы* (с. 55–66). М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Крюкова, Т. Л. (2008б). Человек «совладающий»: качества субъекта и его совладающее поведение. В кн. А. Л. Журавлев, Т. Л. Крюкова, Е. А. Сергиенко (ред.), *Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы* (с. 257–273). М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Маенная, Е., Петелин, Г., Раскин, А. (2014, 6 февраля). Его заставляли читать религиозные книги и заучивать молитвы. *Известия*. Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/565269#ixzz2scmG2H26>
- Мэй, Р. (2001). *Смысл тревоги*. М.: Независимая фирма «Класс».
- Петровский, А. В. (2010). *Человек над ситуацией*. М.: Смысл.
- Сергиенко, Е. А. (2011). Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива. *Психологический журнал*, 32(1), 120–132.

Success and Structure of Coping with the Fear of Personal Death

Tatyana A. Gavrilova

Head of the department of educational psychology, School of Education of Far Eastern Federal University

E-mail: tgavrilovaster@gmail.com

Svetlana A. Popova

Assistant professor of the department of educational psychology, School of Education of Far Eastern Federal University

E-mail: valentin-feb@mail.ru

Address: 35 Nekrasova str., Ussuriisk, Russian Federation, 692508

Abstract

Aim of the current research was to explore success and essence of coping with the fear of personal death. The study was conducted on a sample of University and college students aged 15 to 20 years (N = 177; 83 males and 94 females) using the Death Attitude Profile – Revisited (DAP-R) by P.T.P. Wong and co-authors and Coping with Death Reactions (CDR) questionnaire by T.A. Gavrilova and S.A. Popova. «Fear of Death» scale of DAP-R was used as a measure of the fear of personal death. Other DAP-R scales («Death avoidance», «Neutral acceptance», «Approach acceptance» and «Escape acceptance») and the level of each of the coping with death reactions as measured by CDR were used as indicators of coping mechanisms. It has been shown that strategies of coping with the fear of personal death were gender specific and that females were more successful and adaptive in this regards. According to DAP-R, fear of personal death in males had moderate positive correlations with «Death avoidance» and «Approach acceptance» and was not correlated with «Neutral acceptance». In females, fear of personal death was negatively correlated with

«Neutral acceptance of death» and positively correlated with «Death avoidance» and «Approach acceptance of death» and not correlated with «Escape acceptance of death». According to CDR, fear of personal death in males had moderate negative with the avoidance reaction; in females, fear of personal death had moderate negative correlations with the neutral acceptance reaction. Negative (suicidal) and positive (life-asserting) effects of the fear of personal death are discussed.

Key words: death anxiety, fear of personal death, coping behavior, gender.

References

- Gavrilova, T. A. (2001). Ekzistentsial'nyi strakh smerti i tanaticheskaya trevoga: metody issledovaniya diagnostiki [Existential fear of death and death anxiety: research and measurement methods]. *Prikladnaya Psikhologiya*, 6, 1–8.
- Gavrilova, T. A. (2011). Ob adaptatsii oprosnika «Profil' attit'yudov po otnosheniyu k smerti – pererabotanniy» (DAP-R) P.T.P. Vonga, G. Gissera i Dzh.T. Rikera [On the adaptation of the Death Attitude Profile – Revisited (DAP-R) by P.T.P. Wong, G. Gisser and G.T. Reker]. *Teoreticheskaya i Eksperimental'naya Psikhologiya*, 1, 46–57.
- Gavrilova, T. A. (2013). Automortal anxiety as a subject's phenomenon. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 34(2), 99–107.
- Gavrilova, T. A., & Popova, S. A. (2012). Issledovanie yunosheskikh strategii sovladaniya s automortal'noi trevozhnost'yu [A study of adolescent coping with the fear of personal death]. In A. L. Zhuravlev, & V. A. Kol'tsova (Eds.), *Razvitie psikhologii v sisteme kompleksnogo chelovekoznaniya* [Development of psychology in a system of complex human studies] (Part 2, pp. 276–278). Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Krukova, T. L. (2008b). Chelovek «sovladayushchii»: kachestva sub'ekta i ego sovladayushchee povedenie [A coping man: characteristics and coping behavior]. In A. L. Zhuravlev, T. L. Krukova, & E. A. Sergienko (Eds.), *Sovladayushchee povedenie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Coping behavior: contemporary state and perspectives] (pp. 257–273). Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Krukova, T. L. (2008a). Chelovek kak sub'ekt sovladayushchego povedeniya [Man as a subject of coping behavior]. In A. L. Zhuravlev, T. L. Krukova, & E. A. Sergienko (Eds.), *Sovladayushchee povedenie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Coping behavior: contemporary state and perspectives] (pp. 55–66). Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Maetnaya, E., Petelin, G., & Raskin, A. (2014, February 6). Ego zastavlyali chitat' religioznye knigi i zauchivat' molitvy [He was forced to read religious books and learn prayers]. *Izvestiya*. Retrieved from <http://izvestia.ru/news/565269#ixzz2scmG2H26>
- May, R. (2001). *Smysl trevogi* [The meaning of anxiety]. Moscow: Nezavisimaya firma «Klass». (Transl. of: May, R. (1977). *The meaning of anxiety*. New York: Pocket Books).
- Neimeyer, R. A., Wittkowski, J., & Moser, R. P. (2004). Psychological research on death attitudes: an overview and evaluation. *Death Studies*, 28, 309–340.
- Petrovsky, A. V. (2010). *Chelovek nad situatsiei* [Man above the situation]. Moscow: Smysl.
- Sergienko, E. A. (2011). System-subject approach: Grounds and perspectives. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 32(1), 120–132.
- Wong, P. T. P., Reker, G., & Gesser, G. (1994). Death Attitude Profile – Revised: A multidimensional measure of attitudes toward death. In R. Neimeyer (Ed.), *Death anxiety handbook* (pp. 121–148). New York: Taylor & Francis.

ПОЛИСУБЪЕКТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

И.В. ВАЧКОВ



Вачков Игорь Викторович — профессор кафедры дифференциальной психологии и психофизиологии ГБОУ ВПО МГППУ, доктор психологических наук, профессор. Специалист в области психологии субъекта, психологии самосознания, сказкотерапии, методологии и методики проведения психологических тренингов.
Контакты: igorvachkov@mail.ru

Резюме

Приведены методологические основания разрабатываемого автором полисубъектного подхода к педагогическому взаимодействию. Раскрыта сущность понятия полисубъектного взаимодействия среди других видов педагогического взаимодействия. Это понятие определяется автором как такая форма непосредственного взаимодействия субъектов друг с другом, которая способна порождать их взаимную обусловленность, особую степень близости отношений, наиболее благоприятные условия для развития и характеризуется особым типом общности — полисубъектом. Полисубъект понимается как целостное динамическое психологическое образование, отражающее феномен единства развития субъектов, находящихся в субъект-субъектных отношениях. Сущность полисубъекта проявляется в способности к творческой активности, к осознанию системы отношений между субъектами, к образованию общего семантического пространства, а также в способности к преобразованию окружающего мира и себя, способности выступать как целостный субъект, развивая субъект-субъектные отношения с другими общностями. В системе развивающего образования полисубъектное взаимодействие в общности «учитель — обучающиеся» является результатом развития субъектности всех членов общности. В качестве видов взаимодействия рассмотрены субъектно-отчужденное, субъект-объектное и субъект-субъектное взаимодействия. В рамках последнего выделяются деятельно-ценностное и собственно полисубъектное. Представлена также типология общностей, образующихся в процессе разных видов взаимодействия, включающая совокупность предусубъектов, атомарный коллективный субъект, корпоративный коллективный субъект и полисубъект. Критериальными признаками полисубъектности, отражающими важнейшие свойства субъектности — способность к познанию, формированию отношения и преобразованию, — выступают соответственно способность к рассмотрению себя и общности как целостности, способность к осознанию системы отношений между субъектами и направленность деятельности на развитие себя и Другого.

Ключевые слова: субъект, субъектность, полисубъект, субъект-субъектное взаимодействие, субъект-объектное взаимодействие, полисубъектное взаимодействие, общность «учитель — обучающиеся».

Предпосылки полисубъектного подхода к педагогическому взаимодействию

В неявном виде идея полисубъектности встречается в работах педагогов начиная с XVIII в. Эта идея отражалась в указаниях на связь между развитием учителя и ученика, на единство их духовного роста, на свойства общности людей в процессе их активного и творческого взаимодействия друг с другом и т.п. Но лишь примерно с начала 1990-х гг. проблема субъекта и косвенно полисубъекта стала пристально изучаться не только представителями научной школы С.Л. Рубинштейна, но и исследователями других школ (Вачков, 2007; Головей, Петраш, 2007; Давыдов, 1988; Зимняя, 2010; Кудрявцев, Уразалиева, 2005; Панов, 2008; Слободчиков, Исаев, 1995; и др.). Очень большой вклад в этот процесс внес В.А. Петровский, начавший заниматься проблемой субъектности с 1970-х гг. Оформились положения о необходимости развития субъектного потенциала личности ребенка, прежде всего в педагогической и возрастной психологии и особенно явно в теории развивающего образования. Это развитие достаточно долго рассматривалось в отрыве от развития субъектности учителя. Однако в последние годы XX в. появились работы, в которых высказывалась мысль о том, что профессионализм педагога напрямую связан с его способностью становиться полноценным субъектом педагогической деятельности и развивать субъектный потенциал учащегося (Аксенова, 1998; Волкова, 1998; Маркова, 1996; Митина, 2010; Серегина, 1999; и др.).

В первое десятилетие XXI в. проблема полисубъектности оказалась в фокусе внимания специалистов и породила несколько новых направлений в изучении саморазвития и со-развития субъектов образовательной среды. Можно смело утверждать, что с позиций полисубъектного подхода могут быть по-новому осмыслены некоторые реалии современной практики образования (например, особенности взаимодействия учителей и обучающихся в информационно-коммуникационных средах), предложены новые психолого-педагогические технологии, намечены пути преодоления традиционных образовательных проблем.

Полисубъектный подход может помочь педагогу переосмыслить содержание своей деятельности, взглянуть на методы и формы своего взаимодействия со школьниками с новой точки зрения, увидеть новые перспективы, новые возможности и новые стратегии своей деятельности. Оптимизм по отношению к потенциалам полисубъектного подхода определяется следующими моментами:

Во-первых, многие современные концепции рассматривают в качестве одной из основных задач образования помощь школьнику в становлении его как полноценного субъекта саморазвития. Решение этой задачи требует научного обоснования новых концептуальных положений и разработки конкретных эффективных психолого-педагогических технологий. Полисубъектный подход рассматривает данную задачу как центральную.

Во-вторых, идея о слитности, единстве процессов развития отдельных субъектов образовательной

среды уже сейчас находит свое воплощение в ряде особых систем, методов и технологий, нацеленных на личностное развитие обучающихся. Многие исследователи говорят о возникающем *новом типе взаимодействия* между педагогом и школьниками. Полисубъектный подход нацелен на раскрытие условий, принципов, закономерностей и психологических механизмов такого взаимодействия.

В-третьих, именно в образовательной среде обостряется проблема реализации взаимодействия, основанного на субъект-субъектных отношениях. Следует заметить, что даже в профессиональной области «человек-человек» далеко не всегда такой уровень взаимодействия оказывается нужным. Но успешность педагогического труда определяется возможностью перехода на такой уровень, который способствует развитию субъектности всех участников образовательного процесса. Полисубъектный подход стремится объяснить, каким образом это происходит.

В-четвертых, традиционно в педагогической и социальной психологии исследователи изучают особенности групп обучающихся и межличностное взаимодействие в этих группах, а также стадии развития классных коллективов. В рамках этих исследований учитель выступает только как внешний фактор, *воздействующий* на социальную систему «извне». С позиций психологии труда учителя происходит изучение организации взаимодействия педагога с обучающимися, но опять-таки односторонне («от учителя»). Однако в реальности все происходит в единстве, все процессы обоюдны.

Почему-то исследований именно взаимодействия учителя и школьников в рамках *единой развивающейся системы* чрезвычайно мало. Вместе с тем очевидно, что противопоставление учителей и обучающихся в анализе, отказ от рассмотрения их *совместности* в деятельности в значительной степени сужают возможности адекватного понимания образовательного процесса. При использовании полисубъектного подхода общность «учитель — обучающиеся» рассматривается как единая развивающаяся система и выявляются закономерности и специфика развития этой системы.

Субъектность как важнейшая категория полисубъектного подхода

Понятия «субъект» и «субъектность» наделяются в философской, психологической и педагогической литературе самыми разными значениями. Попробуем разобраться с этими понятиями, начав с их этимологии. Как известно уже младшим школьникам, в предложении выделяют подлежащее (кто или что действует), сказуемое (что делает) и второстепенные члены. Подлежащее на латыни звучит так: *subjectum*. М. Хайдеггер писал: «“Subjectum” по существу своего понятия есть то, что в каком-то исключительном смысле заранее всегда уже предлежит, лежит в основе чего-то и таким образом служит ему основанием» (Хайдеггер, 1988, с. 266).

Но что это означает — быть «подлежащим»? Можно переформулировать вопрос: лежащим-в-основе чего оказывается субъект?

С.Д. Дерябо считает, что возможны два варианта ответа на этот вопрос: а) субъектность предполагает основоположенность только своему собственному внутреннему, психологическому, «феноменальному» миру; б) субъектность задает основу не только «феноменального», но и «физического», внешнего, материального, объективного мира (Дерябо, 2002). По его мнению, следует выбрать второй вариант. Тогда субъектность открывается в способности субъекта «полагать себя в основу» и самого себя, и своего экологического мира. Субъектность проявляется в трех необходимых и достаточных сущностных свойствах человека: 1) самоупорядочивания, которое наиболее ярко выражено в феномене целеполагания; 2) самопричинения, которое отражено в феномене воли; 3) саморазвития, которое особенно отчетливо обнаруживает себя в феномене неадаптивной активности.

Проанализировав многочисленные трактовки сущности, природы, структуры и динамики развития субъектности (Абульханова, 2011; Зимняя, 2010; Петровский, 2010; Рубинштейн, 2012; Сергиенко, 2012; Серых, 2009; Улыбина, 2001; и др.), можно предложить следующее определение субъектности: *это системное человеческое качество, в котором реализуется важнейшая интенция человека как субъекта — стремление к проявлению и реализации себя как в пространстве собственного внутреннего мира, так и в пространстве окружающего мира, рассматриваемого как «мой дом»; при этом субъектность наиболее ясно проявляется именно на границе этих двух миров, являющейся подвижной и отражаю-*

щей противоречивое, динамичное и взаимодополняющее единство внешнего и внутреннего.

В рамках полисубъектного подхода можно развести понятия «личность» и «субъект»: личность является формой существования субъектности, «лицом» субъекта, реализацией конкретных способов его презентации себе и другим.

Раскроем сущность необходимых и достаточных свойств субъекта, указанных С.Д. Дерябо (Дерябо, 2002).

1. *Самоупорядочивание.* Это свойство характеризует способность человека приводить свои качества и особенности в соответствие с качествами окружающего мира.

Проиллюстрируем это свойство примером: представим себе школьника, обучающегося в 11-м классе, который по окончании школы решил поступать в вуз. Он является большим любителем компьютерных игр, а также с удовольствием играет в школьной музыкальной группе. Однако желание стать студентом престижного вуза заставляет его отказаться от многочасовых сидений за дисплеем и увлеченного музицирования, вместо этого ему необходимо старательно готовиться к ЕГЭ, участвовать в предметных олимпиадах, возможно, посещать дополнительные занятия. Иными словами, возникает необходимость переструктурировать иерархию своих мотивов в соответствии с поставленной целью, изменить свои особенности (влечения, желания, предпочтения, пристрастия) в соответствии с теми условиями, которые задает в данный момент окружающий мир. Безусловно, можно этого не делать и гордо заявить о желании оставаться

самим собой. Но на самом деле это не будет проявлением субъектности.

2. *Самопричинение.* Это свойство определяет способность человека стать началом причинного ряда, ведущего к изменениям в себе и в окружающем мире, т.е. стать «причиной себя в мире». Иначе говоря, это свойство субъектности связано со степенью активности человека (а не реактивности) и его способностью управлять своей жизнью.

Можно продолжить пример, приведенный выше: наш гипотетический герой может реагировать на новые возникающие ситуации, а может упорно двигаться к достижению своей цели, сам порождая нужные условия. Выбрав наиболее привлекательный для себя вуз, он соберет всю необходимую информацию о нем, изучит отзывы студентов и выпускников, соотнесет их с востребованностью выпущенных этим вузом специалистов на рынке труда, убедится, что выбор правильный (в противном случае найдет другой вуз). Потом позвонит в приемную комиссию, может быть, начнет посещать подготовительные курсы, тщательно подготовится к ЕГЭ и в итоге заслуженно сядет на студенческую скамью. Если даже этого не произойдет, он не станет оправдывать свою неудачу неблагоприятными обстоятельствами, а удача будет закономерным результатом его собственных усилий.

3. *Саморазвитие.* Это свойство задает способность к постоянному позитивному самоизменению, выходу за пределы собственных границ для преодоления тех трудностей, которые встают перед нами. Английское определение «self-made

man» («человек, сделавший себя сам») касается именно человека, обладающего этим свойством. Был от природы хилым и слабым — в результате постоянных спортивных занятий обрел мускулы и силу; недостаточно знаний — часы, проведенные за книгами, превратили его в энциклопедиста; не владел навыками построения взаимодействия с новыми людьми — после участия в тренингах общения стал мастером общения.

Типы взаимодействия между людьми

Не всякое взаимодействие между людьми можно назвать полисубъектным. Существуют разные уровни взаимодействия, и полисубъектное является одним из них.

Прежде чем их выделить, объясним, по каким параметрам и почему следует соотносить типы взаимодействия субъектов.

Есть три важнейшие реальности, в которых проявляется субъект: познание (мира, себя, других), отношение (к миру, к себе, к другим), преобразование (мира, себя, других). Процессы познания, отношения и преобразования описываются в многочисленных психологических теориях. Выделение этой триады оказывается очень распространенным методом структуризации многих психологических феноменов. Они находят свое отражение в трехкомпонентной структуре Я-концепции Р. Бернса (образ Я, самооценка и потенциальные поведенческие реакции) (Бернс, 1986). В своей концепции межличностного взаимодействия А.А. Бодалев выделяет гностический, аффективный и практический

компоненты (Бодалев, 1996). Когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты называются в структуре самосознания И.И. Чесноковой (Чеснокова, 1977). Те же стороны (коммуникативная, перцептивная и интерактивная), по мнению Г.М. Андреевой, присутствуют в общении (Андреева, 2010). С.Д. Дерябо рассматривает трехкомпонентную структуру субъектности (человек познающий, человек относящийся и человек преобразующий) (Дерябо, 2002).

Взаимодействие субъектов также может быть охарактеризовано с помощью совокупности трех основных параметров, отражающих связь с реальностями познания, отношения и преобразования. Когнитивная характеристика взаимодействия связана со способностью рассматривать себя как целостность (реальность познания). Способность субъектов к осознанию системы отношений между ними является вторым параметром (реальность отношений). Третьим параметром выступает направленность деятельности на развитие себя и другого (реальность преобразования). Дополнительной характеристикой является центрация субъекта. Это параметр, относящийся ко всем субъектным «ипостасям». При разных типах взаимодействия центрация происходит на совершенно разных вещах.

Обратимся к таблице 1. Легко заметить логику изменений центрации. На нижней ступени она как бы рассеяна, четко ни на чем не зафиксирована. Это «рассыпанная» центрация. На следующей ступени центрация «замкнутая», она «схлопывается» внутри индивида. Затем она

преобразуется в «шаблонную», поскольку связана со стандартами и образцами. И на самом высоком уровне центрация становится «объединяющей», выводящей субъекта на уровень глубинных контактов с миром и другими людьми.

В представленной типологии рассматриваются «несимметричные» взаимодействия, т.е. взаимодействия между субъектами, имеющими разный психологический статус (находящимися на разных уровнях), поскольку это сильно усложнит задачу описания.

Во-первых, самый низкий уровень — это такое взаимодействие, при котором люди в строгом смысле не обладают субъектными качествами и не осознают ни себя, ни другого в качестве субъектов. Иными словами, оба взаимодействующих человека не видят ценности ни в себе, ни в партнере. Можно этот уровень определить как предсубъектное или субъектно-отчужденное взаимодействие. В педагогическом взаимодействии такая ситуация, по-видимому, встречается крайне редко. Примером может служить поведение малопригодного к педагогической деятельности учителя, который, будучи и сам не слишком высокого мнения о себе, не задумываясь, использует принуждение и подавление по отношению к ученику, в котором он вообще не видит личности и который отвечает ему тем же.

Во-вторых, это взаимодействие такого уровня, при котором Другой уже воспринимается, но каждым участником рассматривается как объект, имеющий определенные характеристики. Однако самого себя каждый из участников ценит как

Таблица 1

Взаимодействие педагога с учащимися (индивидуальным или коллективным субъектом)

Уровни взаимодействия между людьми		Типы общностей	Характеристики участников взаимодействия			
			Центрация	Способность к рассмотрению себя и общности как целостности	Способность к осознанию систем отношений	Направленность деятельности на развитие себя и партнера
Субъектно-субъектное взаимодействие	Полисубъектное взаимодействие	Полисубъект	«Объединяющая» (на взаимодействии с другими)	Рассматривает как целостность и свою общность, и другие общности	Осознает всю систему отношений — и свою, и партнера	Деятельность направлена на саморазвитие и помощь в развитии другому
	Деятельно-ценностное взаимодействие	Корпоративный коллективный субъект	«Шаблонная» (на соответствии своих характеристик имеющимся образцам)	Рассматривает себя и свою общность (но не другие общности)	Осознает свое отношение и отношение другого к себе	Деятельность направлена на достижение групповых целей
Субъектно-объектное взаимодействие		Атомарный коллективный субъект	«Замкнутая» (на себе и личных интересах)	Способен рассматривать свою общность как целостность (но не себя в ней)	Частично осознает только свое отношение к другому	Деятельность направлена на достижение меркантильных целей
Субъектно-отчужденное взаимодействие		Совокупность предсубъектов	«Рассыпанная» (на прагматических аспектах текущей ситуации)	Не способен осознавать даже собственную целостность	Практически не осознает	Осознанная деятельность почти не присутствует

субъекта. «Мы почитаем всех нулями, а единицами себя», как писал поэт. Этот тип взаимодействия хорошо известен, и нет необходимости останавливаться на нем подробно.

В-третьих, это взаимодействие на уровне, который уже относят к субъект-субъектному. При этом анализ позволяет указать в рамках данного уровня два подуровня, каждый из которых имеет свои особенности, участники взаимодействия видят ценность и в себе, и в Другом. Но на первом подуровне ценность партнера как субъекта опосредствована совместной деятельностью в отличие от второго, на котором ценность Другого рассматривается как безусловная, иначе говоря, здесь Другой приобретает самооценку. Первый подуровень характеризуется как взаимодействие субъектов, отношения которых определяются задачами и целями совместной личностно-значимой для каждого члена сообщества общественно ценной деятельности (Петровский, 1982). При таком взаимодействии цели, задачи, содержание, структура, методы и формы совместной деятельности опосредуют межличностные субъект-субъектные отношения партнеров и придают им ценности друг другу. Такое взаимодействие может быть названо деятельно-ценностным.

В качестве примера, иллюстрирующего проявление первого из этих подуровней субъект-субъектного взаимодействия в образовательной среде, можно указать на довольно типичную ситуацию, когда для достижения победы школы, например, в конкурсе инновационных образовательных программ учителя объединяются, активно, результативно,

а порой даже творчески сотрудничают, поскольку понимают, что от вклада каждого зависит итог. Однако едва конкурс завершается, возобновляются привычные конфликты, дразни, разногласия, взаимные обвинения.

Второй подуровень субъект-субъектного взаимодействия и является в предлагаемой типологии полисубъектным. Именно на этом подуровне происходит взаимное возвращение участниками взаимодействия отраженной субъектности (Петровский, 2010). Каждый из них получает возможность в новом цикле взаимодействия выступить как субъект по отношению к собственной субъектности (в ее отраженной форме). Феномен отраженной субъектности, выявленный В.А. Петровским и определяемый им в общем плане как форма идеальной представленности и продолженности одного человека в другом, может быть отнесен к важнейшим характеристикам полисубъектного взаимодействия. Достижение высшего уровня — полисубъектного взаимодействия — является, по всей видимости, достаточно редко встречающейся ситуацией в силу сложности и непривычности его для образовательной среды. Эти своеобразные «прорывы к Другому» не могут быть слишком протяженными во времени.

Стоит оговориться, что в данной статье речь идет об интра-полисубъектном взаимодействии (т.е. взаимодействии внутри общности «учитель — обучающиеся»), а не об интер-полисубъектном (между общностями).

Таким образом, в рамках представленной уровневой типологии

выделены следующие типы общностей: совокупность предсубъектов, атомарный коллективный субъект, корпоративный коллективный субъект, полисубъект (характеристики представлены в таблице 1).

При этом в качестве критерия выделения различных типов выступает способность к рассмотрению себя и общности как целостности.

1. Совокупность людей, не связанных совместной деятельностью и не отражающих друг друга в качестве субъектов, как нулевой уровень коллективного субъекта соотносится с «предсубъектным» взаимодействием. В этом случае человек не способен воспринять свое Я как целостную систему и не способен отразить Другого в качестве субъекта, поскольку отражающий всегда отражает только иную форму своей собственной природы (Г. Гегель, С.Д. Дерябо, С.Н. Смирнов и др.). Не рассматривается и общность как целостность. Коллективный субъект не образуется. Подобную общность можно назвать совокупностью предсубъектов.

2. Общность следующего типа описывается в терминах субъект-объектного взаимодействия. Проявления субъектности связаны с центрацией на себе и направлены на использование других людей в собственных целях. При этом эгоистичность не означает способности рассматривать свое Я как целостность, как единую систему. Вместе с тем субъекты уже выделяют свою общность как целостность в противопоставлении к «Они». Лингвистический анализ позволяет признать подходящим для обозначения подобной общности название «ато-

марный коллективный субъект». Этот и следующий тип общности в силу присущих им признаков могут быть отнесены к категории коллективного субъекта.

3. Хотя деятельно-ценностное взаимодействие характеризуется наличием субъект-субъектных отношений в общности, ее члены вступают в эти отношения лишь постольку, поскольку они продиктованы совместной деятельностью. Здесь проявляется способность к рассмотрению себя и общности как целостных систем. Но этот уровень еще нельзя считать полисубъектным, поскольку другие общности рассматриваются как лишённые субъектной целостности и отражаются как объекты. Эта особенность, характеризующаяся как групповая (корпоративная) закрытость, позволяет назвать выделяемую общность корпоративным коллективным субъектом. Очевидно, существуют подтипы этого типа, описываемые в социальной психологии как группы разного уровня развития, члены которых в той или иной степени объединены совместной деятельностью.

4. Способность к построению не только внутригрупповых субъект-субъектных отношений, но и межгрупповых является отличительной чертой следующего типа общности. Иными словами, полисубъектное взаимодействие характеризуется опорой на субъект-субъектные отношения в ситуации создания связей с другими полисубъектами и общностями иных типов. Субъекты, входящие в эту общность, оказываются способны рассматривать как субъектную целостность и себя, и свою общность, и другие общности. Такой

полисубъект не является замкнутой системой, напротив, возможности его расширения практически безграничны. Субъекты, вступающие в такое взаимодействие, способны к рассмотрению целостности как субъекта не только себя, своей и других общностей, но и мира, способны к ощущению подлинного целостного единства себя и мира. Такая общность и называется полисубъектом.

Сущность полисубъекта и полисубъектного взаимодействия

Полисубъект — это развивающаяся общность, в которой развитие каждого субъекта опосредствовано совместной творческой деятельностью и общением с другими субъектами и включено в единый целостный процесс. По-видимому, полисубъект как общность развивается только в том случае, когда процесс саморазвития становится естественным и необходимым для всех входящих в него субъектов. Основным условием его развития (как и у отдельного субъекта) выступает повышение уровня самосознания входящих в него субъектов.

Полисубъект отличается от других общностей траекторией рефлексии: в случае широко понимаемого «коллективного субъекта» (т.е. общностей более низкого уровня) происходит движение от Я к Мы, в случае полисубъекта по восходящей спирали совершается ряд циклов Я → Мы → Я → ... Развитие каждого конкретного полисубъекта происходит, безусловно, специфическим образом. У разных полисубъектов могут быть разными и направление движения, и темп, и достижения на

тех или иных этапах, и протекание кризисов развития.

Итак, полисубъектное взаимодействие — *это такая форма непосредственного взаимодействия субъектов друг с другом, которая способна породить их взаимную обусловленность, особую степень близости отношений, наиболее благоприятные условия для развития и характеризуется особым типом общности — полисубъектом. Полисубъект понимается как целостное динамическое психологическое образование, отражающее феномен единства развития субъектов, находящихся в субъект-субъектных отношениях. Сущность полисубъекта проявляется в способности к творческой активности, к осознанию системы отношений между субъектами, к образованию общего семантического пространства, а также в способности к преобразованию окружающего мира и себя, способности выступать как целостный субъект, развивая субъект-субъектные отношения с другими общностями.*

Некоторые характеристики полисубъекта

В образовательной среде наибольшее значение имеет полисубъект «учитель — обучающиеся», в котором один полюс образует фигура педагога, а второй — общность обучающихся. Этот второй полюс имеет свой внутренний уровень взаимодействия — всю совокупность диадных субъект-субъектных взаимодействий «ученик — ученик». Изучение этого уровня взаимодействий требует специального рассмотрения, которое не входит в задачи нашего исследования.

В гипотетической ситуации разрушения «субъект-субъектных» отношений между полюсами «педагог» и «обучающиеся» возможным (но не обязательным) оказывается такое развитие событий, когда класс (без учителя) становится самостоятельным полисубъектом, т.е. превращается в общность высокого уровня развития. Однако, с точки зрения эффективности образовательной системы, большего внимания заслуживает именно двухполюсной полисубъект «учитель — обучающиеся», развитие которого, видимо, и определяет успешность образования.

Характеристики полисубъекта «учитель — обучающиеся» будут определяться взаимодействием компонентов полисубъекта, в качестве которых выступают отдельные обучающиеся (или группы внутри класса) и учитель.

Для достижения полисубъектного уровня взаимодействия в общности «учитель — обучающиеся» требуется приложить немало усилий, многое будет зависеть от средств, используемых субъектами для развития определяющих признаков полисубъектности: способности к рассмотрению себя и общности как целостности, способности к осознанию системы отношений между субъектами, направленности деятельности на развитие себя и партнера. Среди разнообразных психологических характеристик полисубъекта особую роль играет его семантическое пространство, с помощью которого можно оценить степень единства и целостности полисубъекта. Наличие в достаточной степени непротиворечивого семантического пространства, общего для всех субъ-

ектов общности, выступает в качестве одного из важных показателей уровня развития полисубъекта.

Таким образом, возможность становления у обучающегося субъекта саморазвития возникает тогда, когда он включен в общность «учитель — обучающиеся», являющуюся полисубъектом саморазвития.

Выводы

Полисубъектное взаимодействие выступает как видовое по отношению к субъект-субъектному взаимодействию и может порождать особый тип общности — полисубъект. Вторым видом субъект-субъектного взаимодействия является деятельно-ценностное, которое происходит внутри корпоративного коллективного субъекта. Субъект-объектный уровень взаимодействия характеризует атомарный коллективный субъект. На уровне субъектно-отчужденного взаимодействия фиксируется совокупность предсубъектов.

Полисубъектное взаимодействие — это такая форма непосредственного взаимодействия субъектов друг с другом, которая способна породить их взаимную обусловленность, особую степень близости отношений, наиболее благоприятные условия для развития и характеризуется особым типом общности — полисубъектом.

Полисубъект понимается как целостное динамическое психологическое образование, отражающее феномен единства развития субъектов, находящихся в субъект-субъектных отношениях. Сущность полисубъекта проявляется в способности к творческой активности, к осознанию системы отношений между субъектами,

к образованию общего семантического пространства, а также в способности к преобразованию окружающего мира и себя, способности выступать как целостный субъект, развивая субъект-субъектные отношения с другими общностями. В системе развивающего образования полисубъектное взаимодействие в общности «учитель—обучающиеся» является результатом развития субъектности всех членов общности.

Критериальными признаками полисубъектности, отражающими важнейшие свойства субъектности — способности к познанию, формированию отношения и преобразованию, — выступают соответственно способность к рассмотрению себя и общности как целостности, способность к осознанию системы отношений между субъектами и направленность деятельности на развитие себя и Другого.

Литература

- Абульханова, К. А. (2011). Соотношение индивидуальности и личности в свете субъектного подхода. *Мир психологии. Научно-методический журнал*, 1, 22–31.
- Аксенова, Г. И. (1998). *Формирование субъектной позиции учителя в процессе профессиональной подготовки* (Автореферат докторской диссертации, МПГУ, Москва).
- Андреева, Г. М. (2010). *Социальная психология*. М.: Аспект Пресс.
- Бернс, Р. (1986). *Развитие Я-концепции и воспитание*. М.: Прогресс.
- Бодалев, А. А. (1996). *Психология общения*. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК».
- Вачков, И. В. (2007). Полисубъектный подход к педагогическому взаимодействию. *Вопросы психологии*, 3, 16–29.
- Волкова, Д. Э., Орлов, А. Б., Орлова, Н. А. (2010). Знак, метафора, символ — методология субъектности. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 7(3), 89–119.
- Волкова, Е. Н. (1998). *Субъектность педагога: теория и практика* (Автореферат докторской диссертации, ПИ РАО, Нижний Новгород).
- Головей, Л. А., Петраш, М. Д. (2007). К проблеме развития субъекта деятельности. В кн. Л. А. Коростылева (отв. ред.), *Психологические проблемы самореализации личности* (с. 29–41). СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет.
- Давыдов, В. В. (1988). О понятии личности в современной психологии. *Психологический журнал*, 4, 22–32.
- Дерябо, С. Д. (2002). *Феномен субъектификации природных объектов* (Автореферат докторской диссертации, Москва).
- Зимняя, И. А. (2010). *Педагогическая психология*. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК».
- Кудрявцев, В. Т., Уразалиева, Г. К. (2005). Предпосылки личностного роста в развивающем образовании. *Вопросы психологии*, 4, 52–62.
- Маркова, А. К. (1996). *Психология профессионализма*. М.: Международный гуманитарный фонд «Знание».
- Митина, Л. М. (2010). *Психологу об учителе. Личностно-профессиональное развитие учителя: психологическое содержание, диагностика, технология, коррекционно-развивающие программы*. М.: ПИ РАО; МГППУ.

- Панов, В. И. (2008). Субъектность как единица анализа психического развития (на примере развития двигательной активности дошкольников). В кн. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябикина (отв. ред.), *Личность и бытие: субъектный подход. Материалы научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения А.В. Брушлинского, 15–16 октября 2008 г.* (с. 159–162). М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Петровский, А. В. (1982). *Личность. Деятельность. Коллектив*. М.: Политиздат.
- Петровский, В. А. (2010а). Существует ли Я – субъект познания. *Методология и история психологии, 1*, 136–148.
- Петровский, В. А. (2010б). *Человек над ситуацией*. М.: Смысл.
- Рубинштейн, С. Л. (2012). *Человек и мир*. СПб.: Питер.
- Сергиенко, Е. А. (2012). Принципы психологии развития: современный взгляд. *Психологические исследования, 5(24)*, 1.
- Серегина, И. А. (1999). *Психологическая структура субъектности как личностного свойства педагога*. Автореферат кандидатской диссертации. М.
- Серых, А. Б. (2009). Развитие субъектности как условие формирования психологической готовности будущего педагога к профессиональной деятельности. В кн. Е.А. Леванова (ред.) *Актуальные проблемы профессионально-педагогического образования* (вып. 24, с. 60–63). Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта.
- Слободчиков, В. И., Исаев, Е. И. (1995). *Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности*. М.: Школа-Пресс.
- Улыбина, Е. В. (2001). Психология обыденного сознания. М.: Смысл. Хайдеггер, М. (1988). Европейский нигилизм. В кн. П.С. Гуревич (Сост. и послесл.), Ю.Н. Попова (Общ. ред.). *Проблема человека в западной философии* (с. 261–313). М.: Прогресс.
- Чеснокова, И. И. (1977). *Проблема самосознания в психологии*. М.: Наука.

Polysubject Interaction in Instructional Environment

Igor V. Vachkov

Professor, Moscow State University of Psychology & Education
E-mail: igorvachkov@mail.ru

Address: 29 Sretenka str., Moscow, Russian Federation, 127051

Abstract

The paper outlines methodological grounds of the proposed polysubject approach to instructional interaction. The relationships between polysubject interaction and other types of instructional interaction have been shown. Polysubject interaction is defined as a form of direct interaction between subjects allowing for mutual causality, which is a special degree of closeness and the most favourable condition for development and formation of a special entity called polysubject. Polysubject is considered to be an integral dynamic entity reflecting the unity of subjects being part of subject-subject relationships. The essence of the polysubject is expressed in their creative ability, ability to reflect on the system of relationships between subjects, in the forma-

tion of a shared semantic space as well as the ability to transform environment and themselves and act as a whole subject developing subject – subject relationships with other entities.

In developing education, polysubjectivity arises in teacher-students interaction as a result of the development of subjectivity of all members of the entity. Other typical interaction styles include subject – aloof, subject – object and subject – subject. The last one includes activity – evaluative and polysubject interaction sub-types. A typology of entities forming in the process of different kinds of interaction (such as an aggregate of pre-subjects, a monatomic collective subject, a corporate collective subject and a polysubject) is discussed. Criteria for defining polysubjectivity as a special form of subjectivity are ability to consider oneself and entity as a whole, awareness of the relationships between subjects and activity directed at the development of oneself and the other.

Keywords: subject, subjectivity, polysubjectivity, subject-subject interaction, subject-object interaction, polysubject interaction, teacher-students entity.

References

- Abulkhanova, K. A. (2011). Sootnoshenie individual'nosti i lichnosti v svete sub"ektnogo podkhoda [Relationship between individuality and personality in the light of the subjective approach]. *Mir psikhologii. Nauchno-metodicheskii Zhurnal*, 1, 22–31.
- Aksenova, G. I. (1998). *Formirovanie sub"ektnoi pozitsii uchitelya v protsesse professional'noi podgotovki* [Formation of the subject teacher position in the course of training] (Extended abstract of doctoral dissertation, MSUPE, Moscow).
- Andreeva, G. M. (2010). *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Moscow: Aspekt Press.
- Bodalev, A. A. (1996). *Psikhologiya obshcheniya* [Psychology of communication]. Moscow: Institut Prakticheskoi Psikhologii; Voronezh: NPO «MODEK».
- Burns, R. (1986). *Razvitie Ya-kontseptsii i vospitanie* [Self-concept development and education]. Moscow: Progress. (Transl. of: Burns, R. B. (1982). Self-concept development and education. London: Longman).
- Chesnokova, I. I. (1977). *Problema samosoznaniya v psikhologii* [A problem of self-consciousness in psychology]. Moscow: Nauka.
- Davydov, V. V. (1988). O ponyatii lichnosti v sovremennoi psikhologii [On the notion of personality in contemporary psychology]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 4, 22–32.
- Deryabo, S. D. (2002). *Fenomen sub"ektifikatsii prirodnykh ob"ektov* [Subjectification of natural objects] (Extended abstract of doctoral dissertation, Moscow).
- Golovey, L. A., & Petrash, M. D. (2007). K probleme razvitiya sub"ekta deyatelnosti [On the development of the subject of activity]. In L. A. Korostyleva (Ed.), *Psikhologicheskie problemy samorealizatsii lichnosti* [Psychological problems of self-actualization] (pp. 29–41). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
- Heidegger, M. (1988). Evropeiskii nihilizm [European Nihilism]. In P.S. Gurevich, Yu.N. Popova (Eds.), *Problema cheloveka v zapadnoi filosofii* [Problem of a man in Western philosophy] (pp. 261–313). Moscow: Progress.
- Kudryavtsev, V. T., & Urazalieva, G. K. (2005). Prerequisites of personal growth in developing education. *Voprosy Psikhologii*, 4, 52–62.
- Markova, A. K. (1996). *Psikhologiya professionalizma* [Psychology of professionalism]. Moscow: Mezhdunarodnyi Gumanitarnyi Obshchestvennyi Fond «Znanie».

- Mitina, L. M. (2010). *Psikhologu ob uchitele. Lichnostno-professional'noe razvitie uchitelya: psikhologicheskoe sodержanie, diagnostika, tekhnologiya, korrektsionno-razvivayushchie programmy* [To psychologist about teachers. Personal and professional development of a teacher: psychological content, measurement and technology of corrective developmental programmes]. Moscow: Psychological Institute; Moscow State University of Psychology and Education.
- Panov, V. I. (2008). Sub"ektnost' kak edinitsa analiza psikhicheskogo razvitiya (na primere razvitiya dvigatel'noi aktivnosti doshkol'nikov) [Subjectivity as a unit of analysis of psychological development (on the development of motor activity in pre-school children)] In A. L. Zhuravlev, V. V. Znakov, & Z. I. Ryabikina (Eds.), *Lichnost' i bytie: sub"ektnyi podkhod* [Personality and being: subject approach] *Proceedings of the Conference commemorating 75th anniversary of A.V. Brushlinsky*, October 15–16, 2008 (pp. 159–162). Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Petrovsky, V. A. (2010a). Sushchestvuet li Ya – sub"ekt poznaniya [Do I exist? Subject of cognition]. *Methodology and History of Psychology*, 1, 136–148.
- Petrovsky, A. V. (1982). *Lichnost'. Deyatel'nost'. Kollektiv* [Personality. Activity. Collective]. Moscow: Politizdat.
- Petrovsky, V. A. (2010b). *Chelovek nad situatsiei* [Man above the situation]. Moscow: Smysl.
- Rubinstein, S. L. (2012). *Chelovek i mir* [The man and the world]. Saint Petersburg: Piter.
- Seregina, I. A. (1999). *Psikhologicheskaya struktura sub"ektnosti kak lichnostnogo svoistva pedagoga* [Psychological structure of subjectivity as a personal trait of a teacher] (Extended abstract of PhD dissertation, Moscow).
- Sergienko, E. A. (2012). The principles of developmental psychology: contemporary view. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 5(24), 1.
- Serykh, A. B. (2009). Razvitie sub"ektnosti kak uslovie formirovaniya psikhologicheskoi gotovnosti budushchego pedagoga k professional'noi deyatel'nosti [Development of subjectivity as a condition of psychological readiness of the future teachers to the profession]. In E.A. Levanova (Ed.), *Aktual'nye problemy professional'no-pedagogicheskogo obrazovaniya* [Actual problems in professional education] (Vol. 24, p. 60–63). Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University.
- Slobodchikov, V. I., & Isaev, E. I. (1995). *Osnovy psikhologicheskoi antropologii. Psikhologiya cheloveka: Vvedenie v psikhologiyu sub"ektivnosti* [Backgrounds of psychological anthropology. Human psychology: introduction to psychology of subjectivity]. Moscow: Shkola-Press.
- Ulybina, E. V. (2001). *Psikhologiya obydenmogo soznaniya* [Psychology of everyday consciousness]. Moscow: Smysl.
- Vachkov, I. V. (2007). A multi-subject approach to pedagogical interaction. *Voprosy Psikhologii*, 3, 16–29.
- Volkova, E. N. (1998). *Sub"ektnost' pedagoga: teoriya i praktika* [Teacher subjectivity: theory and practice] (Extended abstract of doctoral dissertation, PIRAE, Nizhny Novgorod).
- Volkova D., Orlov A., & Orlova N. (2010). The sign, metaphor, symbol: the methodology of subjectness. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 7(3), 89–119.
- Zimnyaya, I. A. (2010). *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Educational psychology]. Moscow: MPSI; Voronezh: NPO «MODEK».

ПРАКТИКА ВНЕДРЕНИЯ ПОЗИТИВНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО СУБЪЕКТОГЕНЕЗА В СИСТЕМУ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

А.С. ОГНЕВ, Э.В. ЛИХАЧЕВА



Огнев Александр Сергеевич — проректор по науке, послевузовскому образованию и общественным связям и зав. кафедрой гуманитарных технологий Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, руководитель магистерской программы «Инструментальная психодиагностика», кандидат физико-математических наук, доктор психологических наук, профессор. Автор образовательного курса «Жизненная навигация»®.

Автор более 120 публикаций, в том числе «Введение в психологию субъектогенеза» (1996), «Теоретические основы психологии субъектогенеза» (1997), «Субъектогенез и психотренинг саморегуляции» (1997), «Психология субъектогенеза личности» (2009), «Субъектогенетический подход к психологической саморегуляции личности» (2009), «Субъектогенетический подход в обучении» (2009) и др.

Контакты: altognev@mail.ru



Лихачева Эльвира Валерьевна — доцент кафедры гуманитарных технологий Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: психология личности, когнитивная психология, позитивная психология. Автор более 30 работ по указанным проблемам.

Контакты: zip-ev@yandex.ru

Резюме

В статье описаны сущность и стадии субъектогенеза, в ходе которого индивид развивается как субъект и обретает возможность самодетерминации. Раскрыты положения субъектогенетического подхода к психолого-педагогической практике, в частности, показано, что целенаправленному субъектогенезу и развитию способности индивида к позитивному преодолению жизненных трудностей может способствовать сочетание субъектогенетического подхода (А.С. Огнев, В.А. Петровский), механизмов виртуальной, отраженной и возвращенной субъектности, предложенных В.А. Петровским, и основных положений современной позитивной психологии, изложенных М. Селигманом в концепции PERMA и идеях о ключевых достоинствах успешной личности. В статье раскрыты содержание и особенности методики реализации образовательного курса «Жизненная навигация»® как пример воплощения целенаправленного и позитивно-ориентированного субъектогенеза (автор – А.С. Огнев).

С помощью традиционных методик и визуально-вербального семантического дифференциала, реализованного с использованием высокочастотной системы трекинга глаз SMI Hi-Speed 1250, продемонстрированы возможности целенаправленного и позитивно-ориентированного развития субъектности при освоении образовательного курса «Жизненная навигация»®. Показано, что задействование предложенных В.А. Петровским методов виртуальной, отраженной и возвращенной субъектности позволяет максимально индивидуализировать образовательную траекторию студента, контролировать степень психологического воздействия на личность учащегося и укреплять его обоснованную уверенность в своих собственных силах, культивировать здоровый оптимизм. Результаты образовательной деятельности учащихся при описанном подходе одновременно служат и мерой сформированности универсальных компетенций, и важнейшим персонологическим основанием жизненного успеха, благополучия и процветания личности.

Ключевые слова: субъектогенез, позитивно-ориентированный субъектогенез, субъектогенетический подход, субъектность, жизненная навигация, жизнестойкость, самоэффективность, тревожность, визуально-вербальный семантический дифференциал.

Постановка проблемы исследования

Индивидуализация обучения и универсализация его форм и содержания — давняя проблема, порожденная комплексом социально-экономических факторов. Ее тесная связь с конкретным историческим этапом развития общества периодически оборачивается очередными кризисами, многие из которых вызваны попытками в универсальном режиме модифицировать систему образования. Такие реформы зачастую требуют поиска новых форм учета индивидуальных особенностей всех участников образовательной деятельности. Нередко это приводит не только к поиску новых методик обучения, но и к серьезному переосмыслению фундаментальных основ образования.

Очередная волна реформ заставила высшие учебные заведения страны практически заново перерабатывать свои образовательные программы с опорой не на знания, умения и навыки, а на компетентностные

модели. Такое образование предполагает формирование и развитие системы стандартизированных компетенций. При этом новое поколение образовательных стандартов содержит требование гармоничного сочетания формирующихся у студента нормативно заданных способностей и его индивидуальных особенностей, предпочтений и пристрастий.

Внешне новые образовательные стандарты во многом напоминают упрощенный вариант прежних документов этого рода. Но за внешним подобием часто остается незамеченным одно чрезвычайно серьезное отличие. Во всех новых образовательных стандартах содержатся две группы компетенций — общекультурные (универсальные) и профессиональные. И если вторая группа рассматривается как залог успеха в узкой профессиональной деятельности, то первая — в жизнедеятельности в целом.

Второй примечательной особенностью стандартов нового поколения является то, что в число общекультурных (универсальных) компетенций

включены способности, характеризующие выпускника вуза не только как «гармонично развитую личность». Такие способности, как постановка жизненно важных целей, ответственное отношение к взятым на себя обязательствам, умение добиваться реализации своих замыслов, готовность к конструктивному взаимодействию с партнерами, — это уже требования к выпускнику как полноценному субъекту активности в своей жизнедеятельности.

В принципе переход к образованию, ориентированному на развитие личности в качестве зрелого субъекта жизнедеятельности, был вполне ожидаемым. Как нами было показано в работе «Психология субъектогенеза личности» (Огнев, 2009), исследование человеческой субъектности входит в число важнейших направлений отечественной психолого-педагогической науки уже на протяжении более полувека. Продуктивные попытки определить статус субъекта как психологической категории неоднократно предпринимались С.Л. Рубинштейном, Д.Н. Узнадзе, Б.Г. Ананьевым, К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинским, В.А. Петровским, В.В. Знаковым. Эту категорию активно использовали Б.Ф. Ломов, Я.А. Пономарев для установления взаимосвязи психологии с другими науками. Хорошо известны результаты использования категории «субъект» в психологии мышления А.В. Брушлинским, В.А. Лекторским, О.К. Тихомировым. Продуктивность работы с этой категорией показана Я.А. Пономаревым при изучении психологии творчества, Ф.Е. Василюком в исследованиях психологической природы переживаний, В.А. Пет-

ровским, И.С. Якиманской при описании психологических основ личностно-ориентированного обучения, О.А. Конопкиным, В.И. Моросановой в исследованиях психологической саморегуляции.

Но, несмотря на широту научных представлений о природе человеческой субъектности, по-прежнему остается неясным путь полномасштабного внедрения в стандартизованную систему образования отвечающих этому знанию дидактических средств. Теперь вопрос о гармоничной увязке универсального и индивидуального конкретизируется как проблема индивидуализации образовательной траектории студента в ходе формирования и развития его компетенций, согласно унифицированным требованиям к реализуемой вузом программе обучения.

В связи с поиском решений указанной проблемы следует вновь обратиться к научному фундаменту современных представлений о человеческой субъектности.

Напомним, что начало широко-масштабному использованию категории субъекта в психолого-педагогической практике положили исследования В.А. Петровского (феномены неадаптивной активности, отраженной и возвращенной субъектности). Исследуя природу активности субъекта в условиях риска, В.А. Петровский обратил внимание на тот особый вклад, который человек делает в личность других людей. В период 1980—1990-х гг. под руководством В.А. Петровского был выполнен цикл теоретических и экспериментальных исследований различных проявлений идеальной представленности

личности одного человека в сознании другого, форм и последствий такой представленности. При этом в отличие от авторов большинства сугубо теоретических исследований проблемы субъектности В.А. Петровский дал множество примеров эффективного практического использования этой категории. Им были предложены модель перехода от детства к взрослости (Петровский, 1983), оригинальные экспериментальные методы исследования личности в коллективе (цикл совместных работ с А.В. Петровским: Экспериментальные методы исследования личности в коллективе, 1985), личностно-ориентированная концепция воспитания в дошкольном детстве (Давыдов, Петровский, 1989), методологические основы оценивания и порождения самоценных форм активности детей-школьников (Петровский, 1996). Раскрывая личность как внутреннюю сущность, самопричинность, духовное основание человека, в последние два десятилетия В.А. Петровский интенсивно разрабатывает основы персонологии как интегративного подхода к изучению личности, объединяющего академическую и прикладную составляющие психологии (Петровский, 2013).

Поиск основания для синтеза академической науки и практики в целях исследования процессов становления, сохранения и развития личности, интеграции личности в обществе привел к разработке науки, получившей название «общая персонология» (Петровский, 2003; Петровский, 2013; Старовойтенко, 2011; Петровский, Старовойтенко, 2012). В персонологии обретение личности рассматривается как персональное при-

знание одного человека во внутреннем мире другого. Сам термин «персональность» в данном контексте трактуется как феномен признания и разделения моей личности между мной и другими людьми. Такое признание становится итогом:

- актуализации во мне самом того, что до этого было виртуальным;
- отражения моей личности в сознании других людей;
- возвращения ко мне представлений других людей о моей персоне, которое существенным образом влияет на мое видение самого себя.

Персонологическое понимание личности включает такие аспекты человеческого бытия, как индивидуальная жизнь и сознание, самопознание и самовыражение, диалог и бытие-в-другом, преодоление чужеродности внешнего мира, аутентичность и воплощенность, саморазвитие и самопричинность (Петровский, 2003; Старовойтенко, 2011; Петровский, Старовойтенко, 2012). Ядро всей персонологии — личность как самодействующая причина своей противоречивой индивидуальной жизни (Старовойтенко, 2004). Одна из важнейших задач персонологической практики — повышение жизненной эффективности личности как мультисубъектного образования в различных сферах взаимодействия с миром через самопознание, саморазвитие и самореализацию.

Развитие личности как мультисубъектного образования подразумевает множественное отражение во мне самом субъектности других людей и мое отражение как «действующей причины» в других людях с последующими существенным образом обращенными на меня

результатами такого моего воздействия (Петровский, 2010). К такой трактовке развития личности В.А. Петровский пришел путем научного доказательства существования особых форм проявления активности человека, в которых его субъектность выступает непосредственно, обнаруживаясь в качестве самодействующей причины его бытия в мире (Петровский, 1993). В итоге многолетних исследований, выполненных многочисленным коллективом по руководством В.А. Петровского (Петровский, 1996), было показано, что свободной, целостной и развивающейся личностью человек становится при проявлении виртуальной, отраженной и возвращенной субъектности. Мы полагаем, что созидательная работа личности и с личностью во время всего периода вузовского обучения неминуемо должна не только считаться с этими феноменами, но и целенаправленно их использовать.

Методы исследования

В описываемом исследовании мы использовали две группы методов: методы психолого-педагогического проектирования и собственно исследовательские методы. Первая группа методов позволила создать определенную образовательную среду, обеспечивающую формирование и развитие описанных выше общекультурных (универсальных) компетенций. В число этих методов вошли:

- метод виртуальной субъектности;
- метод отраженной субъектности;
- метод претворенной субъектности.

В данном исследовании представлен субъектогенетический подход к процессу проектирования с исполь-

зованием этих методов. Основу этого подхода составляет сформулированное В.А. Петровским положение о том, что, обретая качество субъекта, человек проявляет способность к самодетерминации собственного бытия. Это проявляется в стремлении быть причиной своей активности и обладать одной из самых главных ценностей – собственной жизнью. В данном контексте становление субъектности человека – субъектогенез – определяется как процесс самополагания себя в качестве субъекта и обретения возможности к самодетерминации (Огнев, Петровский, 1995).

Субъектогенез реализуется путем последовательного прохождения личностью следующих стадий:

- принятие человеком на себя ответственности за непредреженный заранее исход своих действий (проявление себя как субъекта предстоящих действий);

- признание возможности реализации различных вариантов будущего, своей причастности к построению образа желаемого результата и своей способности реализовать желаемое (проявление себя как субъекта целеполагания);

- реализация открывающейся возможности в совершаемых по собственной воле действиях (проявление себя как субъекта совершаемого здесь-и-сейчас действия);

- принятие ответственного решения о завершении действия (проявление себя как первопричины, субъекта окончания действия);

- оценка результата как личностно значимого новообразования, детерминированного собственной активностью (проявление себя как субъекта состоявшегося действия).

Кроме указанных хронологических стадий полноценное восприятие человеком себя в качестве субъекта свершившегося действия включает и две составляющие подтверждения другими людьми его причастности к содеянному. Во-первых, как особая форма отраженной субъектности в сознании других людей образ человека должен быть наделен качествами автора содеянного, несущего ответственность за полученный результат. Во-вторых, человеку еще требуется демонстрация другими людьми того, что они признают за ним статус субъекта содеянного.

Как уже было отмечено, субъектогенетический подход к организации психолого-педагогической практики строится на разработанных В.А. Петровским методах виртуальной, отраженной и возвращенной субъектности. В этом подходе психолог в своей работе активно использует:

- определение сфер актуального субъектогенеза личности на основе фиксации проявлений надситуативной активности;

- проектирование психолого-педагогической среды, которая содействует решению человеком жизненно важных для него задач;

- ориентацию в ходе реализации консультативного, коррекционного, терапевтического, образовательного процессов на последовательное прохождение ключевых стадий субъектогенеза;

- оценку и оптимизацию уровня взаимодействия участников психолого-педагогического процесса с учетом фиксируемой разновидности отраженной субъектности;

- переосмысление человеком пройденного им пути в результате под-

тверждения другими людьми его субъектности, рассказа об их понимании того, что и как им было сделано, предположений о его возможностях.

Целенаправленному субъектогенезу и развитию способности к позитивному преодолению жизненно важных трудностей может способствовать сочетание в психолого-педагогической практике указанных ориентиров с основными положениями современной позитивной психологии, изложенными М. Селигманом в качестве концепции PERMA (Селигман, 2010), и идей о ключевых достоинствах личности (Селигман, 2006).

Главной целью позитивной психологии, по М. Селигману, являются благополучие и процветание человека. Он предложил пять критериев выбора человеком оптимальных видов активности при построении своего жизненного пути, которые также вошли в число методов проектирования студентами персональных образовательных траекторий. В группу таких критериев входят: позитивные эмоции, увлекательность, укрепление позитивных отношений с близкими, наличие глубокого смысла, получение достойных результатов (PERMA — аббревиатура англоязычных наименований этих критериев).

В качестве основного ресурса для достижения жизненного успеха и главного итога персонального саморазвития в позитивной психологии рассматриваются такие личностные качества (достоинства личности), как любознательность, храбрость, упорство в достижении своих целей, доброжелательность, стремление к

справедливости, самоконтроль, чувство меры, благоразумие, умение быть благодарным, стремление к мудрости и т.п. Их перечень наряду с перечнем подобных компетенций из списка Гэлапа (Бонивелл, 2009) и списком компетенций из образовательного стандарта был использован как стимульный материал для групповых дискуссий студентов на этапе разработки ими индивидуальных программ саморазвития.

С целью уточнения специфики применения метода виртуальной субъектности в работе с современной молодежью проводилось исследование личностных характеристик, успеваемости и представлений студентов о предстоящем жизненном пути. Личностные особенности студентов оценивались по следующим параметрам: уровень жизнестойкости (тест жизнестойкости С. Мадди, адаптация Д.А. Леонтьева, Е.И. Расказовой); уровень самоэффективности (шкала самоэффективности Р. Шварцера, Р. Ерусалема, адаптация В. Ромека); уровень тревожности (методика измерения уровня тревожности Дж. Тейлора; методика диагностики самооценки тревожности Ч.Д. Спилберга, Ю.Л. Ханина). Результативность деятельности определялась по среднему баллу ЕГЭ и средней оценке успеваемости по результатам зимней сессии. Общая выборка испытуемых составила 547 человек: студенты очного отделения факультетов журналистики, дизайна, психологии, экологии, филологического, исторического факультетов МГГУ им. М.А. Шолохова.

Для определения представлений студентов о предстоящем жизненном пути проводился контент-анализ

текстов эссе «Путь героя» — 154 испытуемых по 44 критериям: 1) критерии, отражающие специфику поставленных целей, деятельности, направленной на их реализацию, и их аффективную оценку; 2) критерии, отражающие потребности испытуемых; 3) критерии, позволяющие оценить ориентацию испытуемых на семью и/или карьеру. Согласно инструкции, студентам предлагалось представить себя через 40 лет и описать пройденный отрезок своего жизненного пути. Для определения степени выраженности показателей, выявленных в ходе контент-анализа, использовался метод Готтшалка и Глезер, допускающий использование ранговых корреляций (Gottschalk, Glezer, 1969).

Экспериментальная проверка эффективности образовательного курса «Жизненная навигация»[®] проводилась методом контрольных групп. В общей сложности в контрольных и экспериментальных исследованиях приняли участие 248 человек. Все сопоставлявшиеся группы были выровнены по полу, возрасту и образованию. В экспериментах принимали участие студенты и аспиранты дневной и вечерней форм обучения МГГУ им. М.А. Шолохова, РАГС при Президенте РФ, Государственного университета управления.

На данном этапе исследования анализировались:

– показатели уровня тревожности (методика измерения уровня тревожности Дж. Тейлора; методика диагностики самооценки тревожности Ч.Д. Спилберга, Ю.Л. Ханина);

– результативность деятельности — средний балл ЕГЭ, средний балл успеваемости по итогам двух сессий;

– контрольные задания, выполненные студентами в индивидуальных рабочих тетрадах «Персональный навигатор»;

– результаты авторского варианта визуально-вербального семантического дифференциала для выявления представлений личности о самой себе как субъекте жизнедеятельности (бланковый вариант и вариант для инструментальной самооценки с помощью айтрекера) (Огнев и др., 2012).

Все тестовые результаты подверглись корреляционному и факторному анализу (пакет SPSS).

В бланковый вариант семантического дифференциала был включен следующий набор биполярных шкал:

– «организованный — неорганизованный»;

– «ответственный — безответственный»;

– «целеустремленный — нецелеустремленный»;

– «победитель — побежденный»;

– «жизнестойкий — депрессивный»;

– «успешный — неуспешный»;

– «счастливый — несчастный»;

– «привлекательный — отталкивающий»

– «сильный — слабый».

Заполнение бланка сводилось к отметке одного из семи цифровых значений, отражающих степень близости собственных представлений о себе как о субъекте жизнедеятельности.

Вариант визуально-вербального семантического дифференциала для инструментальной самооценки личностных качеств как субъекта жизнедеятельности был использован тот

же набор парных оценок. Наряду с тестовой частью в стимульный материал были включены визуальные образы, символизирующие каждое понятие. Так, например, для обозначения понятия «сильный» было использовано фотографическое изображение льва, понятия «слабый» — эмбриона лягушки и т.д. Для каждой словесной характеристики были подобраны связанные с ней по смыслу изображения людей и фотографии животных. В ходе эксперимента в каждом очередном предъявлении испытуемый видел на экране, помимо словесного стимула, связанных с ним по смыслу изображений людей и животных, еще и свою собственную фотографию. Нами была использована следующая закономерность: при одновременном экспонировании нескольких визуальных стимулов взгляд испытуемых непроизвольно более длительное время фиксируется на позитивно нагруженных изображениях. Это дает возможность разделять субъективно принимаемые и отвергаемые стимулы, определять, что для испытуемого связано с отрицательными, а что с положительными эмоциями.

Также были использованы выявленные ранее способы установления смысловых связей между текстовыми и рисуночными стимулами, отработанных процедур использования айтрекера при тестировании испытуемых методом визуального семантического дифференциала и визуально-вербального семантического дифференциала. В частности, использовалась установленная ранее возможность с помощью таких процедур выявлять субъективные представления человека о степени его

успешности, готовности к преодолению жизненно важных трудностей, оценивать степень его лояльности к организации, команде, конкретному проекту.

Инструментальная самооценка проводилась с помощью высокочастотной системы трекинга глаз SMI Hi-Speed 1250. В процессе исследования были осуществлены:

- анализ направленности взгляда, замер числа и длительности фиксаций, при одновременном предъявлении нескольких визуальных стимулов;

- психосемантическая аттестация используемых визуальных стимулов;

- многократно повторяющееся одновременное предъявление стимулов с изменением их взаимного расположения на экране.

При работе с прибором указанного типа нами также учитывались результаты проведенных ранее исследований его оптимального использования как средства психодиагностики. В частности, ранее нами было обнаружено, что зависимость эффективности регистрации направленности взгляда от числа одновременно предъявляемых стимулов носит нелинейный характер. По мере увеличения числа стимулов от одного до 8–10 удается отчетливо зафиксировать субъективные предпочтения испытуемых и существенные для них ассоциативные связи между предъявляемыми стимулами. Дальнейшее увеличение числа стимулов ведет к непрерывному снижению эффективности определения индивидуальных предпочтений. Также установлено, что время проведения одной экспериментальной сессии не должно превышать 7–10 минут. При работе с прибором указанного типа

более длительное время непрерывного экспонирования визуальных стимулов вызывает у испытуемых утомление, нередко провоцирует слезоотделение.

Анализ перемещения взгляда проводился с помощью программы BeGaze™, позволяющей выделять области фиксации взгляда. Строились «тепловые» карты распределения внимания и выявлялись ключевые показатели взгляда испытуемых.

Полученные результаты и их обсуждение

В результате использования методов виртуальной, отраженной и претворенной субъектности в рамках субъектогенетического подхода к процессу психолого-педагогического проектирования образовательных систем нами был разработан образовательный модуль «Жизненная навигация»®, направленный на развитие у студентов высших учебных заведений способности к проектированию собственного жизненного пути, к позитивному преодолению жизненно важных трудностей, готовности к успешной реализации собственных замыслов.

В число основных тематических блоков учебного модуля «Жизненная навигация»® вошли:

- построение «дерева жизненно важных целей» с опорой на собственную мечту о персональном успехе и опыт самоанализа личностных ценностных ориентиров;

- формирование программы саморазвития персональных компетенций, которые рассматриваются в качестве главного ресурса личности на пути к своей мечте;

– определение перечня профилактических мер, направленных на нейтрализацию возможных помех на пути к своей мечте;

– разработка плана по вехам, который представляет собой логически связанный событийный ряд на пути к мечте, к персональному благополучию и процветанию личности;

– сверка намеченных жизненных ориентиров со своими представлениями о своем идеальном Я с целью их корректировки и повышения персональной значимости намечаемых планов;

– создание карты значимых субъектов (людей, организаций, сообществ), взаимодействие с которыми существенным образом влияет на достижение намечаемых жизненных планов;

– проектирование модели идеального дня, включающей такие виды активности, которые будут обеспечивать достижение намеченных целей.

Групповая форма тренинговой части модуля позволяет увеличить продуктивность ответов студентов на указанные вопросы за счет интенсивного обмена жизненным опытом, результатами раздумий. Взаимодействие с товарищами также способствует повышению степени реалистичности намечаемых планов и часто помогает их реализации. Обсуждение в группах, персональный запрос о помощи расширяют круг референтных лиц, которые играют роль внешнего орудия воли в процессе достижения намеченных целей. Механизм такого влияния вполне объясним благодаря упомянутым выше феноменам виртуальной, отраженной и возвращенной субъектности (Огнев, Петровский,

1995; Петровский, 1996). Обсуждение выполненной студентами работы способствует эффективному прохождению участниками тренингов заключительных стадий субъектогенеза, направленных на подтверждение собственного авторства и способности быть хозяином своей жизни.

С точки зрения кибернетики, возвращенная субъектность выполняет функцию обратной связи. Как показано Л.А. Петровской (Петровская, 1989), в диалогическом взаимодействии такая обратная связь может быть оценочной (ты прав, молодец и т.п.), интерпретативной (ты это сделал потому, что подумал...) и дескриптивной (твоим первым шагом было..., затем ты...; я знаю, что ты теперь можешь делать это и это). Оценочный вариант в персонологической практике вполне допустим как средство моральной поддержки, инструмент регуляции отношений по схеме «стимул – реакция». Интерпретативная обратная связь часто отвлекает от предмета обсуждения и ведет к ненужным выяснениям степени правомерности высказанных предположений. Наибольшей ценностью для решения поставленной задачи обладает дескриптивный вариант обратной связи, которая переводит диалог в план конкретных действий. Проводимое в подобном ключе обсуждение выполненной работы способствует эффективному прохождению участниками тренингов заключительных стадий субъектогенеза, направленных на подтверждение собственного авторства, способности быть хозяином собственной жизни.

Реализация метода виртуальной субъектности позволила в ходе решения поставленных задач добиться

повышения эффективности формирования общекультурных компетенций у студентов за счет индивидуализации построения индивидуальных образовательных траекторий с учетом того, что современная молодежь относит к разряду «долженствований к раскрытию». При содействии эффективной самоорганизации студентов нами были учтены следующие результаты.

Согласно полученным нами данным, жизнестойкость тесно коррелирует с показателем самооффективности ($r = 0.65, p < 0.001$). Это подтверждает результаты более ранних исследований других авторов (Гордеева и др., 2009). Следовательно, более жизнестойкие студенты по сравнению с менее жизнестойкими имеют более высокий уровень самооффективности, т.е. демонстрируют большую уверенность в своих способностях организовывать и реализовывать собственную деятельность, направленную на достижение цели.

Были обнаружены отрицательные корреляции жизнестойкости с тревожностью по шкале Дж. Тейлора ($r = -0.593, p < 0.001$) и показателями реактивной и личностной тревожности по тесту Ч.Д. Спилберга, Ю.Л. Ханина (соответственно $r = -0.43, p < 0.01$; $r = -0.6, p < 0.001$). Таким образом, более жизнестойкие студенты демонстрируют более низкий уровень как реактивной, так и личностной тревожности. У менее жизнестойких студентов высока личностная и реактивная тревожность, что является признаком их эмоционального неблагополучия и склонности переживать тревогу.

Показатель самооффективности личности коррелирует с показателя-

ми личностной тревожности по шкале Дж. Тейлора и тесту Ч.Д. Спилберга, Ю.Л. Ханина с обратным знаком (соответственно $r = -0.34, p < 0.05$; $r = -0.39, p < 0.05$). Это означает, что более тревожные испытуемые характеризуются меньшей самооффективностью по сравнению с менее тревожными.

Были выявлены взаимосвязи показателей ЕГЭ студентов с самооффективностью личности ($r = 0.397, p < 0.05$). Следовательно, студенты с более высокой самооффективностью имеют более высокие результаты ЕГЭ. Также показатель среднего балла ЕГЭ отрицательно коррелирует с тревожностью по шкале Дж. Тейлора ($r = -0.342, p < 0.05$). Значит, менее тревожные студенты имеют более высокие баллы ЕГЭ, чем более тревожные. Значимые корреляции показателя успеваемости с жизнестойкостью, самооффективностью, тревожностью и результатами ЕГЭ не выявлены (Likhacheva et al., 2013).

На основе факторного анализа (метод Varimax) выявлено 14 факторов (86% общей дисперсии). К наиболее значимым мы отнесли четыре фактора: 1) «Неуверенность»; 2) «Показатели успеха»; 3) «Оценка возможных рисков»; 4) «Показатели жизнестойкости».

Фактор «Неуверенность» объединил различные варианты демонстрации неуверенности в себе: потребность в поддержке (0.840), заявление о значимости цели (0.635) и деятельности, ориентированных на одобрение (0.834), и надежда на ее получение (0.828), избегание неудачи (0.718) или нежелание действовать из-за вероятной неудачи (0.448), подчеркивание вероятности риска

(0.381), нарочито жесткая ориентация только на карьеру (0.683) или семью (0.570), прямые заявления об ошибочности выбранного пути (0.570). В фактор «Неуверенность» вошел также показатель жизнестойкости с обратным знаком (-0.120). Следовательно, менее жизнестойким испытуемым свойственны проявления неуверенности (на уровне тенденции).

Анализ переменных, включенных в фактор «Показатели успеха», позволяет выделить следующие признаки жизненного успеха: рождение детей (0.835), повышение благосостояния (0.763), вступление в брак (0.685), забота о близких (0.677), возможность поделиться жизненным опытом (0.662), ориентация на построение карьеры и семьи с акцентом на семье (0.643), смена места жительства (0.524). Испытуемым, в большей мере ориентированным на перечисленные показатели успеха, свойственно четкое формулирование будущих целей и видение путей их достижения (соответственно 0.608 и 0.526).

Анализ содержания фактора «Оценка возможных рисков» показывает, что испытуемым при большой вероятности риска свойственны нежелание испытать неудачу (0.809) и ее последствия (0.606), высказывание сомнений в удачном стечении обстоятельств (0.561) и ссылка при неудаче на внешние обстоятельства (0.712). При этом они настойчивы в высказывании надежды на успех (0.623) и готовности проявлять упорство при неудаче (0.398), ищут независимости (0.726), подчеркивают, что получают удовольствие от целенаправленной деятельности

(0.708), и ориентированы на построение карьеры и семьи с акцентом на карьере (0.429). Также испытуемым, прогнозирующим неудачу, свойственны повышенная реактивная тревожность (0.343) и на уровне тенденции низкая самооэффективность (-0.173).

Анализ переменных фактора «Показатели жизнестойкости» показал, что пониженную жизнестойкость (-0.688) демонстрируют испытуемые с высокой личностной и реактивной тревожностью по тесту Ч.Д. Спилберга, Ю.Л. Ханина (соответственно 0.896 и 0.731), высокой тревожностью по Дж. Тейлору (0.872), низкой самооэффективностью (-0.416) и низкими результатами ЕГЭ (-0.208). Кроме того, испытуемым с пониженной жизнестойкостью свойственны: жесткая ориентация на карьеру в ущерб остальным сферам жизнедеятельности (0.296) или невозможность определиться с ориентацией на семью или карьеру, которые воспринимаются как конкурирующие цели (0.353). Менее жизнестойкие испытуемые заявляют о неуверенности в успехе (-0.339) и в большей степени, чем более жизнестойкие, ориентированы на смену места жительства (0.307). Кроме того, для них характерно откладывать на будущий период осмысление своего опыта и передачу его другим людям (0.281).

С учетом полученных данных в дальнейшем исследовании при реализации метода виртуальной субъектности мы стремились:

– не только учитывать результаты диагностики жизнестойкости, самооэффективности, тревожности, результативность учебной деятельности, но

и обращать внимание на упоминание в устной и письменной речи выявленных признаков низкой жизнестойкости, неуверенности и ожидания рисков;

– включать при необходимости в индивидуальную образовательную траекторию студентов консультации и тренинги, ориентированные не столько на снижение тревожности как симптома неблагополучия, сколько на осмысление жизненного пути, развитие умений целеполагания, планирования деятельности и оценки полученных результатов (Likhacheva, et al., 2013).

Рассмотрим результаты проверки эффективности образовательного курса «Жизненная навигация»®.

Результаты тестирования студентов в экспериментальной и контрольной группах до начала тренинга не имеют статистически значимых различий. Так, по результатам теста жизнестойкости С. Мадди, адаптированного Д.А. Леонтьевым, Е.И. Расказовой, первоначальные показатели жизнестойкости во всех указанных группах были статистически не различимы. После проведения «Жизненной навигации»® показатели в экспериментальной группе статистически отличались от исходных показателей (t -критерий Стьюдента составил 2.58, $p < 0.01$). При этом исходные и итоговые показатели жизнестойкости в контрольной группе оказались статистически не различимыми (t -критерий Стьюдента составил 0.107, $p = 0.91$). Аналогичные статистические закономерности были получены по результатам тестирования участников эксперимента с помощью методик для оценки самоэффективности (шкала само-

эффективности Р. Шварцера, Р. Ерусалема в адаптации В. Ромека и методика Маддукса и Шеера). При этом была выявлена статистически значимая корреляция между показателями жизнестойкости и самоэффективности (0.52, $p < 0.01$) (Огнев и др., 2013).

Также были обнаружены положительные изменения показателей личностной и ситуативной тревожности в экспериментальной группе. После успешного освоения образовательного модуля «Жизненная навигация»® эти виды тревожности у участников занятий оказались существенно ниже. Статистически значимых изменений этих показателей в контрольных группах нами не выявлено.

Полученные данные согласуются с результатами исследований подсознательной самооценки своей личности как субъекта активности, которые проводились методом визуально-вербального семантического дифференциала с использованием высокочастотной системы трекинга глаз SMI Hi-Speed 1250 (Огнев и др., 2012). Построенные по итогам этой серии экспериментов «тепловые карты» сравнивались с результатами предварительного бланкового тестирования каждого испытуемого с помощью семантического дифференциала, составленного из того же набора парных словесных характеристик личности.

Сопоставление рангов стимулов на «тепловых картах» и баллов бланкового варианта семантического дифференциала показало совпадение получаемых с их помощью оценок более чем на 80%. При этом практически все испытуемые в устных само-

отчетах заявляли о том, что смену некоторых слов на экране они не заметили. Тем не менее на «тепловых картах» отчетливо видна смена областей повышенного внимания в соответствии с новым контекстом, заданным новым вербальным стимулом.

В экспериментальных группах у участников занятий удалось выявить статистически значимое повышение интуитивных самооценок степени своей успешности, готовности к преодолению жизненно важных трудностей, своей организованности и ответственности. В контрольных группах подобных изменений обнаружено не было.

Таким образом, в результате проведенных исследований нами получены убедительные доказательства высокой эффективности сочетания субъектогенетической практики и основных положений позитивной психологии в ходе формирования и

развития у студентов вузов универсальных (общекультурных) компетенций. Успех в этом случае обеспечивается переводом студентов из состояния виртуального субъекта в состояние реального созидателя своего жизненного пути. Задействование предложенных В.А. Петровским методов виртуальной, отраженной и возвращенной субъектности позволяет максимально индивидуализировать образовательную траекторию студента, контролировать степень психологического воздействия на его личность, укреплять его обоснованную уверенность в собственных силах и культивировать здоровый оптимизм. Результаты образовательной деятельности при описанном подходе одновременно служат и мерой сформированности универсальных компетенций, и важнейшим персонологическим основанием жизненного успеха студентов.

Литература

- Бонивелл, И. (2009). *Ключи к благополучию*. М.: Время.
- Гордеева, Т. О., Осин, Е. Н., Шевякова, В. Ю. (2009). *Диагностика оптимизма как стиля объяснения успехов и неудач: опросник СТОУН*. М.: Смысл.
- Давыдов, В. В., Петровский, В. А. (1989). Концепция дошкольного воспитания. *Дошкольное воспитание*, 5, 10–23.
- Огнев, А. С. (2009). *Психология субъектогенеза личности*. М.: Изд-во МГГУ.
- Огнев, А. С., Венерина, О. Г., Виноградова, И. А. (2012). Новые психодиагностические возможности трекинга глаз. *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология*, 3, 107–112.
- Огнев, А. С., Лихачева, Э. В., Сидоренко, М. Г., Казаков, К. А. (2013). Развитие субъектного потенциала личности как условие повышения конкурентоспособности студентов вуза. *Вестник Воронежского государственного технического университета*, 9(5–2), 181–183.
- Огнев, А. С., Петровский, В. А. (1995). О возможности субъектогенеза в условиях жестко технологизированного обучения. В кн. *Проблемы проектирования образования: Сб. науч. тр.* (с. 220–230). М.: Институт педагогических инноваций РАО.
- Петровская, Л. А. (1989). *Компетентность в общении*. М.: Изд-во Московского университета.

- Петровский, В. А. (1983). Принцип ведущей деятельности и проблема личностнообразующих видов деятельности при переходе от детства к взрослости. В кн. Д.И. Фельдштейн (ред.), *Психологические условия и механизмы воспитания подростков: Сб. науч. тр.* (с. 20–33). М.: АПН СССР.
- Петровский, В. А. (1993). *Личность: феномен субъектности*. Ростов-на-Дону: Феникс.
- Петровский, В. А. (1996). *Личность в психологии: парадигма субъектности*. Ростов-на-Дону: Феникс.
- Петровский, В. А. (2003). Общая персонология: наука личности. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук* (с. 20–30). Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии». Самара.
- Петровский, В. А. (2010). Начала мультисубъектной персонологии. *Развитие личности*, 1, 55–72.
- Петровский, В. А. (2013). *«Я» в персонологической практике*. М.: Изд-во «Высшая школа экономики».
- Петровский, В. А., Старовойтенко, Е. Б. (2012). Наука личности: четыре проекта общей персонологии. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(1), 21–39.
- Селигман, М. (2006). *Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни*. М.: ООО Изд-во «София».
- Селигман, М. (2010). *В поисках счастья. Как получить от жизни удовольствие каждый день*. М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Старовойтенко, Е. Б. (2004). *Психология личности в парадигме жизненных отношений*. М.: Академический проект.
- Старовойтенко, Е. Б. (2011). Парадигма жизни в персонологии. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 7(1), 3–18.
- Экспериментальные методы исследования личности в коллективе (1985). *Тезисы Всесоюз. науч.-метод. конф.* Даугавпилс: Даугавпилсский педагогический институт.
- Gottschalk, L. A., & Gleser, G. C. (1969). *The measurement of psychological states through the content analysis of verbal behavior*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Likhacheva, E. V., Ognev, A. S., & Kazakov, K. A. (2013). Hardiness and purposes in life of modern Russian students. *Middle East Journal of Scientific Research*, 14(6), 795–798.

Implementation of Positive Subjectivity Genesis in Higher Education System

Alexander S. Ognev

Sholokhov Moscow State University for the Humanities
E-mail: altognev@mail.ru

Elvira V. Likhacheva

Sholokhov Moscow State University for the Humanities
E-mail: zin-ev@yandex.ru

Address: 16-18, Verkhnyaya Radishchevskaya street, Moscow, Russian Federation, 109240

Abstract

The paper describes the essence and stages of subjectivity genesis as a process of an individual reflexing themselves as a subject and gaining opportunities for self-determination.

Application of the ideas of subjectivity genesis in education is discussed. It has been shown that purposeful subjectivity genesis and development of an ability to overcome life's difficulties are enhanced by a combination of subjectivity genesis approach (A.S. Ognev, V.A. Petrovsky), mechanisms of virtual, reflected and returned subjectivity proposed by V.A. Petrovsky, and main principles of contemporary positive psychology outlined by M. Seligman in his PERMA conception and ideas of the key traits of a successful personality. The paper describes content and characteristics of an educational course «Life navigation»[®] as an example of purposeful and positive subjectivity genesis (author – A.S. Ognev).

Traditional methods as well as visual-verbal semantic differential embodied in the high frequency eye tracking SMI Hi-Speed 1250 system provide evidence for the purposeful and positive development of subjectivity when taking «Life navigation» course. It has been shown that use of virtual, reflected and returned subjectivity methods proposed by V.A. Petrovsky helps to at most individualise student's educational path, control the psychological impact on the student's personality, strengthen their valid confidence and create healthy optimism. The results of educational activity thus become a measure of the level of universal competencies as well as an important personological background of life success, well-being and personality thrift.

Keywords: subjectivity genesis, positive subjectivity genesis, subjectivity, life navigation, hardiness, anxiety, self-efficacy, visual-verbal semantic differential.

References

- Boniwell, I. (2009). *Klyuchi k blagopoluchiyu* [Key to well-being]. Moscow: Vremya. (Transl. of: Boniwell, I. (2008). *Positive psychology in a nutshell* (2nd ed.). London: PWBC).
- Davydov, V. V., & Petrovsky, V. A. (1989). Kontsepsiya doshkol'nogo vospitaniya [Conception of pre-school education]. *Doshkol'noe Vospitanie*, 5, 10–23.
- Ekspertimental'nye metody issledovaniya lichnosti v kollektive [Experimental methods to study personality in a group setting]. (1985). Daugavpils: Daugavpils Pedagogical Institute.
- Gordeeva, T. O., Osin, E. N., & Shevyakhova, V. Yu. (2009). *Diagnostika optimizma kak stilya ob'yasneniya uspekhov i neudach: oprosnik STOUN* [Measuring optimism as a success and failure attributional style: STOUN questionnaire]. Moscow: Smysl.
- Gottschalk, L. A., & Glezer, G. C. (1969). *The measurement of psychological states through the content analysis of verbal behavior*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Likhacheva, E. V., Ognev, A. S., & Kazakov, K. A. (2013). Hardiness and purposes in life of modern Russian students. *Middle East Journal of Scientific Research*, 14(6), 795–798.
- Ognev, A. S. (2009). *Psikhologiya sub"ektogeneza lichnosti* [Psychology of subjectivity genesis of personality]. Moscow: Sholokhov Moscow State University for the Humanities.
- Ognev, A. S., Likhacheva, E. V., Sidorenko, M. G., & Kazakov, K. A. (2013). Razvitie sub"ektnogo potentsiala lichnosti kak uslovie povysheniya konkurentosposobnosti studentov vuza [Development of subjectivity potential of personality as a way to increase competitive ability of University students]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 9(5–2), 181–183.
- Ognev, A. S., & Petrovsky, V. A. O vozmozhnosti sub"ektogeneza v usloviyakh zhestko tekhnologizirovannogo obucheniya [Potential of subjectivity genesis in strict technological education]. In

- Problemy proektirovaniya obrazovaniya* (pp. 220–230). Moscow: Institut pedagogicheskikh innovatsii RAO.
- Ognev, A. S., Venerina, O. G., & Vinogradova, I. A. (2012). Novye psikhodiagnosticheskie vozmozhnosti trekinga glaz [New psychometric potential of eye tracking]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Pedagogika i psikhologiya*, 3, 107–112.
- Petrovskaya, L. A. (1989). *Kompetentnost' v obshchenii* [Competence in communication]. Moscow: Moscow University Press.
- Petrovskiy, V., & Starovoitenko, E. (2012). The science of personality: four projects of general personology. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 9(1), 21–39.
- Petrovsky, V. A. (1983). Printsip vedushchei deyatel'nosti i problema lichnostnoobrazuyushchikh vidov deyatel'nosti pri perekhode ot detstva k vzroslosti [Leading activity and a problem of personality generation activities in transition from childhood to adulthood]. In D.I. Fel'dshtein (Ed.), *Psikhologicheskie usloviya i mekhanizmy vospitaniya podrostkov* (pp. 20–33). Moscow.
- Petrovsky, V. A. (1993). *Lichnost': fenomen sub"ektnosti* [Personality: subjectivity phenomenon]. Rostov-on-Don: Feniks.
- Petrovsky, V. A. (1996). *Lichnost' v psikhologii: paradigma sub"ektnosti* [Personality in psychology: subjectivity paradigm]. Rostov-on-Don: Feniks.
- Petrovsky, V. A. (2003). Obshchaya personologiya: nauka lichnosti [General personology: personality science]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* (pp. 20–30). Samara.
- Petrovsky, V. A. (2010). Nachala mul'tisub"ektnoi personologii [Introduction to multi-subjective personology]. *Razvitie Lichnosti*, 1, 55–72.
- Petrovsky, V. A. (2013). «Ya» v personologicheskoi praktike [“Self” in personological practice]. Moscow: The Higher School of Economics.
- Seligman, M. (2006). *Novaya pozitivnaya psikhologiya: Nauchnyi vzglyad na schast'e i smysl zhizni* [New positive psychology: scientific view of happiness and meaning]. Moscow: OOO Izd-vo «Sofiya». (Transl. of: Seligman, M. (2002). *Authentic happiness: using the New Positive Psychology to realize your potential for lasting fulfillment*. New York: Free Press).
- Seligman, M. (2010). *V poiskakh schast'ya. Kak poluchat' ot zhizni udovol'stviye kazhdy den'* [In the search of happiness. How to enjoy life every day.]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. (Transl. of: Seligman, M. (2002). *Authentic happiness: using the New Positive Psychology to realize your potential for lasting fulfillment*. New York: Free Press).
- Starovoitenko, E. B. (2004). *Psikhologiya lichnosti v paradigme zhiznennykh otnoshenii* [Personality psychology in a paradigm of life relationships]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
- Starovoitenko, E. B. (2011). Paradigm of life in personology. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 7(1), 3–18.

Статьи

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЕРОВАНИЯ: АДАПТАЦИЯ МЕТОДИК ДЖ. ДАККИТА

О.А. ГУЛЕВИЧ, О.А. АНИКЕЕНОК, И.К. БЕЗМЕНОВА



Гулевич Ольга Александровна — доцент кафедры организационной психологии факультета психологии НИУ ВШЭ, доктор психологических наук.
Контакты: goulevitch@mail.ru



Аникеенок Ольга Александровна — доцент Казанского института Российского государственного торгово-экономического университета (РТЭУ КИ), кандидат психологических наук.
Контакты: Anikeenok_olga@mail.ru



Безменова Ирина Константиновна — и.о. зав. кафедрой социальной и юридической психологии Института психологии Российского государственного гуманитарного университета.
Контакты: bezmenova@hotmail.com

В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0114 «Оценка справедливости организационных решений: роль профессиональной специализации» в рамках программы «Научный фонд НИУ ВШЭ», 2011–2013 гг.

Резюме

Социальные верования — это представления о том, какова сущность других людей, как они ведут себя по отношению к окружающим и как надо отвечать на их действия. К их числу относится вера в опасный мир (убеждение в том, что общество хаотично, непредсказуемо и агрессивно) и конкурентный мир (убеждение человека в том, что окружающие люди лгут, манипулируют им и стремятся «обыграть» его). В данной статье представлены результаты исследования, посвященного проверке структурной валидности русскоязычной версии опросников Дж. Даккита для измерения веры в опасный и конкурентный мир. В исследовании приняли участие студенты московских, подмосковных и казанских вузов, а также сотрудники коммерческих организаций ($N = 1938$, $M_{\text{возраст}} = 20.24$, $SD_{\text{возраст}} = 4.64$). Респонденты заполняли переведенные на русский язык версии опросника для измерения веры в опасный мир, который включал в себя 12 утверждений, и опросника для измерения веры в конкурентный мир, который состоял из 20 утверждений. Для обработки результатов использовался эксплораторный и конфирматорный анализ. Анализ данных, касающихся веры в опасный мир, показал, что наибольшей структурной валидностью обладает полная двухуровневая модель, при которой все утверждения образуют два первичных фактора, которые, в свою очередь, объединяются в один вторичный фактор. В то же время анализ данных, касающихся веры в конкурентный мир, показал, что наибольшей структурной валидностью обладает сокращенная двухуровневая модель, при которой 12 утверждений образуют два первичных фактора, которые, в свою очередь, объединяются в один вторичный фактор. В обсуждении рассматривается культурная специфика русскоязычной версии опросников для измерения социальных верований.

Ключевые слова: вера в опасный мир, вера в конкурентный мир, авторитаризм, ориентация на социальное доминирование, этнические предрассудки.

Интерес психологов к представлениям человека о мире возник в середине XX в. Одним из первых о них заговорил М. Рокич. Он предположил, что люди обладают простыми верованиями относительно дружелюбности и враждебности мира, которые оказывают влияние на их политические и идеологические предпочтения. Впоследствии они были названы социальными верованиями.

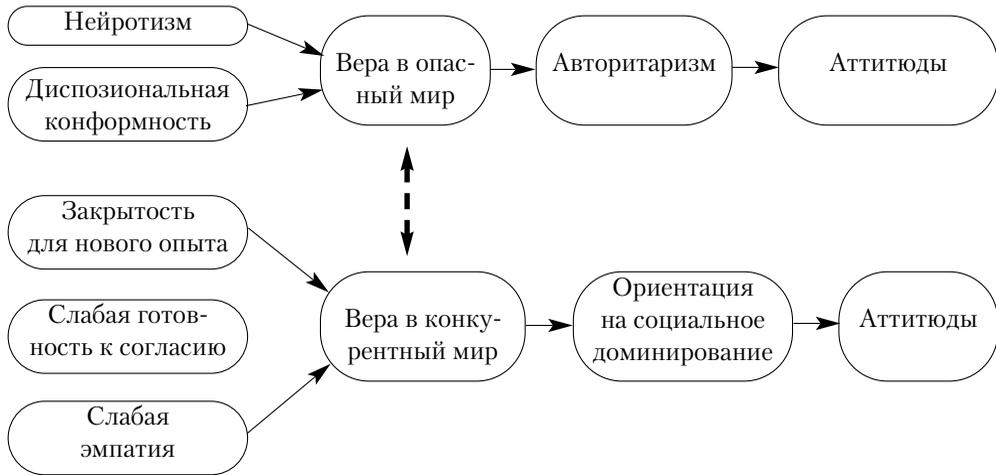
Социальные верования — это представления человека о том, какова сущность других людей, как они ведут себя по отношению к окружающим и как надо отвечать на их действия. К их числу относится вера в опасный и конкурентный мир (Duckitt et al., 2002; Federico et al.,

2009; Jugert, Duckitt, 2009; Sibley et al., 2007; Van Hiel et al., 2007).

Вера в опасный мир (dangerous world beliefs) — это убеждение в том, что общество хаотично, непредсказуемо, люди нападают на окружающих, а существующий социальный порядок находится под угрозой разрушения. Вера в конкурентный мир (jungle world beliefs) — это убеждение человека в том, что окружающие люди стремятся «обыграть» его, поэтому, чтобы достичь успеха и выиграть соревнование, он должен использовать все преимущества, предоставляемые ситуацией, лгать людям и манипулировать ими (рисунок 1).

Важность веры в опасный и конкурентный мир была отмечена

Двухфакторная модель социальных верований Дж. Даккита



Дж. Даккитом, автором двухкомпонентной модели социальных верований. По его мнению, в основе социальных верований лежат стабильные личностные черты. Веру в опасный мир порождает высокий уровень нейротизма и диспозициональной конформности¹, тогда как веру в конкурентный мир порождают закрытость новому опыту, слабая готовность к согласию и низкий уровень эмпатии.

В свою очередь, верования оказывают влияние на выбор человеком тех или иных жизненных целей. В частности, люди, верящие в опасный мир, стремятся к безопасности, сохранению социального порядка, тогда как люди, верящие в конкурентный мир, стремятся доминиро-

вать над окружающими. Цели, в свою очередь, определяют аттитюды человека. Вера в опасный мир порождает авторитаризм, а вера в конкурентный мир — ориентацию на социальное доминирование.

Под авторитаризмом в данном случае понимается совокупность аттитюдов человека к политической власти (Altemeyer, 1988, 1996). Согласно точке зрения Б. Альтмейера, он включает в себя консерватизм (готовность безоговорочно подчиняться власти), традиционализм (одобрение традиционных социальных норм) и авторитарную агрессию (одобрение жестоких наказаний в отношении нарушителей общественного спокойствия).

Под ориентацией на социальное доминирование (ОСД) понимается

¹ Современные исследования показывают, что вера в опасный мир зависит не только от стабильных личностных черт, но и от опасности, таящейся в конкретной ситуации (Jugert, Duckitt, 2009).

совокупность аттитюдов людей по отношению к существующей в обществе социальной иерархии. Люди с сильно выраженной ориентацией отвергают идею равенства различных социальных групп и уверены, что одни сообщества лучше других (Pratto et al., 2006).

Авторитаризм и ориентация на социальное доминирование формируются в ходе онтогенетического развития человека и оказывают влияние на отношение людей к моральным нормам, правовой и политической системе, существующим в обществе социальным группам.

В частности, люди с высоким уровнем авторитаризма и ОСД обладают низким уровнем морального развития (Altemeyer, 1988; Van Ijzendoorn, 1989) и уверены в существовании единственно правильной системы моральных норм, которую необходимо защищать любыми средствами (McHoskey, 1996; Wilson, 2003).

Они либо не интересуются политической жизнью (Peterson et al., 1997), либо сопротивляются социальным изменениям (Altemeyer, 1988; McFarland et al., 1992; Goertzel, 1989; Krauss, 2002), выступают против акций гражданского протеста (Altemeyer, 1988). Не верят в заговоры, организованные представителями правящих сил (McHoskey, 1995), поддерживают военное вмешательство своей страны в дела других государств и дают негативную оценку их политическим лидерам (Crowson et al., 2006; McFarland, 2005; Lehmler, Schmitt, 2007; Pena, Sidanius, 2002).

Кроме того, они дают позитивную оценку закону и выступают за его соблюдение (Cohn, Modecki, 2007; Na, Loftus, 1998). Исключение составляет отношение к правам человека (например, к праву на свободу политических и религиозных убеждений, презумпции невиновности) (Crowson, DeBacker, 2008; Crowson et al., 2006; Duckitt, Farre, 1994; Tee, Hegarty, 2006) и сексуальному насилию (Begany, Milburn, 2002; Walker et al., 1993). Как следствие, для них характерен карательный уклон, который выражается в повышенном интересе к преступлениям (Raney, 2004), негативном отношении к заключенным (Na, Loftus, 1998), внутренней атрибуции совершения преступления (Tam et al., 2008), приписывании преступнику высокой степени ответственности за содеянное (Feather, 1998); а также в предпочтении карательного подхода к преступности в ущерб реабилитационному (Tam et al., 2008) и поддержке смертной казни (Sidanius et al., 2006)².

И наконец, люди с высоким уровнем авторитаризма и ориентацией на социальное доминирование демонстрируют отрицательное отношение к аутгруппам. Они используют негативные стереотипы и предрассудки при оценке социальных меньшинств, представители которых нарушают распространенные в обществе социальные нормы (Hodson, Esses, 2005; Ommundsen, Larsen, 1997; Pek, Leong, 2003; Peterson et al., 1993; Roets et al., 2006; Rowatt et al., 2005; Stones, 2006), и низкостатусных

² Подобные правовые аттитюды характерны, прежде всего, для авторитарных людей.

групп, члены которых не обладают властью (Bassett, 2010; Costello, Hodson, 2011; Haley, Sidanius, 2006; Hodson et al., 2010; Kaiser, Pratt-Hyatt, 2009; Lalonde et al., 2007; Oldmeadow, Fiske, 2007; Perry, Sibley, 2011; Pratto et al., 2006; Roets et al., 2006; Sibley et al., 2007; Stones, 2006; Umphress et al., 2007).

Таким образом, вера в опасный мир опосредует связь между личностными чертами и аттитюдами человека, определяет отношение людей к различным социальным объектам³. Для измерения веры в опасный и конкурентный мир Дж. Даккитт предложил два опросника. В нашем исследовании была проанализирована структурная валидность русскоязычной версии этих методик.

Выборка. В исследовании приняли участие 1938 человек: 39% мужчин, возраст от 16 до 42 лет ($M = 20.24$, $SD = 4.64$). Среди них студенты дневного и заочного отделения московских и казанских университетов, а также сотрудники компании «Кофейная кантата» и Казанского жирового комбината.

Методики исследования. Для измерения веры в опасный и конкурентный мир были использованы полные версии опросников Дж. Даккита (Duckitt et al., 2002; Weber, Federico, 2007). Они были переведены на русский язык.

Вера в опасный мир. Опросник включал в себя шесть прямых и шесть обратных утверждений, отражающих общее отношение человека к миру, в котором он живет. Эти

утверждения касались современного (например, «Наш мир — опасное и непредсказуемое место, в котором ценности и образ жизни порядочных людей находятся под угрозой», «Наш мир — это безопасное и предсказуемое место, и большинство людей не причиняют окружающим зла») и будущего (например, «Все говорит о том, что наша жизнь в любой момент может превратиться в хаос», «Люди, думающие, что землетрясения, войны и голод означают конец света, не правы; конец света еще далек») состояния общества. При обработке результатов обратные утверждения инвертировались. Таким образом, больший итоговый показатель свидетельствовал о большей вере человека в опасный мир.

Вера в конкурентный мир. Опросник включал десять прямых и десять обратных утверждений, отражающих общее отношение человека к миру, в котором он живет. Эти утверждения отражали веру человека в необходимость:

– власти (например, «Деньги и богатство — это именно то, что ценно в жизни», «Принцип “выживает сильнейший” в жизни не работает. Мы должны помогать друг другу»);

– лжи (например, «Поскольку большинство людей хотят вас обмануть, вы должны обмануть их первыми; тогда у вас будет шанс добиться успеха», «Честность — лучшая политика в любой ситуации»);

– манипуляции окружающими (например, «Люди — это объекты,

³ Например, исследования показывают, что вера в опасный мир предсказывает негативные стереотипы в отношении аутгруппы (Schaller et al., 2003).

которыми можно манипулировать ради собственной выгоды»);

– безжалостного отношения к ним («Нужно быть холодным и мстительным, если это необходимо для достижения поставленной цели», «Лучший способ повести за собой группу – помочь ее членам решить свои проблемы, отнестись к ним как к соратникам, а не как к подчиненным»).

При обработке результатов обратные утверждения инвертировались. Таким образом, больший итоговый показатель свидетельствовал о большей вере человека в конкурентный мир.

Результаты

В ходе исследования были вычислены средние значения и стандартные отклонения утверждений, входящих в состав опросников.

После этого было проведено две серии эксплораторного факторного анализа методом главных компонент с последующим варимакс-вращением. Количество факторов фиксировалось исследователем: в первой серии выделялся один, а во второй – два фактора. В каждой серии пункты методик со слабыми или перекрестными нагрузками исключались, после чего процедура повторялась.

Полученные таким образом результаты позволили сформулировать модели, валидность которых была проверена в ходе конфирматорного анализа, проведенного с помо-

щью статистического пакета EQS 6.1 на основе сырых данных.

Методика для измерения веры в опасный мир. В таблице 1 представлены средние значения и стандартные отклонения ответов на пункты опросника веры в опасный мир. Они свидетельствуют об отсутствии социально желательных утверждений, с которыми соглашается или не соглашается подавляющее большинство респондентов.

Эксплораторный факторный анализ продемонстрировал, что пункты опросника группируются в два основных фактора: один включает утверждения, свидетельствующие об опасности мира, а второй – о его безопасности. Как следствие, в ходе конфирматорного факторного анализа была проверена структурная валидность трех моделей:

– классической однофакторной модели, включающей все утверждения;

– двухфакторной модели с прямыми и обратными утверждениями, в которой два фактора коррелируют между собой;

– двухуровневой модели с двумя первичными и одним вторичным фактором.

Результаты конфирматорного анализа представлены в таблице 2⁴. Они свидетельствуют о том, что наименьшей структурной валидностью обладает однофакторная модель. В то же время структурная валидность двухфакторной и двухуровневой модели одинакова и

⁴ В модель не вводились корреляции между остатками (ошибками измерения) переменных.

⁵ Как отмечает ряд методологов конфирматорного факторного анализа (Brown, 2006; Вугне, 2012), вопросы критериев принятия решения для показателей соответствия модели данным

Таблица 1

**Средние значения и стандартное отклонение утверждений опросника Веры в опасный мир
(после инвертирования обратных утверждений)**

№	Утверждения	М	SD	Асимметрия	Экссесс
1	Наш мир – это безопасное и предсказуемое место, и большинство людей не причиняют окружающим зла (обратное)	3.73	1.15	-0.65	-0.52
2	С каждым годом становится все меньше настоящего порядочных и все больше безнравственных людей, создающих угрозу для окружающих	3.31	1.18	-0.29	-0.94
3	Каждая эпоха порождает свои проблемы. Однако сегодня шансы человека на спокойную и безопасную жизнь выше, чем когда-либо раньше (обратное)	2.83	1.08	0.28	-0.70
4	Наш мир – опасное и непредсказуемое место, в котором ценности и образ жизни порядочных людей находятся под угрозой	3.30	1.14	-0.39	-0.86
5	Все говорит о том, что наша жизнь в любой момент может превратиться в хаос	3.02	1.28	0.15	-1.12
6	Если человек будет вести себя разумно, с ним не случится ничего плохого. Мы живем в безопасном мире (обратное)	3.13	1.09	-0.01	-0.85
7	В нашем обществе появилось много жестоких и опасных людей, которые нападают на окружающих без видимых причин	3.41	1.19	-0.33	-0.99
8	Опасения, что в нашем обществе очень много безнравственных людей, стремящихся причинить вред порядочным гражданам, сильно преувеличены (обратное)	2.91	1.09	0.06	-0.89
9	Люди, думающие, что землетрясения, войны и голод означают конец света, не правы; конец света еще далек (обратное)	2.27	1.24	0.65	-0.62
10	Вероятность стать жертвой нападения, ограбления или убийства постоянно увеличивается	3.22	1.20	-0.21	-0.97
11	Если общество будет разлагаться с такой скоростью, как сейчас, оно развалится, подобно гнилому дереву, и наша жизнь обратится в хаос	3.03	1.23	-0.09	-0.99
12	Уровень преступности сегодня не выше, чем был раньше (обратное)	2.91	1.15	0.11	-0.77

Примечание. Более высокое среднее значение свидетельствует о более сильной вере в опасный мир.

Таблица 2

Результаты конфирматорного факторного анализа пунктов опросника Веры в опасный мир

	Однофакторная модель (df = 54)	Двухфакторная модель (df = 53)	Двухуровневая модель (df = 52)
χ^2	501.310	388.444	388.445
RMSEA	0.065	0.057	0.058
(90% CI)	0.060 ... 0.071	0.052 ... 0.063	0.052 ... 0.063
CFI	0.884	0.913	0.913

Примечание. χ^2 – значение статистики хи-квадрат, df – число степеней свободы, RMSEA – корень среднеквадратической ошибки подгонки, 90% CI – границы доверительного интервала для RMSEA, CFI – сравнительный индекс соответствия Бентлера.

достаточно высока⁵. Это означает, что при использовании методики можно рассчитывать как два отдельных, так и один общий показатель. Однако анализ надежности свидетельствует в пользу вычисления одного показателя: α Кронбаха общей шкалы составляет 0.78, а отдельных шкал 0.77 и 0.56 соответственно.

Методика для измерения веры в конкурентный мир. В таблице 3 представлены средние значения и стандартные отклонения ответов на пункты опросника Веры в конкурентный мир. Они свидетельствуют о наличии, по крайней мере, двух социально желательных утверждений, с которыми соглашается большинство респондентов: «Благотворительность — это деятельность,

достойная восхищения» (п. 10) и «Надо относиться к другим так, как ты хотел бы, чтобы другие относились к тебе» (п. 16). Эти пункты были исключены из дальнейшего анализа.

Эксплораторный факторный анализ продемонстрировал, что пункты опросника группируются в два основных фактора: один включает утверждения, говорящие о конкурентности мира, а другие — о его неконкурентности. В ходе анализа было выделено 12 утверждений, дающих максимальные нагрузки на один из двух факторов. Среди них шесть прямых (п. 3, 4, 9, 11, 17, 18) и шесть обратных пунктов (п. 2, 7, 8, 14, 19, 20). Как следствие, в ходе конфирматорного факторного анализа была проверена структурная валидность

активно обсуждаются в литературе. Большинство авторов считают показателями хорошего соответствия значение RMSEA, не превышающее 0.05, а также значение CFI не меньше 0.95 (такие критерии, как значимость статистики хи-квадрат и соотношение значения хи-квадрат, к настоящему времени признаны неоптимальными). Тем не менее ряд авторов предлагает считать значения RMSEA в диапазоне от 0.05 до 0.08, а также CFI в диапазоне от 0.90 до 0.95 исключаемыми приемлемого соответствия модели данным. В данном случае решение о соответствии лежит на плечах исследователя и должно опираться не только на совокупность статистических показателей, но также и на теоретические соображения.

Таблица 3

Средние значения и стандартное отклонение утверждений опросника Веры в конкурентный мир (после инвертирования обратных утверждений)

№	Утверждения	M	SD	Асимметрия	Экссесс
1	Победа в соревновании — это единственное, что имеет значение в жизни	2.69	1.29	0.25	-1.09
2	Лучший способ повести за собой группу — помочь ее членам решить свои проблемы, отнестись к ним как к соратникам, а не как к подчиненным (обратное)	2.14	1.09	0.89	0.12
3	Человек, обладающий преимуществом в ситуации, должен использовать его любым способом, чтобы добиться своего	3.40	1.14	-0.34	-0.70
4	Нужно быть холодным и мстительным, если это необходимо для достижения поставленной цели	2.45	1.23	0.44	-0.86
5	Принцип «выживает сильнейший» в жизни не работает. Мы должны помогать друг другу (обратное)	2.67	1.16	0.31	-0.85
6	Деньги и богатство — это именно то, что ценно в жизни	2.37	1.19	0.67	0.65
7	Лучше вызывать у окружающих симпатию, чем страх (обратное)	1.95	1.08	1.15	0.71
8	Быть честным в отношениях с другими гораздо важнее, чем обладать деньгами или властью (обратное)	2.20	1.08	0.73	-0.11
9	В этом мире, где все выступают против всех, иногда нужно быть безжалостным	3.25	1.21	-0.33	-0.84
10	Благотворительность — это деятельность, достойная восхищения (обратное)	1.86	1.08	1.31	1.08
11	Поскольку большинство людей хотят вас обмануть, вы должны обмануть их первыми. Тогда у вас будет шанс добиться успеха	2.23	1.15	0.65	-0.43
12	Лучше занимать скромное положение в обществе и быть честным, чем быть влиятельным и нечестным (обратное)	2.74	1.18	0.23	-0.76
13	Мир, в котором мы живем, — это джунгли, где выживает и выигрывает сильнейший, где самые главные ценности — это сила, богатство, победа и власть	2.96	1.18	-0.04	-0.97
14	Честность — лучшая политика в любой ситуации (обратное)	2.63	1.14	0.27	-0.74

Таблица 3 (окончание)

№	Утверждения	М	SD	Асимметрия	Экссесс
15	На самом деле нет ничего правильного и неправильного. Есть то, что можно и что нельзя сделать безнаказанно	3.15	1.26	-0.18	-0.98
16	Надо относиться к другим так, как бы ты хотел, чтобы другие относились к тебе (обратное)	1.85	1.11	1.36	1.06
17	Один из самых полезных навыков, который человек должен в себе развивать, — это умение смотреть собеседнику прямо в глаза и говорить неправду	2.44	1.25	0.44	-0.89
18	Люди — это объекты, которыми можно манипулировать ради собственной выгоды	2.20	1.18	0.70	-0.55
19	Следует относиться к людям с презумпцией невиновности. Большинство людей достойны доверия (обратное)	2.34	1.02	0.64	-0.08
20	Мы можем построить общество, основанное на кооперации, доброте и взаимопомощи, а не на конкуренции и жажде наживы (обратное)	2.57	1.15	0.39	-0.62

Примечание. Более высокое среднее значение свидетельствует о более сильной вере в опасный мир.

трех моделей: классической однофакторной модели, включающей в себя все утверждения; двухфакторной модели с шестью прямыми и шестью обратными утверждениями, в которой два фактора коррелируют между собой; двухуровневой модели с двумя первичными и одним вторичным фактором⁶.

Результаты конфирматорного анализа представлены в таблице 4. Они свидетельствуют о том, что наименьшей структурной валидностью обладает однофакторная модель. В то же время структурная валидность двухфакторной и двухуровневой модели

одинакова и достаточно высока. Это означает, что при использовании методики можно рассчитывать как два отдельных, так и один общий показатель. Однако анализ надежности говорит в пользу вычисления одного показателя: α Кронбаха общей шкалы составляет 0.81, а отдельных шкал 0.80 и 0.74 соответственно.

Таким образом, в окончательную версию опросника вошли шесть утверждений, говорящих о необходимости быть добрым или безжалостным, и шесть утверждений, говорящих о необходимости быть честным или нечестным. Из опросника были

⁶ В модель не вводились корреляции между остатками (ошибками измерения) переменных.

Таблица 4

Результаты конфирматорного факторного анализа пунктов опросника Веры в конкурентный мир

	Однофакторная модель (df = 170)	Двухфакторная модель (df = 53)	Двухуровневая модель (df = 52)
χ^2	3006.723	342.827	342.827
RMSEA	0.093	0.053	0.054
(90% CI)	0.090 ... 0.096	0.048 ... 0.059	0.048 ... 0.059
CFI	0.716	0.948	0.948

Примечание. χ^2 – значение статистики хи-квадрат, df – число степеней свободы, RMSEA – корень среднеквадратической ошибки подгонки, 90% CI – границы доверительного интервала для RMSEA, CFI – сравнительный индекс соответствия Бентлера.

исключены практически все утверждения, связанные с ценностью власти.

В таблице 5 представлена описательная статистика по шкалам веры в опасный и конкурентный мир. Она свидетельствует о существовании половых различий по выраженности социальных верований. В частности, женщины считают мир более опасным, чем мужчины ($t_{общая} = -2.857^{**}$, $t_{шкала1} = -2.989^{**}$, $t_{шкала2} = -1.848$), а мужчины – более конкурентным, чем женщины ($t_{общая} = 7.810^{***}$, $t_{шкала1} = 7.436^{***}$, $t_{шкала2} = 5.412^{***}$).

Последующий анализ результатов продемонстрировал, что вера в опасный и конкурентный мир позитивно связаны друг с другом: вера в то, что окружающие люди физически опасны и непредсказуемы, сопровождается уверенностью в их нечестности и склонности к конкуренции (таблица 6).

Обсуждение результатов

Социальные верования – важный фактор, оказывающий влияние на аттитюды и поведение человека. К числу наиболее известных методик для изучения социальных верований

относятся опросники Дж. Даккита, активно используемые в зарубежных исследованиях. Они позволяют измерить веру человека в опасный и конкурентный мир.

В нашем исследовании мы проанализировали структурную валидность русскоязычного варианта методик Дж. Даккита. Результаты продемонстрировали, что полный сбалансированный вариант опросника для измерения веры в опасный мир обладает высокой структурной валидностью и может применяться в дальнейших исследованиях (приложение 1). В то же время опросник для измерения веры в конкурентный мир может быть использован только в сокращенном варианте, включающем 12 утверждений относительно необходимости доброты/ жестокости и честности/нечестности (приложение 2).

По-видимому, это происходит, поскольку методика для измерения веры в опасный мир включает частично повторяющиеся формулировки, однозначно свидетельствующие о том, что окружающий мир опасен или безопасен. В то же время

Таблица 5

Описательная статистика по шкалам веры в опасный и конкурентный мир

Шкалы	М	SD	Асимметрия	Эксцесс
<i>По всей выборке</i>				
Вера в опасный мир (общий показатель)	3.09	0.63	-0.14	-0.26
Вера в опасный мир (шкала 1)	3.21	0.82	-0.16	-0.48
Вера в опасный мир (шкала 2)	2.96	0.64	-0.01	-0.12
Вера в конкурентный мир (общий показатель)	2.48	0.65	0.26	-0.10
Вера в конкурентный мир (шкала 1)	2.66	0.84	0.27	-0.37
Вера в конкурентный мир (шкала 2)	2.30	0.72	0.71	0.70
<i>Мужчины</i>				
Вера в опасный мир (общий показатель)	3.04	0.67	-0.02	-0.27
Вера в опасный мир (шкала 1)	3.14	0.83	-0.02	-0.48
Вера в опасный мир (шкала 2)	2.93	0.68	-0.01	-0.17
Вера в конкурентный мир (общий показатель)	2.63	0.68	0.06	0.17
Вера в конкурентный мир (шкала 1)	2.84	0.86	0.06	-0.26
Вера в конкурентный мир (шкала 2)	2.41	0.74	0.47	0.34
<i>Женщины</i>				
Вера в опасный мир (общий показатель)	3.12	0.61	-0.20	-0.25
Вера в опасный мир (шкала 1)	3.26	0.81	-0.26	-0.44
Вера в опасный мир (шкала 2)	2.99	0.60	0.02	-0.16
Вера в конкурентный мир (общий показатель)	2.39	0.62	0.35	-0.24
Вера в конкурентный мир (шкала 1)	2.55	0.81	0.40	-0.34
Вера в конкурентный мир (шкала 2)	2.23	0.70	0.89	1.15

опросник для измерения веры в конкурентный мир состоит из разных по содержанию пунктов, затрагивающих темы доброты, честности и власти/богатства. Выпадение из опросника пунктов, касающихся необходимости богатства и власти («Принцип “выживает сильнейший” в жизни не работает; мы должны помогать друг другу», «Деньги и богатство — это именно то, что ценно в жизни», «Лучше занимать скромное положение в обществе и быть чест-

ным, чем быть влиятельным и нечестным», «Мир, в котором мы живем, — это джунгли, где выживает и выигрывает сильнейший, где самые главные ценности — это сила, богатство, победа и власть»), говорит о том, что эта тема занимает в сознании российских респондентов отдельное место и слабо связана с общими верованиями в честность и доброту людей. Исключение остальных утверждений связано либо с их социальной желательностью («Благотворительность —

Таблица 6

Корреляции между шкалами веры в опасный и конкурентный мир

	ВОМ1	ВОМ2	ВОМ общий	ВКМ1	ВКМ2	ВКМ общий
Вера в опасный мир (шкала 1)		0.513**	0.903**	0.214**	0.058*	0.170**
Вера в опасный мир (шкала 2)	0.513**		0.832**	0.120**	0.161**	0.166**
Вера в опасный мир (общий показатель)	0.903**	0.832**		0.198**	0.118**	0.193**
Вера в конкурентный мир (шкала 1)	0.214**	0.120**	0.198**		0.393**	0.861**
Вера в конкурентный мир (шкала 2)	0.058*	0.161**	0.118**	0.393**		0.806**
Вера в конкурентный мир (общий показатель)	0.170**	0.166**	0.193**	0.861**	0.806**	

* $p \leq 0.05$, ** $p \leq 0.001$.

это деятельность, достойная восхищения», «Надо относиться к другим так, как бы ты хотел, чтобы другие относились к тебе»), либо с неконкретностью формулировки («Победа в соревновании — это единственное, что имеет значение в жизни», «На самом деле нет ничего правильного и неправильного; есть то, что можно и что нельзя сделать безнаказанно»).

Еще одной особенностью русскоязычной версии опросников Дж. Даккита является наличие в ней двух качественно различных факторов, один из которых включает прямые, а другой — обратные утверждения. Подобные результаты были получены при адаптации других психологических методик, рассчитанных на диагностику личностных особенностей. Возможно, это связано с тем, что, отвечая на вопросы, требующие общей оценки своего поведения или поведения других людей, человек вспоминает примеры, свидетельствующие в пользу как прямых, так и

обратных утверждений. Как следствие, он в той или иной мере соглашается с утверждениями разного типа. Итоговый показатель методики свидетельствует о доминировании примеров в пользу одной из двух точек зрения.

Основной проблемой данного исследования стала невозможность определить конвергентную и дискриминантную валидность опросников Дж. Даккита, поскольку в настоящее время на русском языке отсутствуют валидные методики для измерения как социальных верований, так и связанных с ними психологических переменных.

В частности, наибольшее эмпирическое подтверждение получила связь веры в опасный и конкурентный мир с авторитаризмом и ориентацией на социальное доминирование. Для измерения авторитаризма в психологических исследованиях используют методики Адорно, Альтмейера и МакФарланда, а для измерения

ориентации на социальное доминирование — опросник Пратто с соавт. Однако ни одна из этих методик не была полностью адаптирована на российской выборке: опросники Адорно и Пратто никогда не подвергались адаптации, тогда как опросни-

ки Альтмейера и МакФарланда были переведены на русский язык и протестированы на российской выборке, однако попытка их применения в последнее время продемонстрировала низкую структурную валидность шкал.

Литература

- Altemeyer, B. (1988). *Enemies of freedom. Understanding right-wing authoritarianism*. Mississauga: Jossey-Bass.
- Altemeyer, B. (1996). *The Authoritarian Specter*. Harvard University Press.
- Bassett, J. F. (2010). The effects of mortality salience and social dominance orientation on attitudes toward illegal immigrants. *Social Psychology, 41*(1), 52–55.
- Begany, J. J., & Milburn, M.A. (2002). Psychological predictors of sexual harassment: authoritarianism, hostile sexism, and rape myths. *Psychology of Men and Masculinity, 3*(2), 119–126.
- Brown, T. A. (2006). *Confirmatory factor analysis for applied research*. N.Y.: The Guilford Press.
- Byrne, B. (2012). *Structural equation modeling with Mplus*. N.Y.: Routledge.
- Cohn, E. S., & Modecki, K. L. (2007). Gender differences in predicting delinquent behavior: do individual differences matter? *Social Behavior and Personality, 35*(3), 359–374.
- Costello, K., & Hodson, G. (2011). Social dominance-based threat reactions to immigrants in need of assistance. *European Journal of Social Psychology, 41*(2), 220–231.
- Crowson, H. M., & Debacker, T. K. (2008). Belief, motivational, and ideological correlates of human rights attitudes. *The Journal of Social Psychology, 148*(3), 293–310.
- Crowson, H. M., Debacker, T. K., & Thoma, S. J. (2006). The role of authoritarianism, perceived threat, and need for closure or structure in predicting post-9/11 attitudes and beliefs. *The Journal of Social Psychology, 146*(6), 733–750.
- Duckitt, J., & Farre, B. A. (1994). Right-wing authoritarianism and political intolerance among whites in the future majority-rule South Africa. *The Journal of Social Psychology, 134*(6), 735–741.
- Duckitt, J., Wagner, C., du Plessis, I., & Birum, I. (2002). The psychological bases of ideology and prejudice: testing a dual process model. *Journal of Personality and Social Psychology, 83*(1), 75–93.
- Feather, N. T. (1998). Reactions to penalties for offenses committed by the police and public citizens: testing a social-cognitive process model of retributive justice. *Journal of Personality and Social Psychology, 75*(2), 528–544.
- Federico, C. M., Hunt, C. V., & Ergun, D. (2009). Political expertise, social worldviews, and ideology: translating “competitive jungles” and “dangerous worlds” into ideological reality. *Social Justice Research, 22*(2), 259–279.
- Goertzel, T. G. (1989). Authoritarianism and social change in the Soviet Union. *The Journal of Social Psychology, 129*(5), 703–705.
- Haley, H., & Sidanius, J. (2006). The positive and negative framing of affirmative action: a group dominance perspective. *Personality and Social Psychology Bulletin, 32*(5), 656–668.
- Hodson, G., & Esses, V. M. (2005). Lay perceptions of ethnic prejudice: causes, solutions, and individual differences. *European Journal of Social Psychology, 35*(3), 291–312.

- Hodson, G., Rush, J., & MacInnis, C. C. (2010). A joke is just a joke (except when it isn't): cavalier humor beliefs facilitate the expression of group dominance motives. *Journal of Personality and Social Psychology, 99*(4), 660–682.
- Jugert, P., & Duckitt, J. (2009). A motivational model of authoritarianism: integrating personal and situational determinants. *Political Psychology, 30*(5), 693–719.
- Kaiser, C. R., & Pratt-Hyatt, J. S. (2009). Distributing prejudice unequally: do Whites direct their prejudice toward strongly identified minorities? *Journal of Personality and Social Psychology, 96*(2), 432–445.
- Krauss, S. W. (2002). Romanian authoritarianism 10 years after communism. *Personality and Social Psychology Bulletin, 28*(9), 1255–1264.
- Lalonde, R. N., Giguere, B., Fontaine, M., & Smith, A. (2007). Social dominance orientation and ideological asymmetry in relation to interracial dating and transracial adoption in Canada. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 38*(5), 559–572.
- Lehmiller, J. J., & Schmitt, M. T. (2007). Group domination and inequality in context: evidence for the unstable meanings of social dominance and authoritarianism. *European Journal of Social Psychology, 37*(6), 704–724.
- McFarland, S. G. (2005). On the eye of war: authoritarianism, social dominance, and American students' attitudes toward attacking Iraq. *Personality and Social Psychology Bulletin, 31*(3), 360–367.
- McFarland, S. G., Ageyev, V. S., & Abalakina-Papp, M. A. (1992). Authoritarianism in the former Soviet Union. *Journal of Personality and Social Psychology, 63*(6), 1004–1010.
- McHoskey, J. W. (1996). Authoritarianism and ethical ideology. *The Journal of Social Psychology, 136*(6), 709–717.
- McHoskey, J. W. (1995). Case closed? On the John F. Kennedy assassination: biased assimilation of evidence and attitude polarization. *Basic and Applied Social Psychology, 17*(3), 395–409.
- Na, E.-Y., & Loftus, E. F. (1998). Conservative authoritarianism, attribution and internal – external locus of control. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 29*, 595–615.
- Oldmeadow, J., & Fiske, S. T. (2007). System-justifying ideologies moderate status = competence stereotypes: Roles for belief in a just world and social dominance orientation. *European Journal of Social Psychology, 37*(8), 1135–1148.
- Ommundsen, R., & Larsen, K. S. (1997). Attitudes toward illegal aliens: the reliability and validity of a Likert-Type Scale. *The Journal of Social Psychology, 137*(5), 665–667.
- Pek, J. C. X., & Leong, F. T. L. (2003). Sex-related self-concepts, cognitive styles and cultural values of traditionality-modernity as predictors of general and domain-specific sexism. *Asian Journal of Social Psychology, 6*(1), 31–49.
- Pena, Y., & Sidanius, J. (2002). U.S. patriotism and ideologies of group dominance: a tale of asymmetry. *The Journal of Social Psychology, 142*(6), 782–790.
- Perry, R., & Sibley, C. G. (2011). Social dominance orientation. Mapping a baseline individual difference component across self-categorizations. *Journal of Individual Differences, 32*(2), 110–116.
- Peterson, B. E., Doty, R. M., & Winter, D. G. (1993). Authoritarianism and attitudes toward contemporary social issues. *Personality and Social Psychology Bulletin, 19*(2), 174–184.
- Peterson, B. E., Smirles, K. A., & Wentworth, P. A. (1997). Generativity and authoritarianism: implications for personality, political involvement, and parenting. *Journal of Personality and Social Psychology, 72*(5), 1202–1216.
- Pratto, F., Sidanius, J., & Levin, S. (2006). Social dominance theory and the dynamics of intergroup relations: Taking stock and looking forward. *European Review of Social Psychology, 17*, 271–320.

- Raney, A. A. (2004). Expanding disposition theory: reconsidering character liking, moral evaluations and enjoyment. *Communication Theory*, 14(4), 348–369.
- Roets, A., Van Hiel, A., & Cornelis, L. (2006). Does materialism predict racism? Materialism as a distinctive social attitude and a predictor of prejudice. *European Journal of Personality*, 20, 155–168.
- Rowatt, W. C., Franklin, L. M., & Cotton, M. (2005). Patterns and personality correlates of implicit and explicit attitudes toward Christians and Muslims. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 44(1), 29–43.
- Schaller, M., Park, J. H., & Mueller, A. (2003). Fear of the dark: interactive effects of beliefs about danger and ambient darkness on ethnic stereotypes. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 29(5), 637–649.
- Sibley, C. G., Wilson, M. S., & Robertson, A. (2007). Differentiating the motivations and justifications underlying individual differences in Pakeha opposition to bicultural policy: replication and extension of a predictive model. *New Zealand Journal of Psychology*, 36(1), 25–33.
- Sidanius, J., Mitchell, M., Haley, H., & Navarrete, C. D. (2006). Support for harsh criminal sanctions and criminal justice beliefs: a social dominance perspective. *Social Justice Research*, 19(4), 433–449.
- Stones, C. R. (2006). Antigay prejudice among heterosexual males. *Social Behavior and Personality*, 34(9), 1137–1150.
- Tam, K.-P., Leung, A. K.-Y., & Chiu, C.-Y. (2008). On being a mindful authoritarian: is need for cognition always associated with less punitiveness? *Political Psychology*, 29(1), 77–91.
- Tee, N., & Hegarty, P. (2006). Predicting opposition to the civil rights of trans persons in the United Kingdom. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 16(1), 70–80.
- Umpress, E. E., Smith-Crowe, K., Brief, A.P., Dietz, J., & Watkins, M. B. (2007). When birds of a feather flock together and when they do not: status composition, social dominance orientation, and organizational attractiveness. *Journal of Applied Psychology*, 92(2), 396–409.
- Van Hiel, A., Cornelis, I., & Roets, A. (2007). The intervening role of social worldviews in the relationship between the five-factor model of personality and social attitudes. *European Journal of Personality*, 21(2), 131–148.
- Van Ijzendoorn, M. H. (1989). Moral judgment, authoritarianism, and ethnocentrism. *The Journal of Social Psychology*, 129(1), 37–45.
- Walker, W. D., Rowe, R. C., & Quinsey, V. L. (1993). Authoritarianism and sexual aggression. *Journal of Personality and Social Psychology*, 65(5), 1036–1045.
- Weber, C., & Federico, C. M. (2007). Interpersonal attachment and patterns of ideological belief. *Political Psychology*, 28(4), 389–416.
- Wilson, M. S. (2003). Social dominance and ethical ideology the end justifies the means? *The Journal of Social Psychology*, 143(5), 549–558.

Приложение 1

Шкала веры в опасный мир

Подумайте о мире, в котором мы живем. Оцените, насколько вы согласны со следующими утверждениями.

		Абсолютно не согласен	Скорее не согласен, чем согласен	Не уверен	Скорее согласен, чем не согласен	Абсолютно согласен
1	Наш мир – это безопасное и предсказуемое место, и большинство людей не причиняют окружающим зла	1 <input type="checkbox"/>	2 <input type="checkbox"/>	3 <input type="checkbox"/>	4 <input type="checkbox"/>	5 <input type="checkbox"/>
2	С каждым годом становится все меньше порядочных и все больше безнравственных людей, создающих угрозу для окружающих	1 <input type="checkbox"/>	2 <input type="checkbox"/>	3 <input type="checkbox"/>	4 <input type="checkbox"/>	5 <input type="checkbox"/>
3	Каждая эпоха порождает свои проблемы. Однако сегодня шансы человека на спокойную и безопасную жизнь выше, чем когда-либо раньше	1 <input type="checkbox"/>	2 <input type="checkbox"/>	3 <input type="checkbox"/>	4 <input type="checkbox"/>	5 <input type="checkbox"/>
4	Наш мир – опасное и непредсказуемое место, в котором ценности и образ жизни порядочных людей находятся под угрозой	1 <input type="checkbox"/>	2 <input type="checkbox"/>	3 <input type="checkbox"/>	4 <input type="checkbox"/>	5 <input type="checkbox"/>
5	Все говорит о том, что наша жизнь в любой момент может превратиться в хаос	1 <input type="checkbox"/>	2 <input type="checkbox"/>	3 <input type="checkbox"/>	4 <input type="checkbox"/>	5 <input type="checkbox"/>
6	Если человек будет вести себя разумно, с ним не случится ничего плохого. Мы живем в безопасном мире	1 <input type="checkbox"/>	2 <input type="checkbox"/>	3 <input type="checkbox"/>	4 <input type="checkbox"/>	5 <input type="checkbox"/>
7	В нашем обществе появилось много жестоких и опасных людей, которые нападают на окружающих без видимых причин	1 <input type="checkbox"/>	2 <input type="checkbox"/>	3 <input type="checkbox"/>	4 <input type="checkbox"/>	5 <input type="checkbox"/>
8	Опасения, что в нашем обществе очень много безнравственных людей, стремящихся причинить вред порядочным гражданам, сильно преувеличены	1 <input type="checkbox"/>	2 <input type="checkbox"/>	3 <input type="checkbox"/>	4 <input type="checkbox"/>	5 <input type="checkbox"/>
9	Люди, думающие что землетрясения, войны и голод означают конец света, не правы. Конец света еще далек	1 <input type="checkbox"/>	2 <input type="checkbox"/>	3 <input type="checkbox"/>	4 <input type="checkbox"/>	5 <input type="checkbox"/>
10	Вероятность стать жертвой нападения, ограбления или убийства постоянно увеличивается	1 <input type="checkbox"/>	2 <input type="checkbox"/>	3 <input type="checkbox"/>	4 <input type="checkbox"/>	5 <input type="checkbox"/>
11	Если общество будет разлагаться с такой скоростью, как сейчас, оно развалится, подобно гнилому дереву, и наша жизнь обратится в хаос	1 <input type="checkbox"/>	2 <input type="checkbox"/>	3 <input type="checkbox"/>	4 <input type="checkbox"/>	5 <input type="checkbox"/>
12	Уровень преступности сегодня не выше, чем был раньше	1 <input type="checkbox"/>	2 <input type="checkbox"/>	3 <input type="checkbox"/>	4 <input type="checkbox"/>	5 <input type="checkbox"/>

Прямые утверждения – 2, 4, 5, 7, 10, 11; обратные утверждения – 1, 3, 6, 8, 9, 12.

Приложение 2

Шкала веры в конкурентный мир: короткая версия

Подумайте о том, как разные люди взаимодействуют друг с другом. Оцените, насколько вы согласны со следующими утверждениями.

		Абсолютно не согласен	Скорее не согласен, чем согласен	Не уверен	Скорее согласен, чем не согласен	Абсолютно согласен
1	Лучший способ повести за собой группу – помочь ее членам решить свои проблемы, отнестись к ним как к соратникам, а не как к подчиненным	1 <input type="checkbox"/>	2 <input type="checkbox"/>	3 <input type="checkbox"/>	4 <input type="checkbox"/>	5 <input type="checkbox"/>
2	Человек, обладающий преимуществом в ситуации, должен использовать его любым способом, чтобы добиться своего	1 <input type="checkbox"/>	2 <input type="checkbox"/>	3 <input type="checkbox"/>	4 <input type="checkbox"/>	5 <input type="checkbox"/>
3	Нужно быть холодным и мстительным, если это необходимо для достижения поставленной цели	1 <input type="checkbox"/>	2 <input type="checkbox"/>	3 <input type="checkbox"/>	4 <input type="checkbox"/>	5 <input type="checkbox"/>
4	Лучше вызывать у окружающих симпатию, чем страх	1 <input type="checkbox"/>	2 <input type="checkbox"/>	3 <input type="checkbox"/>	4 <input type="checkbox"/>	5 <input type="checkbox"/>
5	Быть честным в отношениях с другими гораздо важнее, чем обладать деньгами или властью	1 <input type="checkbox"/>	2 <input type="checkbox"/>	3 <input type="checkbox"/>	4 <input type="checkbox"/>	5 <input type="checkbox"/>
6	В этом мире, где все выступают против всех, иногда нужно быть безжалостным	1 <input type="checkbox"/>	2 <input type="checkbox"/>	3 <input type="checkbox"/>	4 <input type="checkbox"/>	5 <input type="checkbox"/>
7	Поскольку большинство людей хотят вас обмануть, вы должны обмануть их первыми. Тогда у вас будет шанс добиться успеха	1 <input type="checkbox"/>	2 <input type="checkbox"/>	3 <input type="checkbox"/>	4 <input type="checkbox"/>	5 <input type="checkbox"/>
8	Честность – лучшая политика в любой ситуации	1 <input type="checkbox"/>	2 <input type="checkbox"/>	3 <input type="checkbox"/>	4 <input type="checkbox"/>	5 <input type="checkbox"/>
9	Один из самых полезных навыков, который человек должен в себе развивать, – это умение смотреть собеседнику прямо в глаза и говорить неправду	1 <input type="checkbox"/>	2 <input type="checkbox"/>	3 <input type="checkbox"/>	4 <input type="checkbox"/>	5 <input type="checkbox"/>
10	Люди – это объекты, которыми можно манипулировать ради собственной выгоды	1 <input type="checkbox"/>	2 <input type="checkbox"/>	3 <input type="checkbox"/>	4 <input type="checkbox"/>	5 <input type="checkbox"/>
11	Следует относиться к людям с презумпцией невиновности. Большинство людей достойны доверия	1 <input type="checkbox"/>	2 <input type="checkbox"/>	3 <input type="checkbox"/>	4 <input type="checkbox"/>	5 <input type="checkbox"/>
12	Мы можем построить общество, основанное на кооперации, доброте и взаимопомощи, а не на конкуренции и жажде наживы	1 <input type="checkbox"/>	2 <input type="checkbox"/>	3 <input type="checkbox"/>	4 <input type="checkbox"/>	5 <input type="checkbox"/>

Прямые утверждения – 2, 3, 6, 7, 9, 10; обратные утверждения – 1, 4, 5, 8, 11, 12.

Social Beliefs: Adaptation of J. Duckitt's Scales

Olga A. Gulevich

Associate Professor, HSE*

E-mail: ogulevich@hse.ru

Olga A. Anikeenok

Associate Professor, Russian State University of Trade and Economics, Kazan Institute **

E-mail: Anikeenok_olga@mail.ru

Irina K. Bezmenova

Russian State University for the Humanities***

E-mail: bezmenova@hotmail.com

Address: * 20 Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation, 101000

** 25/22 Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation, 420111

*** 6 Miusskaya squ., Moscow, Russian Federation, 125993

Abstract

Social beliefs are notions about the nature of other people, their behavior, and the way one should respond to their actions. Social beliefs include beliefs in dangerous world (a view of society as chaotic, unpredictable, and aggressive) and jungle world (a view of other people as lying and manipulative agents trying to “win against” one). This paper presents the results of a study that aimed to check the structural validity of Russian versions of two scales by J. Duckitt, measuring beliefs in dangerous and jungle world. The participants were students of universities from Moscow and Kazan region, as well as employees of commercial organizations (N = 1938, mean age 20.2). The respondents completed a 12-item Russian version of dangerous world belief scale and a 20-item Russian version of jungle world belief scale. Exploratory and confirmatory factor analysis were used to investigate the structure. For the dangerous world belief scale, a second-order factor model (with two first-order factors) for the full questionnaire showed the best fit. For the jungle world beliefs scale, a second-order factor model (also with two first-order factors) was developed for a subset of 12 items. The authors discuss the compatibility of social beliefs scales with Russian cultural context.

Keywords: dangerous world belief, jungle world belief, authoritarianism, social domination orientation, ethnic prejudice.

References

- Altemeyer, B. (1988). *Enemies of Freedom. Understanding Right-Wing Authoritarianism*. Mississauga: Jossey-Bass.
- Altemeyer, B. (1996). *The authoritarian specter*. Harvard University Press.
- Bassett, J. F. (2010). The effects of mortality salience and social dominance orientation on attitudes toward illegal immigrants. *Social Psychology, 41*(1), 52–55.
- Bagany, J. J., & Milburn, M. A. (2002). Psychological predictors of sexual harassment: authoritarianism, hostile sexism, and rape myths. *Psychology of Men and Masculinity, 3*(2), 119–126.

- Brown, T. A. (2006). *Confirmatory factor analysis for applied research*. N.Y.: The Guilford Press.
- Byrne, B. (2012). *Structural equation modeling with Mplus*. New York: Routledge.
- Cohn, E. S., & Modecki, K. L. (2007). Gender differences in predicting delinquent behavior: do individual differences matter? *Social Behavior and Personality, 35*(3), 359–374.
- Costello, K., & Hodson, G. (2011). Social dominance-based threat reactions to immigrants in need of assistance. *European Journal of Social Psychology, 41*(2), 220–231.
- Crowson, H. M., & Debacker, T. K. (2008). Belief, motivational, and ideological correlates of human rights attitudes. *The Journal of Social Psychology, 148*(3), 293–310.
- Crowson, H. M., Debacker, T. K., & Thoma, S. J. (2006). The role of authoritarianism, perceived threat, and need for closure or structure in predicting post-9/11 attitudes and beliefs. *The Journal of Social Psychology, 146*(6), 733–750.
- Duckitt, J., & Farre, B. A. (1994). Right-wing authoritarianism and political intolerance among whites in the future majority-rule South Africa. *The Journal of Social Psychology, 134*(6), 735–741.
- Duckitt, J., Wagner, C., du Plessis, I., & Birum, I. (2002). The psychological bases of ideology and prejudice: testing a dual process model. *Journal of Personality and Social Psychology, 83*(1), 75–93.
- Feather, N. T. (1998). Reactions to penalties for offenses committed by the police and public citizens: testing a social-cognitive process model of retributive justice. *Journal of Personality and Social Psychology, 75*(2), 528–544.
- Federico, C. M., Hunt, C. V., & Ergun, D. (2009). Political expertise, social worldviews, and ideology: translating “competitive jungles” and “dangerous worlds” into ideological reality. *Social Justice Research, 22*(2), 259–279.
- Goertzel, T. G. (1989). Authoritarianism and social change in the Soviet Union. *The Journal of Social Psychology, 129*(5), 703–705.
- Haley, H., & Sidanius, J. (2006). The positive and negative framing of affirmative action: a group dominance perspective. *Personality and Social Psychology Bulletin, 32*(5), 656–668.
- Hodson, G., & Esses, V. M. (2005). Lay perceptions of ethnic prejudice: causes, solutions, and individual differences. *European Journal of Social Psychology, 35*(3), 291–312.
- Hodson, G., Rush, J., & MacInnis, C. C. (2010). A joke is just a joke (except when it isn't): cavalier humor beliefs facilitate the expression of group dominance motives. *Journal of Personality and Social Psychology, 99*(4), 660–682.
- Jugert, P., & Duckitt, J. (2009). A motivational model of authoritarianism: integrating personal and situational determinants. *Political Psychology, 30*(5), 693–719.
- Kaiser, C. R., & Pratt-Hyatt, J. S. (2009). Distributing prejudice unequally: do Whites direct their prejudice toward strongly identified minorities? *Journal of Personality and Social Psychology, 96*(2), 432–445.
- Krauss, S. W. (2002). Romanian authoritarianism 10 years after communism. *Personality and Social Psychology Bulletin, 28*(9), 1255–1264.
- Lalonde, R. N., Giguere, B., Fontaine, M., & Smith, A. (2007). Social dominance orientation and ideological asymmetry in relation to interracial dating and transracial adoption in Canada. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 38*(5), 559–572.
- Lehmiller, J. J., & Schmitt, M. T. (2007). Group domination and inequality in context: evidence for the unstable meanings of social dominance and authoritarianism. *European Journal of Social Psychology, 37*(6), 704–724.
- McFarland, S. G. (2005). On the eye of war: authoritarianism, social dominance, and American students' attitudes toward attacking Iraq. *Personality and Social Psychology Bulletin, 31*(3), 360–367.

- McFarland, S. G., Ageyev, V. S., & Abalakina-Papp, M. A. (1992). Authoritarianism in the former Soviet Union. *Journal of Personality and Social Psychology*, *63*(6), 1004–1010.
- McHoskey, J. W. (1996). Authoritarianism and ethical ideology. *The Journal of Social Psychology*, *136*(6), 709–717.
- McHoskey, J. W. (1995). Case closed? On the John F. Kennedy assassination: biased assimilation of evidence and attitude polarization. *Basic and Applied Social Psychology*, *17*(3), 395–409.
- Na, E.-Y., & Loftus, E. F. (1998). Conservative authoritarianism, attribution and internal – external locus of control. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, *29*, 595–615.
- Oldmeadow, J., & Fiske, S. T. (2007). System-justifying ideologies moderate status = competence stereotypes: Roles for belief in a just world and social dominance orientation. *European Journal of Social Psychology*, *37*(8), 1135–1148.
- Ommundsen, R., & Larsen, K. S. (1997). Attitudes toward illegal aliens: the reliability and validity of a Likert-Type Scale. *The Journal of Social Psychology*, *137*(5), 665–667.
- Pek, J. C. X., & Leong, F. T. L. (2003). Sex-related self-concepts, cognitive styles and cultural values of traditionality-modernity as predictors of general and domain-specific sexism. *Asian Journal of Social Psychology*, *6*(1), 31–49.
- Pena, Y., & Sidanius, J. (2002). U.S. patriotism and ideologies of group dominance: a tale of asymmetry. *The Journal of Social Psychology*, *142*(6), 782–790.
- Perry, R., & Sibley, C. G. (2011). Social dominance orientation. Mapping a baseline individual difference component across self-categorizations. *Journal of Individual Differences*, *32*(2), 110–116.
- Peterson, B. E., Doty, R. M., & Winter, D. G. (1993). Authoritarianism and attitudes toward contemporary social issues. *Personality and Social Psychology Bulletin*, *19*(2), 174–184.
- Peterson, B. E., Smirles, K. A., & Wentworth, P. A. (1997). Generativity and authoritarianism: implications for personality, political involvement, and parenting. *Journal of Personality and Social Psychology*, *72*(5), 1202–1216.
- Pratto, F., Sidanius, J., & Levin, S. (2006). Social dominance theory and the dynamics of intergroup relations: Taking stock and looking forward. *European Review of Social Psychology*, *17*, 271–320.
- Raney, A. A. (2004). Expanding disposition theory: reconsidering character liking, moral evaluations and enjoyment. *Communication Theory*, *14*(4), 348–369.
- Roets, A., Van Hiel, A., & Cornelis, L. (2006). Does materialism predict racism? Materialism as a distinctive social attitude and a predictor of prejudice. *European Journal of Personality*, *20*, 155–168.
- Rowatt, W. C., Franklin, L. M., & Cotton, M. (2005). Patterns and personality correlates of implicit and explicit attitudes toward Christians and Muslims. *Journal for the Scientific Study of Religion*, *44*(1), 29–43.
- Schaller, M., Park, J. H., & Mueller, A. (2003). Fear of the dark: interactive effects of beliefs about danger and ambient darkness on ethnic stereotypes. *Personality and Social Psychology Bulletin*, *29*(5), 637–649.
- Sibley, C. G., Wilson, M. S., & Robertson, A. (2007). Differentiating the motivations and justifications underlying individual differences in Pakeha opposition to bicultural policy: replication and extension of a predictive model. *New Zealand Journal of Psychology*, *36*(1), 25–33.
- Sidanius, J., Mitchell, M., Haley, H., & Navarrete, C. D. (2006). Support for harsh criminal sanctions and criminal justice beliefs: a social dominance perspective. *Social Justice Research*, *19*(4), 433–449.
- Stones, C. R. (2006). Antigay prejudice among heterosexual males. *Social Behavior and Personality*, *34*(9), 1137–1150.

-
- Tam, K.-P., Leung, A. K.-Y., & Chiu, C.-Y. (2008). On being a mindful authoritarian: is need for cognition always associated with less punitiveness? *Political Psychology, 29*(1), 77–91.
- Tee, N., & Hegarty, P. (2006). Predicting opposition to the civil rights of trans persons in the United Kingdom. *Journal of Community and Applied Social Psychology, 16*(1), 70–80.
- Umpress, E. E., Smith-Crowe, K., Brief, A. P., Dietz, J., & Watkins, M. B. (2007). When birds of a feather flock together and when they do not: status composition, social dominance orientation, and organizational attractiveness. *Journal of Applied Psychology, 92*(2), 396–409.
- Van Hiel, A., Cornelis, I., & Roets, A. (2007). The intervening role of social worldviews in the relationship between the five-factor model of personality and social attitudes. *European Journal of Personality, 21*(2), 131–148.
- Van Ijzendoorn, M. H. (1989). Moral judgment, authoritarianism, and ethnocentrism. *The Journal of Social Psychology, 129*(1), 37–45.
- Walker, W. D., Rowe, R. C., & Quinsey, V. L. (1993). Authoritarianism and sexual aggression. *Journal of Personality and Social Psychology, 65*(5), 1036–1045.
- Weber, C., & Federico, C. M. (2007). Interpersonal attachment and patterns of ideological belief. *Political Psychology, 28*(4), 389–416.
- Wilson, M.S. (2003). Social dominance and ethical ideology the end justifies the means? *The Journal of Social Psychology, 143*(5), 549–558.

ПСИХОЛОГИЯ И ГЕРМЕНЕВТИКА: ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНИМАНИЯ В МАТЕМАТИЧЕСКИХ СХЕМАХ И МОДЕЛЯХ

Н.К. РАДИНА, А.В. ПОРШНЕВ



Радина Надежда Константиновна — профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ — Нижний Новгород, доктор политических наук, кандидат психологических наук.

Контакты: rasv@yandex.ru, nradina@hse.ru



Поршнев Александр Валерьевич — доцент кафедры общего и стратегического менеджмента НИУ ВШЭ — Нижний Новгород, кандидат психологических наук.

Контакты: aporshnev@hse.ru

Резюме

В статье обсуждается обращение к герменевтике и герменевтическому анализу в российской социогуманитаристике и в частности в психологии. Описаны некоторые закономерности понимания текстов на основе интеграции качественного подхода, представленного герменевтическим анализом, и количественного, представленного методами математической обработки категориальных данных. При анализе результатов эмпирического исследования было использовано определение понимания как «набрасывания смыслов» (М. Хайдеггер), а также определение понимания как структуры коммуникации, задающей интересубъективную значимость познания (Ю. Хабермас). Художественный поэтический, художественный прозаический и научный исторический тексты о Бородинском сражении группой респондентов-читателей были сегментированы и категоризованы на основе индивидуального понимания. Далее группа экспертов классифицировала категории из текста. По результатам классификации тексты были перекодированы, для каждого текста реконструировалась категориальная матрица его интерпретации. В ходе количественного анализа для анализа согласованности

Работа первого автора статьи поддержана индивидуальным грантом Научного фонда НИУ ВШЭ, проект №12-01-0203 (2013–2014).

был использован К-критерий, основанный на каппа-статистике. Для поиска последовательностей интерпретаций применялись ассоциативные правила. Герменевтический анализ интерпретации текстов с опорой на математические методы показал, что понимание текста личностью относительно уникально, степень согласованности понимания «культурных текстов» зависит не столько от обучения («образованности»), сколько от опыта коммуникации. На основе проведенного анализа интерпретаций с применением математического аппарата было выявлено, что поэтический текст прочитывается читателями более согласованно, а научный – более логичен в последовательности его интерпретаций. Был также идентифицирован и описан феномен поглощения исторических событий «личной историей» героя в том случае, если речь идет о понимании исторической художественной прозы.

Авторы считают, что комплексный герменевтический анализ, представленный в русле интеграции качественных и количественных методов, может быть востребован в современной психологии для изучения персональной идентичности, ценностей, переживаний и т.д.

Ключевые слова: герменевтика, герменевтический анализ, интерпретация, каппа-статистика, ассоциативные правила.

В настоящее время в науке происходит необычное движение «гуманитарного знания». С одной стороны, представители естественных наук признают роль истории и культуры в осмыслении «объективного мира», а также в построении научных теорий, объясняющих природную реальность («гуманитарное знание» перемещается в «естественнонаучное поле») (Heelan, 1998; Хабермас, 2003, 2007; и др.). В то же время в социальных науках, например, в российской психологии, для изучения «жизненных миров», смыслов и других «гуманитарных феноменов» создается стандартизированный количественный психодиагностический инструмент, поддерживающий привычные схемы «естественнонаучного знания» («гуманитарное знание» отстает перед потребностями исследователей «измерить экзистенциальное») (Леонтьев, 2010).

При этом в тени остаются вопросы релевантности теоретических и методологических оснований, в русле которых формулируются экзистенциальные проблемы, изучаемые

психологами (чаще всего из феноменологической или экзистенциальной перспективы), и жестких позитивистских процедур психодиагностики, реализованной в опросниках и тестах, претендующих на изучение «миров и смыслов» личности.

Выход из данного положения мы видим в более активном освоении российскими психологами качественных методов (Радина, 2009; Радина, Павлычева, 2010), в детальной проработке процедур и методик, которые создавались бы в русле качественного подхода (Carlson, Hadjikhani, 1992; Sodre, 2004; Улановский, 2006, 2009; и др.). Мы полагаем, интеграция качественного и количественного подходов на заключительных этапах исследования возможна и даже неизбежна благодаря новым стратегиям и приемам в математической обработке «нестандартного материала», как правило, полученного в виде текста на основе практики качественных методов.

Справочники и учебники для исследователей в социальных науках, описывающие качественные

методы, рекомендуют герменевтику как удобную методологическую рамку для качественного исследования и описывают методики и техники обработки результатов в русле герменевтического анализа (Oevermann, 1993; Titscher, 2003; Страусс, Корбин, 2008; Семенова, 2008; и др.).

В данной статье мы представляем результаты эмпирического исследования понимания, выполненного в русле герменевтического подхода, в непривычной форме числовых таблиц, математических моделей, тем самым проблематизируя возможность интеграции качественных и количественных методов в области «практической герменевтики», а также союз качественного и количественного подходов как необходимость для развития постнеклассической психологии (Гусельцева, 2001; Леонтьев, 2005; и др.).

Об истории герменевтики и герменевтического анализа

Ц. Тодоров представлял герменевтику в структуре «западной семиотики» наряду с семантикой, логикой и риторикой (Тодоров, 1998). Однако герменевтика, обладающая особым научным статусом «метанауки» (Radford, 1991; Бетти, 2011; и др.), имеет собственную весьма продолжительную историю.

Поверхностный взгляд на историю герменевтики позволяет определять ее исключительно посредством понимания и толкования текста, а ее явление связывать с именем В. Дильтея (поскольку тот провозгласил герменевтику методологией гуманитарных наук) или с толкованием Библии (экзегезис). Тем не менее в действи-

тельности исторические корни герменевтики лежат в многовековой практике устного толкования.

Первые толкователи «знаков» и сновидений путешественников считали своим покровителем Гермеса. Толкователей Гомера также называли герменевтиками, а само толкование носило, по большей части, аллегорический характер (Шульга, 2002).

Поэты — истолкователи богов, утверждал Платон, очерчивая тем самым область «агентов» античной герменевтики. Уже античный истолкователь стремился понимать автора лучше, чем он сам понимал себя, предвосхищая постмодернистское замечание Р. Барта о «смерти автора». Для реализации целей герменевтики — выявления внутренних механизмов познания, соответствующих структуре знания и смысла, учитывались роль культурного контекста, значение ряда универсалий, формулировались правила и приемы интерпретаций.

Распространение христианского вероучения активизировало потребность в объяснении и истолковании религиозных текстов. Поскольку священный характер Библии требовал дополнительных правил истолкования, не приложимых к мирским документам, появилась библейская герменевтика — экзегезис (Слесинский, 2001; Шульга, 2002; и др.).

В XI в. на основе изучения и толкования свода Римского права в Болонской юридической школе рождается юридическая герменевтика, опирающаяся на схоластический метод и диалектику (искусство примирения противоречий) (Шульга, 2002). В XVIII в. И.М. Хладениус

применяет герменевтический подход к историческим текстам, в конце XVIII — начале XIX в. возникают филологическая герменевтика (Ф. Аст, А. Бёк, В. Гумбольдт, Ф. Шлейермахер) и психологическая герменевтика (Ф. Шлейермахер) (Кузнецов, 2002). Благодаря трудам Ф. Шлейермахера был проблематизирован герменевтический метод как особая техника понимания, а также принято понятие «герменевтический круг» — принцип понимания текста, основанный на диалектике части и целого (Шлейермахер, 2004).

В психологических исследованиях термин «герменевтика» прочно ассоциируется с именем В. Дильтея, немецкого профессора, который, находясь в числе попечителей архива Ф. Шлейермахера, осознал вклад предшественника в развитие методологии гуманитарных наук, о чем и сообщил миру в изложении биографии Ф. Шлейермахера и далее — в собственных научных трудах «Введение в науки о духе. Критика исторического разума» (1883), «Описательная психология» (1894), «Возникновение герменевтики» (1900) и др. (Кузнецов, 2002).

В. Дильтей настаивал на том, что понимание — не просто «процедура мысли», поскольку транспозиция, подражание, сопереживание — техники переживания — явно указывают на цельность душевной жизни, проявляющуюся в этом процессе. В. Дильтей предлагает в качестве ключевого психологического инструмента использовать именно герменевтику (не интроспекцию) — как науку и искусство интерпретации «гуманитарного» (воспоминания, автобиографию и т.д.) (Дильтей,

1996). В современных интерпретациях благодаря работам В. Дильтея была сформулирована связь ряда философских направлений (герменевтика, феноменология и т.д.), представляющих общефилософский методологический уровень, и гуманитарной парадигмы (общенаучный методологический уровень) в психологии (Дружинин, 1997).

Среди ярких, возможно, менее известных исследователей герменевтики следует упомянуть и российских ученых, а именно Г.Г. Шпета, участника психологического семинара и Московского лингвистического кружка Г.И. Челпанова, в 1921 г. отстраненного от преподавания в Московском университете и расстрелянного в Томске 16 ноября 1937 г. (Кузнецов, 2002). Г.Г. Шпет был одним из первых философов, кто интегрировал идеи герменевтики и феноменологии Э. Гуссерля, лекции которого слушал и кого считал учителем. В герменевтике Г.Г. Шпета язык имеет независимое внешнее бытие, оказывает давление на человека, а фундаментальным становится понятие «языковое сознание», которое возможно «расшифровать» благодаря герменевтическим техникам и методикам.

У другого, более известного ученика Э. Гуссерля — М. Хайдеггера, интегрирующего идеи феноменологии и герменевтики, судьба сложилась иначе. Характеризуя развитие герменевтических идей, М. Хайдеггера называют среди ключевых фигур, «перевернувших» традиционную герменевтику (Кузнецов, 2002; Шульга, 2002 и др.). Если Ф. Шлейермахер, описав «герменевтический круг», сформулировал линию герме-

невтического анализа «от интерпретации к пониманию», то М. Хайдеггер «переворачивает» герменевтическую логику, утверждая первичность понимания («набрасывания смыслов») (Слесинский, 2001).

По М. Хайдеггеру, предструктура понимания (опыт истолкования, данный в языке), ограничивающая нас, должна быть разрушена, а сознание — освобождено, поэтому, встречаясь с миром, следует вновь и вновь «набрасывать» смыслы на события, явления, тексты, как бы заново «тестируя», проверяя их: интерпретации лишь следуют за пониманием. По М. Хайдеггеру, важно не избежать «герменевтического круга», а войти в него подобающим образом (Хайдеггер, 1993). В герменевтике М. Хайдеггера снимается противопоставление субъекта и объекта истолкования, поскольку предельно проблематизируется активность субъекта познания. Так, не история относится к нам, пояснял Х.Г. Гадамер, продолжающий герменевтику фактичности М. Хайдеггера, а мы относимся к истории: это мы понимаем себя в семье, обществе, государстве (Гадамер, 1988).

Герменевтика П. Рикера, одного из известных современников, которого относят к «консервативному крылу» герменевтов, ставит своей целью выяснение глубинного значения путем демифологизации (восстановление скрытых значений символов) и демистификации (разрушение символов сознания путем демонстрации того, что они представляют ложную реальность) (Рикер, 2008).

А вот «критическая герменевтика» другого современника — Ю. Ха-

бермаса — вновь претендует на революционность и «герменевтический переворот», утверждая значимость «предсознания» и «предрассудков» в познании реальности. Так, определяя мир посредством языковой коммуникации, Ю. Хабермас различает два модуса языкового употребления: коммуникативный (понимание как важнейшее условие коммуникации) и когнитивный (объективирующая установка естественнонаучного познания).

В процессе познания, согласно коммуникативной герменевтике Ю. Хабермаса, на место структур трансцендентального сознания, обеспечивающих получение достоверного знания, помещаются структуры коммуникации, задающие intersubjectивную значимость познания (Шульга, 2002). Нет нужды «набрасывать» смыслы, постигая реальность, когда в сети коммуникаций субъекта «герменевтического толкования» предложено все необходимое для построения «картины мира».

В кратком описании развития герменевтических идей и дискуссий, представляется важным подчеркнуть наличие множественности трактовок, с одной стороны, в понимании герменевтики, с другой стороны — в существовании определенных традиций в изложении герменевтических концепций и идей.

Герменевтика как методология современных социальных и гуманитарных исследований в России

В современной российской социогуманитаристике герменевтическая проблематика очевидно находится

на «переднем крае» научного познания: в последнее десятилетие были защищены интересные и неожиданные по своей формулировке проблемы исследования в формате диссертации (кандидатской или докторской).

Ожидаемо герменевтические исследования развиваются в области богословия и библейской герменевтики (Соколов, 2012 и др.). В «философском секторе» выполнено наибольшее число герменевтических исследований, посвященных биографиям и детализации идей классиков герменевтики (Борисенкова, 2011 и др.), сравнительному анализу различных герменевтических позиций и идей (Источникова, 2007 и др.), компаративистскому культурно-центрированному анализу герменевтических философских идей (Сретенская, 2012; и др.), включая языковое посредничество (Копылов, 2006 и др.) и аспекты семиотического анализа (Шаев, 2009; и др.).

Любопытно, что некоторые работы представлены очевидно в междисциплинарном контексте, а философская «направляющая» задается именно герменевтическим анализом, как, например, в случае с работой, посвященной межличностной коммуникации (Болдонова, 2009) или сравнительному анализу коммуникативных моделей, выработанных в герменевтике и психоанализе (Печенина, 2009).

Другая научная область, обширно включающая герменевтику в методо-

логию исследований, — филология (преимущественно литературоведение). Опираясь на классические работы Ф. Шлейермахера, современные исследователи «филологической герменевтики» наиболее часто обращаются к анализу поэтического текста (Гребенев, 2011; Вольский, 2008; и др.).

Юридическая герменевтика в интерпретациях российских правоведов существует автономно, не в контексте привычных философских дискуссий, в форме герменевтического анализа фактически по «античным канонам» (Амельченко, 2010; Васюк, 2011; и др.). Именно поэтому к «юридическим герменевтам» в разных работах относят исследователей определенно позитивистской ориентации (что сложно вообразить, например, в социологических исследованиях, базирующихся на «философской герменевтике» — одной из основ так называемой «гуманитарной парадигмы» в социальных науках).

В ряде педагогических работ герменевтический анализ представлен номинально (см., например: Сердюк, 2010) или буквально — в контексте развития познавательных процессов и в контексте обучению чтению школьников, тем более что понимание читаемого текста в настоящее время — условие успешного выполнения учащимися стандартных международных тестов, таких как, например, PISA¹ или PIRLS² (Башакина, 2008).

В отдельных работах герменевтическая методология оказывается

¹ Program for International Student Assessment.

² Progress in International Reading Literacy Study.

основой новаторского подхода, используется для формулирования идей, традиционно рассматриваемых в других методологических рамках. Так, одно из культурологических исследований, посвященное «герменевтическому измерению» языковой картины мира, претендует на изучение герменевтическими инструментами и ситуации межкультурной коммуникации, и лингвокультурной картины мира, и национально-культурной идентичности (Орлова, 2010).

Таким образом, встречаемый термин «герменевтика» в названиях исследований и на страницах диссертаций не гарантирует погруженности текстов в эпистемологические проблемы, возникающие, на первый взгляд, при проблематизации «герменевтического». Формально вписывая свой научный труд в контекст герменевтики, ряд авторов практикует «герменевтический анализ» вне классических традиций, не упоминая конкретные герменевтические методы, техники, инструменты, а также концепции, тексты, дискуссии и имена «ключевых герменевтов», т.е. не реконструирует контекст «нормальной науки» по Т. Куну (Кун, 1975).

Проблема понимания и интерпретации в российской психологии

В отечественной психологии термины «герменевтика» и «герменевтический анализ» оказались практи-

чески невостребованными, исследователи чаще использовали термины «интерпретация» и «понимание». Ключевые исследования в этой области на современном этапе были проведены сотрудниками Института психологии РАН³.

В.В. Знаков, наиболее последовательно разрабатывающий проблематику «понимания», в одном из своих первых обзоров зарубежных исследований назвал семь направлений междисциплинарного характера в изучении понимания:

- методологическое (суть методология гуманитарных наук)⁴;
- гносеологическое (включение новых знаний в прошлый опыт субъекта);
- логическое (способность к умозаключениям);
- семантическое (интерпретация отношений);
- лингвистическое (трансформация поверхностной структуры предложения в глубинную репрезентацию, состоящую из простых утвердительных конструкций);
- коммуникативное (согласование целей взаимодействующих лиц);
- психологическое экспериментальное (роль образов в понимании, уровни понимания в психологии чтения, понимание переносного смысла, индивидуальные различия в понимании и т.д.) (Знаков, 1986).

К недостаткам проанализированных работ он относит преимущественно когнитивистскую ориентацию представленных исследований.

³ Ранее проблемы понимания в контексте психологии обучения разрабатывались П.П. Блонским и Н.А. Рубанским (Славская, 2002).

⁴ В статье 1986 г. В.В. Знаков анализирует «психологическую герменевтику» психоанализа.

Однако, несмотря на критику когнитивистской ориентации в изучении понимания в зарубежных исследованиях, первые определения понимания В.В. Знаков также формулирует в контексте сугубо познавательных процессов: «Понимание — компонент мышления, один из образующих его процессов. Понимание обеспечивает установление связи раскрываемых новых свойств субъекта познания с уже известными субъекту, формирование операционального смысла новых свойств объекта и определение их места и роли в структуре мыслительной деятельности» (Знаков, 1991, с. 18). Следовательно, понять событие, ситуацию, явление — значит сформировать операциональный смысл, опираясь на знания о событиях такого рода, при этом образование операциональных смыслов происходит путем установления связи выявленного в процессе мышления объективного содержания проблемного знания с фрагментами структуры личностного знания человека, в контексте которого понимаемое приобретает для него смысл (Знаков, 1989а).

Таким образом, формируя в научных текстах преимущественно «познавательный контекст» психологического феномена «понимание», однако допуская в структуру определения такой «ценностный» элемент, как «смысл», исследователь фактически определяет неизбежные трансформации своих программ в описании и анализе социально-психологи-

ческого феномена «понимание» в будущем. Действительно, научные проекты В.В. Знакова, опубликованные на страницах многих академических журналов, демонстрируют «движение» ученого от изучения понимания как познавательного феномена (см., например: Знаков, 1989б, 1991; Тихомиров, Знаков, 1987; и др.) к пониманию как экзистенциальному феномену (Знаков, 2000 и др.). Для нашего исследования значимо, что именно в научных текстах В.В. Знакова можно встретить описание экспериментов с использованием текста как «стимульного материала» для изучения понимания, например, военнослужащими или подростками моральных и этических проблем (Знаков, 1989, 1990 и др.).

Тем не менее с каждым последующим научным проектом его все более увлекают целеобразование в процессе мыслительной деятельности у участников экспериментов, их личностные смыслы, а в дальнейшем - самопознание и самопонимание «испытуемых», что отражается на смене акцентов и фокуса исследований.

Понимание как интерпретация и механизм социализации/инкультурации, обеспечивающий активное, субъектное вхождение личности в социокультурное пространство, представлено в работах А.Н. Славской (Славская, 2002 и др.).

А.Н. Славская критично оценивает как саму герменевтику⁵, так и возможности герменевтики в интерпретации

⁵ В своей монографии она буквально указывает: «Если вся герменевтика объявляет себя наукой о смысле, а психология, в свою очередь, определяет смысл как основную единицу сознания, то через одну эту единицу нельзя выявить специфику психологического подхода к интерпретации» (Славская, 2002, с. 51).

смыслов какого-либо текста в сравнении, например, с психологией: «...для герменевтики смысл — надличностная — культурная, присущая тексту, произведению, автору, или интерсубъективная единица, а смысл для психологии — индивидуально-личностная единица, которая определяется через соотношение с надличностными значениями (А.Н. Леонтьев), чем фактически нивелируется герменевтическое понимание смысла» (Там же, с. 52).

Исследовательница как бы упрекает В. Дильтея в том, что тот размышлял вне субъектно-деятельностной парадигмы, поскольку он «без опоры на субъективную парадигму сумел лишь уловить встречный, идущий от индивида к тексту характер понимания, но не смог раскрыть сущность интерпретации как свободной, произвольной, не ограниченной рамками текстов субъективности» (Там же, с. 40).

Важно отметить, что именно А.Н. Славская опирается на интерпретацию при формулировании содержания социальных представлений (по С. Московичи), что не характерно для других исследователей, известных своими работами в области изучения социальных представлений (см., например: Емельянова, 2006; Гулевич, 2001; и др.).

Таким образом, востребованные в социогуманитаристике (от социологии и философии до истории и права) герменевтические инструменты, идеи понимания, толкования, интерпретации в психологических исследованиях оказываются в центре внимания единичных исследовательских проектов. Современная «психологическая герменевтика» в

русскоязычных работах представлена достаточно скупо (Бусыгина, 2009; Порус, 2011; Самохвалов, 2002; и др.).

Описание программы эмпирического исследования

Из всех определений процесса понимания в герменевтике, на наш взгляд, определение понимания как «набрасывания смыслов» (М. Хайдеггер), а также определение понимания как структуры коммуникации, задающей интерсубъективную значимость познания (Ю. Хабермас), имеют наибольшую операциональность, могут быть расшифрованы и реализованы в эмпирическом психологическом исследовании. Возможности практического использования герменевтических инструментов в современных социальных науках, и особенно в психологии, — одна из обсуждаемых тем качественных прикладных исследований (Carlson, Hadjikhani, 1992; Sodre, 2004; и др.).

Особое место в данных дискуссиях занимает роль экспертной группы (более или менее профессиональной), которая оказывается необходимой частью процедуры качественного исследования.

Возникает вопрос: что собой представляет понимание в процессе толкования экспертной группой какого-либо социокультурного материала? Какова вообще степень согласованности или несогласованности в понимании людьми тех или иных явлений и «социокультурных текстов»?

Чтобы ответить на вопросы относительно понимания «различных культурных текстов», нами было

спланировано пилотное исследование с использованием обычных текстов, знакомых большинству россиян по школьной программе.

Цель исследования — изучение согласованности понимания и выявление закономерностей интерпретаций («непонимания» и «понимания») текстовых посланий на примере исторических текстов (1 — поэтический художественный текст, 2 — прозаический художественный текст, 3 — научный текст). Фактически в данном пилотном исследовании, используя герменевтический анализ герменевтических же интерпретаций (понимания и интерпретаций), мы реконструировали модели и закономерности логики осуществления интерпретаций, закономерности понимания или непонимания текстового послания.

При планировании исследования были поставлены достаточно сложные задачи, наиболее значительные из них:

– разработка и апробация процедуры герменевтического анализа текстового материала на основе уже существующих герменевтических техник и процедур;

– выбор и апробация релевантных методов математического анализа для поиска закономерностей в полученном эмпирическом материале;

– описание моделей понимания, учитывая жанровые различия текстов, а также характеристики выборки.

В качестве материалов для интерпретации были выбраны три текста

исторического содержания (содержащие описание Бородинского сражения): поэма «Бородино» (М. Лермонтов; поэтический художественный текст), отрывок из романа «Война и мир» о Бородинском сражении (Л. Толстой: прозаический художественный текст), описание Бородинского сражения в очерке «Нашествие Наполеона на Россию» (Е. Тарле; научный текст).

Тексты предлагались двум группам «читателей»: первокурсникам, поступившим на очное отделение гуманитарного факультета государственного вуза (32 человека, 17–18 лет) и абитуриентам заочного отделения гуманитарного факультета негосударственного вуза (17 человек, 25–45 лет)⁶.

Согласно инструкции, читатели текстов должны были прочитывать тексты, делить их на смысловые части (секвенции)⁷ и на полях записывать «смысл»⁸ выделенной части (осуществляли процесс интерпретации выделенной части текста). В результате прочтения каждый участник исследования сдавал три размеченных текста с пометками («интерпретациями») на полях.

Подобная схема анализа текстов используется в русле техники «объективная герменевтика» для герменевтического анализа сложного текста/гипертекста (вербального или визуального) с той разницей, что работа по согласованию «смыслов» ведется в дискуссии и группа приписывает

⁶ Текст М. Лермонтова «Бородино» анализировали 64 человека: 32 очника-первокурсника и 32 заочника.

⁷ Эмпирически выяснилось, что секвенция, как правило, составляла абзац текста.

⁸ В данном случае под смыслом подразумевается когнитивная категория (не экзистенциальная).

один «смысл» секвенции на основе общего согласования (Titscher, 2003).

На следующем этапе с прочитанными и проинтерпретированными текстами работала экспертная группа (магистранты-лингвисты; 9 человек). Экспертная группа фиксировала «смыслы»/интерпретации, записанные на полях, для каждого текста каждого участника и далее классифицировала «смыслы» в группы. После классификации группы «смыслов» были тематизированы, названы, им были присуждены «категории».

В результате все «смыслы»

– текста «Бородино» (М. Лермонтов) были классифицированы на 6 групп-категорий («Описание хода битвы»; «Характеристики воинов»; «Смерть и кровопролитие»; «Победа»; «Память о битве»; «Категория непонимания»);

– текста из главы 30 части 2 тома 3 романа «Война и мир» (Л. Толстой) были классифицированы на 8 групп-категорий («Описание хода битвы»; «Характеристики воинов»; «Смерть и кровопролитие»; «Патриотизм»; «Неразбериха и хаос»; «Пьер Безухов»; «Описание природы»; «Категория “непонимания”»);

– текста главы V исторического очерка «Нашествие Наполеона на Россию» (Е. Тарле) были классифицированы на 8 групп-категорий («Описание хода битвы»; «Характеристики воинов»; «Смерть и кровопролитие»; «Патриотизм»; «Общее моральное состояние армий (французской и русской)»; «Роль личности в битве»; «Характеристика русской армии»; «Категория непонимания»).

Таким образом, пять категорий оказались общими («Описание хода битвы»; «Характеристики воинов»; «Смерть и кровопролитие»; «Патриотизм» и «Категория “непонимания”»).

На третьем этапе все тексты были перекодированы, т.е. секвенциям текста, помеченным первоначально «индивидуальными смыслами», были присуждены соответствующие категории. Следовательно, каждый текст оказался размеченным на основе 6 (текст Лермонтова) или 8 (тексты Толстого и Тарле) категорий.

Данные этапы (второй и третий) характерны для герменевтического анализа в форме кодирования (Страусс, Корбин, 2008), а именно для «открытого» или «осевого» кодирования (используется, как правило, для текстов меньшего объема). В случае данного исследования нетипичным действием было введение категории «непонимание» для маркирования тех секвенций-абзацев, в отношении которых читатели не определили смысл.

Определив за секвенцию абзац, в результате перекодирования (подстановки вместо индивидуализированного смысла категории, определенной экспертами на основе анализа всех «смыслов» текста) для каждого текста были составлены матрицы, характеризующие особенности понимания текстов различными подгруппами выборки.

Далее предполагалось выяснить степень согласованности понимания как результата интерпретации текстов, представленных читателям в разной форме. Кроме того, мы предположили, что так же, как в лингвистических системах описан лексикон,

представляющий некие правила и структуры, раскрывающие организацию лексического материала в сознании, существуют и некие правила, закономерности, способы организации «смыслов» в тексте, которые могут быть идентифицированы на основе герменевтического анализа с участием в обработке полученных «матриц категорий» при помощи математических методов.

Анализ согласованности понимания текстов

Изучение согласованности оценок чего-либо представляет собой интересную задачу, которую, как правило, необходимо решать для данных, представленных в номинальной шкале — шкале категорий. Стоит отметить, что методы, используемые для изучения экспертных оценок, чаще всего имеют дело с порядковой или интервальной шкалами, т.е теми, на которых определено отношение «больше — меньше» (Поршнева, 2011). В случае выявленных респондентами смыслов мы не можем сказать, что они упорядочены, это лишь значения категорий.

Анализ литературы показал, что для решения данной задачи используется К-критерий, построенный на каппа-статистике, широко используемой в медицине для постановки диагноза и анализа данных (Sim, Wright, 2005). Каппа-статистика применяется в ситуации, когда исследователю необходимо выяснить меру согласия экспертов, которые высказывают свои суждения в номинальной шкале (Randolph et al., 2005). Применяв К-критерий, построенный на каппа-статистике, к шести матрицам (три текста; две подгруппы выборки), размеченным категориями интерпретаций, получаем значения, представленные в таблице 1.

Как видно из данных таблицы, согласие участников исследования небольшое, при этом наиболее согласованным в понимании является поэтический текст М. Лермонтова, наиболее сложным, непонятным и несогласованным — текст Л. Толстого.

Так, в тексте М. Лермонтова одна из наиболее однозначно интерпретированных «секвенций» — начало стихотворения (категория «Память о битве» — 90% совпадений):

Таблица 1

Согласованное понимание текстов о Бородинском сражении (коэффициент согласованности оценок K_{free} для текстов о Бородинском сражении)⁹

Тексты	Группы		
	Вся выборка	Первокурсники-очники	Заочники (старше 30 лет)
Лермонтова	0.30	0.28	0.37
Толстого	0.21	0.22	0.27
Тарле	0.23	0.20	0.31

⁹ В работе Дж. Ландис и Г. Кох были предложены стандарты для силы коэффициента согласования: 0 — очень слабое, 0.10–0.20 — легкое, 0.21–0.40 — небольшое, 0.41–0.60 — среднее, 0.61–0.80 — значимое, 0.81–1.0 — практически идеальное (Landis, Koch, 1977).

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые?
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!»
(«Бородино»; М.Ю. Лермонтов).

Среди наиболее сложных и многозначных для интерпретации секвенций, например, была следующая (категории: 28 человек — «Описание хода битвы», 23 человека — «Характеристика воинов», 4 человека — «Смерть и кровопролитие», 5 человек — «Категория “непонимания”», 2 человека — «Победа», 2 человека — «Память о битве»):

«Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус».
(«Бородино»; М.Ю. Лермонтов).

На первый взгляд, рассогласование интерпретаций может быть обусловлено сложносоставным смысловым характером шестистишия. Однако участники исследования могли разделить шестистишие на части, проинтерпретировав части, тем не менее не сделали этого, стереотипно выделив как смысловую секвенцию шестистишие.

Знакомство же с собственно «смыслами», запакованными в категории, выделенными участниками исследования, убеждает, что чуть более сложные текстовые блоки остаются «за гранью понимания» у обычных — «наивных» — интерпретаторов.

Так, данное шестистишие М.Ю. Лермонтова, где описываются действия российских и французских солдат между битвами, интерпретируется и как категория «ход битвы», и как «смерть и кровопролитие», и даже как «победа».

Анализ общей согласованности понимания текстов по всей выборке позволяет отметить очевидный «эффект когорты». Если коэффициент согласованности более старших участников исследований приближается к среднему уровню, то первокурсники демонстрируют несогласованное понимание всех трех текстов. Казалось бы, «клишированное сознание» выпускников, «натасканных на школьную программу», должно сработать как мощная объединяющая сила, однако, судя по результатам герменевтического анализа, это не так.

Согласованность в интерпретациях наиболее вероятно обеспечивает то, что Ю. Хабермас считал «структурами коммуникаций», которые помещаются на место трансцендентального сознания и задают intersubъективную значимость познания. Старшие участники исследования (заочники негосударственного вуза, старше 30 лет), «лучше знающие жизнь», а точнее — имеющие больший опыт согласованного оценивания в группе, — более согласованно оценивают смысловую сторону текстов и в экспериментальных условиях (без возможности дополнительного обсуждения).

«Набрасывание смыслов» (М. Хайдеггер) позволяет иметь уникальный взгляд на реальность, обладать уникальными интерпретациями и особым «своим» (возможно, не

разделенным с другими) пониманием, однако не обладает «аффилирующим» значением, обеспечивающим коммуникацию в социуме.

Анализ связей между категориями и интерпретациями

Кроме общей согласованности текстов были изучены отдельные секвенции, выделенные и проинтерпретированные участниками исследования как наиболее согласованные.

В тексте М. Лермонтова наиболее согласованными для понимания в общей выборке оказались шестистишие 1 ($K_{\text{free}} = 0.71$ и $K_{\text{free}} = 0.94$; доминирующая категория «Память о битве») и шестистишие 9 ($K_{\text{free}} = 0.62$ и $K_{\text{free}} = 0.58$; доминирующая категория «Характеристика воинов»).

В подгруппе первокурсников — шестистишие 5 ($K_{\text{free}} = 0.63$; доминирующая категория «Характеристика воинов»).

В подгруппе студентов-заочников — шестистишие 4 ($K_{\text{free}} = 0.76$; доминирующая категория «Описание хода битвы») и шестистишие 6 ($K_{\text{free}} = 0.57$; доминирующая категория «Описание хода битвы»).

Пример четвертой секвенции-шестистишия:

«И вот нашли большое поле:

Есть разгуляться где на воле!

Построили редут.

У наших ушки на макушке!

Чуть утро осветило пушки

И леса синие верхушки —

Французы тут как тут».

(«Бородино»; М.Ю. Лермонтов).

В тексте Е. Тарле наиболее согласованной для понимания в общей выборке оказалась первая секвенция

($K_{\text{free}} = 0.45$ и $K_{\text{free}} = 0.46$; доминирующая категория «Патриотизм»).

Пример первой секвенции: «Во всемирной истории очень мало битв, которые могли бы быть сопоставлены с Бородинским боем и по неслышанному до той поры кровопролитию, и по ожесточенности, и по огромным последствиям» (Тарле Е. Бородино // Тарле Е. Нашествие Наполеона на Россию. Глава V).

В тексте Л. Толстого наиболее согласованными стали секвенции 1 ($K_{\text{free}} = 0.44$ и $K_{\text{free}} = 0.45$; доминирующая категория «Описание природы») и секвенция 23 ($K_{\text{free}} = 0.40$ и $K_{\text{free}} = 0.34$; доминирующая категория «Пьер Безухов»).

Пример первой секвенции (из главы 30 части 2 тома 3):

«Над Колочею, в Бородине и по обеим сторонам его, особенно влево, там, где в болотистых берегах Война впадает в Колочу, стоял тот туман, который тает, расплывается и просвечивает при выходе яркого солнца и волшебю окрашивает и очерчивает все виднеющееся сквозь него. К этому туману присоединялся дым выстрелов, и по этому туману и дыму везде блестели молнии утреннего света — то по воде, то по росе, то по штыкам войск, толпившихся по берегам и в Бородине» (Толстой Л.Н. Война и мир. Том 3).

Общим в понимании разных текстов оказывается единодушие в интерпретации первой секвенции текста, хотя по содержанию она отлична от текста к тексту. Вероятно, это связано с тем, что при чтении первых строк читатель наиболее близко по содержанию пересказывает авторский текст (включая внимание), а далее — и менее внимателен, и

более склонен «додумывать», чем вникать в мысли писателей и поэтов.

Кроме того, в поэтических текстах наиболее однозначно «считываются» описания (характеристики) людей и описания действий (в нашем случае — описание битвы). В прозаических текстах любые описания уже не выглядят так однозначно.

Поиск последовательностей в интерпретациях текстов

Для проверки гипотезы о существовании некой логики интерпретаций, о связи между интерпретациями, используем ассоциативные правила в русле подхода, предложенного Р. Агравалом с соавт. (Agrawal et al., 1993). Данный подход позволяет решать одну из наиболее распространенных задач анализа данных, которая состоит в определении часто встречающихся наборов объектов в большом множестве наборов. Впер-

вые этот подход был использован для нахождения типичных потребительских корзин в маркетинговых целях, для определения предпочтений потребителей, размещения товаров на полках и проведения рекламных кампаний.

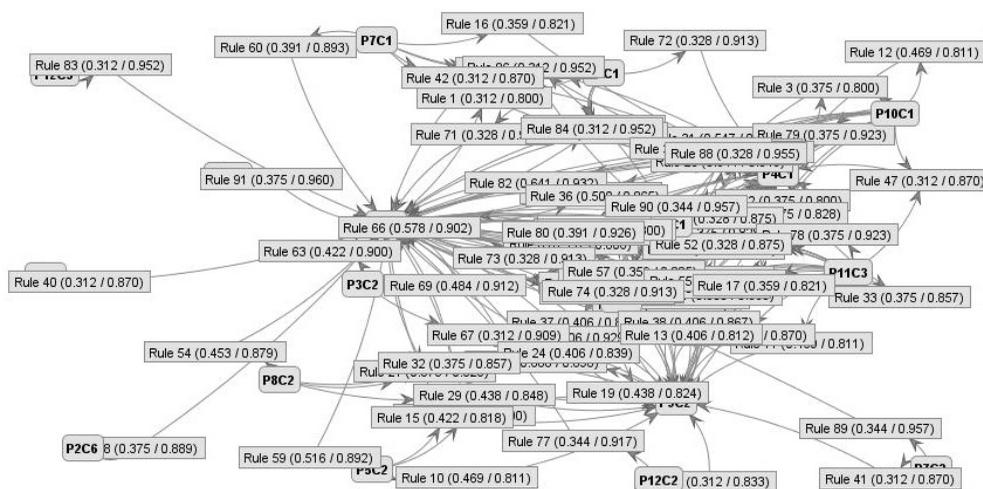
Используем логику ассоциативных правил для интерпретаций текстов на примере «Бородино» М. Лермонтова (см. рисунок 1).

Рисунок 1 представляет собой граф ассоциативных правил, в который вошли только значимые правила, т.е. имеющие поддержку (частоту встречаемости) более 0.3. Как видно из рисунка 1, в силу большого числа полученных ассоциативных правил (88 правил) их непосредственный анализ затруднен. Какую информацию могут нам дать ассоциативные правила в дополнение к анализу согласованности?

Во-первых, анализ предоставляет нам информацию о наиболее распро-

Рисунок 1

Выявленные ассоциативные правила для текста М. Лермонтова «Бородино»



страненных группах интерпретаций (см. таблицу 2)¹⁰.

Наиболее часто встречаемые группы — это «P1C6, P6C1» и «P4C1, P6C1». Т.е. в работах 50% участников эксперимента мы встречаем выбор категории 6 в секвенции/параграфе 1 и выбор категории 1 в секвенции/параграфе 6. Стоит отметить, что группы «P1C6, P6C1» и «P4C1, P6C1», скорее всего, пересекаются, т.е. некоторые (но не все) участники выбрали P1C6, P4C1, P6C1, но таких участников меньше 30%. Интересно, что группы категорий, которые выбрали хотя бы более 50% участников, характеризуют выбор смысла только для двух секвенций/параграфов. Это дополнительная информация об отсутствии согласованности в интерпретации нескольких параграфов, которую нельзя было получить, используя коэффициент Каппа.

Во-вторых, проведем анализ последовательностей интерпретаций. Для этого исключим все правила, в которых номера секвенций/параграфов вывода меньше, чем номера секвенций/параграфов посылок. Если рассмотреть правила, в которых значения секвенции/параграфа следует значению последующей секвенции/параграфа, то таких правил будет меньше, всего 12.

В таблице 3 представлены параграфы-посылки и параграфы-выводы, а также частота встречаемости параграфов-посылок (поддержка) и вероятность того, что у участника исследования кроме определенных категорий посылок выбран еще и параграф вывод (достоверность). Например, из всех участников исследования 31.25% указали в секвенции/параграфе 1 смысл 6, в секвенции/параграфе 4 смысл 1, в секвенции/параграфе 2 смысл 2, из этих 31.25% 80% указали в секвенции/параграфе 6 смысл 1.

На рисунке 2 изображен граф ассоциативных правил с учетом последовательностей категорий.

Согласно рисунку 2, 10 правил не представляют для нас интерес, поскольку связаны с большой согласованностью в интерпретации секвенции/параграфа 9 (68.75% участников исследования указали в этом параграфе смысл 2, этот параграф имеет наибольшую согласованность оценок 0.599, после параграфа 1). Однако три оставшихся правила указывают на две любопытные тенденции. Первая: хотя из выбора P1C6, P2C2 с большой вероятностью следует как выбор P4C1, так и выбор P9C2, но непосредственно из P4C1 не следует P9C2. Вторая ситуация, еще более интересная: P4C1, P2C2

Таблица 2

«Бородино» М. Лермонтова: наиболее частотные группы интерпретаций

Группа интерпретаций	Частота встречаемости (поддержка)
P1C6, P6C1	0.50
P4C1, P6C1	0.50

¹⁰ P – параграф (секвенция в тексте); C – категория.

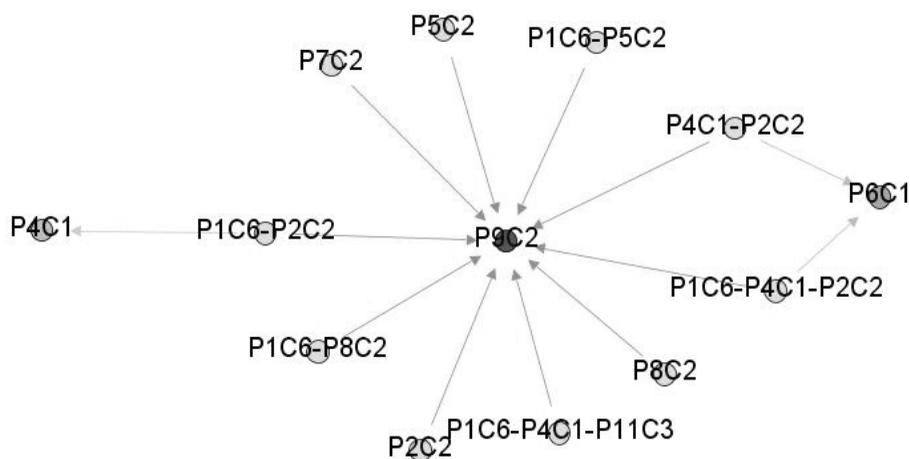
Таблица 3

«Бородино» М. Лермонтова: ассоциативные правила для последовательностей категорий

№	Параграфы-посылки	Параграфы-выводы	Поддержка	Достоверность
1	P1C6, P4C1, P2C2	P6C1	0.31	0.80
2	P7C2	P9C2	0.31	0.86
3	P1C6, P4C1, P2C2	P9C2	0.33	0.84
4	P4C1, P2C2	P6C1	0.34	0.81
5	P4C1, P2C2	P9C2	0.36	0.85
6	P1C6, P8C2	P9C2	0.38	0.82
7	P1C6, P2C2	P4C1	0.39	0.80
8	P1C6, P2C2	P9C2	0.41	0.83
9	P1C6, P5C2	P9C2	0.42	0.81
10	P2C2	P9C2	0.44	0.82
11	P8C2	P9C2	0.44	0.84
12	P5C2	P9C2	0.47	0.81

Рисунок 2

Выявленные ассоциативные правила для последовательностей интерпретаций параграфов поэмы М. Лермонтова «Бородино»



(и чуть более вероятно с добавлением P1C6) ведут и к P6C1, и к P9C2, но при этом выбор P6C1 не ведет к P9C2.

Таким образом, можно видеть, что в интерпретации секвенций/параграфов отсутствуют последовательности. Можно предположить, что это

более характерно для восприятия поэзии, а в случае научного текста мы будем наблюдать большую связность интерпретаций. Проверим это на тексте Е. Тарле.

В интерпретациях текста Е. Тарле была выявлена 171 группа интерпретаций (с частотой встречаемости больше 0.5), в таблице 4 приведены только группы секвенций/параграфов больше трех.

Таблица 4

Текст Е. Тарле: наиболее частотные группы интерпретаций

№	Группа интерпретаций	Частота встречаемости (поддержка)
1	P8C1, P5C8, P9C1	0.52
2	P8C1, P5C8, P4C8, P9C1	0.52
3	P8C1, P5C8, P4C8, P3C8	0.52
4	P8C1, P5C8, P4C8	0.57
5	P8C1, P5C8, P3C8, P9C1	0.53
6	P8C1, P5C8, P3C8	0.57
7	P8C1, P4C8, P9C1	0.57
8	P8C1, P4C8, P6C8	0.52
9	P8C1, P4C8, P3C8, P9C1	0.52
10	P8C1, P4C8, P3C8	0.57
11	P8C1, P4C8, P21C1	0.50
12	P8C1, P3C8, P9C1	0.57
13	P8C1, P3C8, P6C8	0.52
14	P8C1, P3C8, P21C1	0.50
15	P5C8, P4C8, P9C1	0.57
16	P5C8, P4C8, P6C8	0.52
17	P5C8, P4C8, P3C8, P9C1	0.52
18	P5C8, P4C8, P3C8	0.57
19	P5C8, P4C8, P21C1	0.50
20	P5C8, P3C8, P9C1	0.57
21	P5C8, P3C8, P6C8	0.52
22	P5C8, P3C8, P21C1	0.50
23	P4C8, P9C1, P21C1	0.52
24	P4C8, P3C8, P9C1	0.57
25	P4C8, P3C8, P6C8	0.52
26	P4C8, P3C8, P21C1	0.52
27	P3C8, P9C1, P21C1	0.57

Предположение о том, что в интерпретациях текста Е. Тарле будет присутствовать большее число частотных последовательностей, подтверждается.

На наш взгляд, это характерно для логики изложения в научном стиле. Несмотря на то что согласованность в интерпретации отдельных параграфов в поэме М. Лермонтова выше, в научном тексте выше согласованность в последовательностях интерпретаций. Так, если максимальная группа согласованных интерпретаций для поэмы М. Лермонтова состоит из двух секвенций/параграфов, то для текста Е. Тарле она достигает четырех.

Рассмотрим граф ассоциативных правил, построенный после выявления последовательностей интерпретаций параграфов.

Как видно из рисунка 3, граф ассоциативных правил состоит из

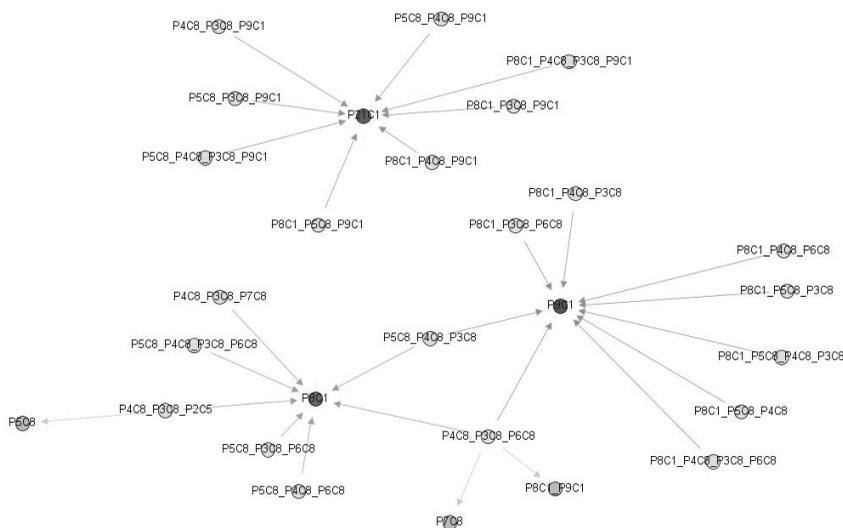
двух частей. На графе отмечены наиболее часто встречающиеся вершины P21C1, P9C1, P8C1. Анализируя части графа по отдельности, необходимо отметить, что в части, связанной с P21C1, в основном присутствуют часто встречающиеся группы интерпретаций, что совпадает с таблицей частот групп интерпретаций.

Вторая часть, связанная с P9C1 и P8C1, на наш взгляд, более интересна. Например, на ней видно, что из последовательности интерпретаций P7C8-P4C8-P3C8-P6C8 следует P8C1, P9C1 и вместе P8C1 и P9C1, т.е. большинство отметивших P7C8-P4C8-P3C8-P6C8 выбрали P8C1 и P9C1. Данный граф дает представление о развитии логической цепочки, представление о закономерностях в понимании научного текста.

Применение ассоциативных правил к интерпретациям текста Л. Толстого показало отсутствие частотных

Рисунок 3

Выявленные ассоциативные правила для последовательностей интерпретаций параграфов исторического очерка Е. Тарле



групп интерпретаций (частота встречаемости самой распространенной группы из двух секвенций/параграфов была только 0.38). Анализ графа показал, что ассоциативные правила отражают только частотную тенденцию и на данном тексте не дают дополнительной информации.

Таким образом, использование ассоциативных правил для анализа логики интерпретаций позволяет утверждать, что согласованность в последовательностях интерпретаций научного текста выше, чем поэтического, несмотря на то что согласованность в интерпретациях отдельных секвенций выше в поэтическом. При этом прозаический художественный текст прочитывается индивидуально и несогласованно как в понимании отдельных секвенций/ параграфов, так и в логике интерпретаций в целом.

Анализ непонимания в процессе интерпретирования

При анализе интерпретаций всех изучаемых текстов кроме категорий, определяющих содержание (привнесенные читателями «смыслы»), также присутствовала категория «Непонимание», которая использовалась тогда, когда участники исследования не знали (не понимали), как лучше определить (осмыслить,

назвать) ту или иную часть интерпретируемого текста.

В разных текстах объем обращений к данной категории отличался (см. таблицу 5).

Согласно таблице, самым субъективно непонятым текстом для участников исследования стал текст Л. Толстого, самым понятным — текст М. Лермонтова. Если принять во внимание факт, что все читатели текстов разбирали и анализировали произведения о Бородинском сражении в рамках школьной программы (некоторые частично помнят стихотворение М. Лермонтова наизусть), а также факт, что все участники исследования находятся в процессе получения высшего образования (ориентированы на интеллектуальную деятельность), очевидно, что сложные художественные прозаические произведения не просто многозначны (тогда бы мы получили просто низкие показатели по согласованности), а именно не понятны даже для достаточно опытных читателей.

Размышления автора — «философские глубины» — или детализированные описания действий, или диалоги — оказываются вне поля понимания читателей, в результате чего создается некий ущербный образ прочитанного, но не понятого текста.

Таблица 5

Категория «Непонимание» в изучаемых текстах (К-критерий)

Тексты	Категория «Непонимание»
М. Лермонтова	0.05
Л. Толстого	0.40
Е. Тарле	0.18

Рассказать об истории: какая форма текста оптимальна?

Несмотря на то что мы не ставили специальной практической задачи описывать особенности интерпретации исторических текстов, написанных в разных жанрах, в исследовании обнаружилось результаты, достойные обсуждения. Как уже было описано выше, выяснилось, что наиболее согласованным и относительно последовательным в интерпретации является поэтический художественный текст, он же, согласно таблице 6, достаточно полно передает общие характеристики сражения.

Высокая согласованность в интерпретации секвенций/параграфов осуществляется, на наш взгляд, во многом за счет особой формы стихотворного текста: легче запоминаться, стихи оказываются некой «матрицей понимания», буквально — теми знаками и символами, посред-

ством которых в дальнейшем демонстрируется «понимание» в коммуникации. Выраженные категории о ходе битвы и войнах свидетельствуют, что данный текст воспринимается именно как текст о сражении.

Текст Е. Тарле оказался последовательным (логичным) в интерпретациях, но достаточно несогласованным и в целом не очень понятным для участников исследования (высокие значения категории 4, означающей отказ от понимания и интерпретации секвенции). Тем не менее, судя по доминирующим категориям, он прочитывается как текст о сражении (все ключевые категории, представляющие сражение, присутствуют достаточно равномерно, т.е. текст прочитывается и через сражение, и через характеристики воинов, и посредством понимания ужаса войны и т.п.).

Что же касается текста Л. Толстого, матрица интерпретаций не

Таблица 6

Значимость категорий, использованных для интерпретации текста (К-критерий)

Тексты	Категории							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Лермонтова	0.29	0.33	0.12	0.05	0.03	0.18	нет	
Толстого	0.11	0.10	0.06	0.40	0.01	0.05	0.27	0.03
Тарле	0.25	0.01	0.09	0.18	0.12	0.06	0.17	0.12

М. Лермонтов: 1 — Описание хода битвы, 2 — Характеристики воинов, 3 — Смерть и кровопролитие, 4 — «Непонимание», 5 — Победа, 6 — Память о битве.

Л. Толстой: 1 — Описание хода битвы, 2 — Характеристики воинов, 3 — Смерть и кровопролитие, 4 — «Непонимание», 5 — Патриотизм, 6 — Неразбериха и хаос, 7 — Пьер Безухов, 8 — Описание природы.

Е. Тарле: 1 — Описание хода битвы, 2 — Характеристики воинов, 3 — Смерть и кровопролитие, 4 — «Непонимание», 5 — Патриотизм, 6 — Психология войны, моральное состояние армий, 7 — Роль личности в битве, 8 — Характеристика русской армии.

только представила данный текст как самый непонятный для читателей (самый высокий коэффициент у категории непонимания), не только как самый непоследовательный в интерпретациях, но и зафиксировала в изучаемом тексте феномен «поглощения» исторического события — Бородинского сражения — личной историей (историей Пьера Безухова).

С одной стороны, система интерпретаций описания Бородинского сражения в тексте Л. Толстого была сложнее, чем, например, в тексте М. Лермонтова (не 6, а 8 категорий). С другой стороны для большинства читателей (в первую очередь, из старшей возрастной группы) данный текст оказался скорее текстом о герое, нежели текстом об исторической битве (это подтверждается подсчетом значимости категории «Пьер Безухов» в матрицах первокурсников и взрослых: 0.18 и 0.40 соответственно (общее значение — 0.27).

Таким образом, согласно полученным данным, ставка при изучении истории на научные тексты (типа исследуемого текста Е. Тарле) предполагает достаточную свободу в понимании и интерпретации событий со стороны читателей, обеспечивая при этом относительно предсказуемую логику в интерпретациях. Влияние на процесс интерпретирования исторических фактов в сторону большей согласованности возможно при использовании ярких поэтических произведений, посвященных изучаемым историческим событиям.

Выводы

Использование математических методов, адекватных «качественному

материалу», в герменевтическом анализе, согласно представляемому пилотному исследованию, не только снимает проблему противостояния качественного и количественного подходов в изучении психологической реальности, но позволяет более глубоко изучить исследуемую проблему или феномен. Так, герменевтический анализ интерпретации текстов (герменевтика понимания и интерпретации) с опорой на математические методы показал, что понимание текста личностью относительно уникально, степень согласованности понимания «культурных текстов» зависит не столько от обучения («образованности»), сколько от опыта коммуникации, определяющего степень интериоризации разделенных с Другими типизирующих схем (Шютц, 2003).

Благодаря рефлексии интерпретаций изучаемых текстов на основе математического анализа возможно утверждать, что поэтический текст прочитывается читателями более согласованно, а научный — более логичен в последовательности его интерпретаций. Был также идентифицирован и описан феномен поглощения исторических событий «личной историей» персонажа — героя событий — в том случае, если речь идет о чтении и понимании исторической художественной прозы.

Кроме того, результаты проведенного пилотного исследования подтвердили на материале герменевтического анализа целый ряд ранее известных и прежде более или менее математически обоснованных положений в социальных науках:

— экспертная группа для анализа текстов при проведении качественного

исследования должна обладать действительно экспертными знаниями; в том случае, если к экспертной работе привлечены «наивные эксперты», обязательным условием должна быть совместная работа и совместная интерпретация, позволяющая найти согласованное понимание интерпретируемого материала;

– согласованность в понимании текстов, событий, явлений даже у включенных в коммуникацию опытных «коммуникаторов» невелика, поэтому, убеждая индивида или группу (предлагая для интерпретации вербальный – текст – или невербальный стимулы), необходимо четко и кратко формулировать

вывод, готовое решение, в надежде, что данное решение или вывод будут избраны слушателями/интерпретаторами как ключевые (в противном случае не будет единства в понимании событий и явлений).

Полагаем, что герменевтика как методологическая матрица в российской психологии (самостоятельно или в интеграции с другими подходами) сможет заявить о себе не только в контексте практики психоанализа (психоаналитическая герменевтика), но также для изучения таких областей в психологии (ценностей, переживаний, идентичности и т.п.), где сугубо позитивистский подход очевидно недостаточен.

Литература

- Амельченко, М. Н. (2010). *Герменевтика трудового права России и Германии* (Автореферат кандидатской диссертации, СПбГУ, Санкт-Петербург).
- Башашкина, В. Ю. (2008). *Речевое развитие школьников на основе герменевтического подхода к тексту на уроках русского языка* (Автореферат кандидатской диссертации, ГОУ ВПО Московский государственный областной университет, Москва).
- Бетти, Э. (2011). *Герменевтика как общая методология наук о духе*. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация».
- Болдонова, И. С. (2009). *Герменевтика межличностной коммуникации* (Автореферат докторской диссертации, ГОУ ВПО Восточно-Сибирский государственный технологический университет, Улан-Удэ).
- Борисенкова, А. В. (2011). *Методология социального познания в трактовке Поля Рикера: критический анализ оснований теории нарративов* (Автореферат кандидатской диссертации, НИУ ВШЭ, Москва).
- Бусыгина, Н. П. (2009). Феноменологический и герменевтический подходы в качественных психологических исследованиях. *Культурно-историческая психология*, 1, 57–65.
- Васюк, А. В. (2011). *История возникновения и развития юридической герменевтики в России* (Автореферат кандидатской диссертации, ГОУ ВПО Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации, Москва).
- Вольский, А. Л. (2008). *Поэтико-философский текст как объект филологической герменевтики* (Автореферат докторской диссертации, ГОУ ВПО Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург).
- Гадамер, Х. Г. (1988). *Истина и метод. Основы философской герменевтики*. М.: Прогресс.

- Гребенев, А. М. (2011). *Поэтические тексты У.Х. Одена в контексте филологической герменевтики* (Автореферат кандидатской диссертации, ГОУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, Санкт-Петербург).
- Гулевич, О. А. (2001). Социальные представления о преступлениях в межличностной и массовой коммуникации. *Вопросы психологии*, 4, 53–67.
- Гусельцева, М. С. (2003). Культурно-историческая психология: от классической к постнеклассической картине мира. *Вопросы психологии*, 1, 99–115.
- Дильтей, В. (1996). *Описательная психология*. СПб.: Алетейя.
- Дружинин, В. Н. (1997). *Экспериментальная психология*. М.: ИНФРА-М.
- Емельянова, Т. П. (2006). *Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества*. М.: Институт психологии РАН.
- Знаков, В. В. (1989а). Мышление, знание и понимание. *Вестник МГУ. Серия 14. Психология*, 2, 6–16.
- Знаков, В. В. (1986). Основные направления исследования понимания в зарубежной психологии. *Вопросы психологии*, 3, 163–171.
- Знаков, В. В. (1990). Понимание асоциальными подростками ситуаций насилия и унижения человеческого достоинства. *Вопросы психологии*, 1, 20–27.
- Знаков, В. В. (1989б). Понимание воинами-интернационалистами ситуаций насилия и унижения человеческого достоинства. *Психологический журнал*, 4, 113–124.
- Знаков, В. В. (1991). Понимание как проблема психологии мышления. *Вопросы психологии*, 1, 18–26.
- Знаков, В. В. (2000). Понимание как проблема психологии человеческого бытия. *Психологический журнал*, 2(21), 7–15.
- Источникова, А. В. (2007). *Сравнительный анализ герменевтики М. Бахтина и М. Хайдеггера* (Автореферат кандидатской диссертации, ГОУ ВПО Мурманский государственный технический университет, Мурманск).
- Копылов, А. В. (2006). *Проблемы языкового посредничества в контексте философской герменевтики* (Автореферат кандидатской диссертации, ГОУ ВПО Мурманский государственный педагогический университет, Мурманск).
- Кузнецов, В. Г. (2002). *Герменевтика и ее путь от конкретной методики до философского направления: Герменевтика в России*. Воронеж: Изд-во Воронежского университета.
- Кун, Т. (1975). *Структура научных революций*. М.: Прогресс.
- Леонтьев, Д. А. (2005). Неклассический вектор современной психологии. *Постнеклассическая психология*, 1, 51–72.
- Леонтьев, Д. А. (2010). Перспективы неклассической психодиагностики. *Психологические исследования: электрон. науч. журн.*, 4(12). Режим доступа: <http://psystudy.ru>
- Орлова, О. В. (2010). *Герменевтическое измерение языковой картины мира в контексте взаимодействия культур* (Автореферат докторской диссертации, ГОУ ВПО Государственная академия славянской культуры, Москва).
- Печенина, О. В. (2009). *Коммуникативные модели в герменевтике и психоанализе. Компаративное исследование* (Автореферат кандидатской диссертации, Санкт-Петербург).
- Порус, В. Н. (2011). Тождество «Я» — конфликт интерпретаций. *Культурно-историческая психология*, 3, 27–35.
- Радина, Н. К. (2009). Изучать субъектность: возможности качественного подхода. В кн. *Психология человека в современном мире* (Т. 4, с. 64–71). М.: Институт психологии РАН.
- Радина, Н. К., Павлычева, Т. Н. (2010). Рассказы о жизни как отражение психологических проблем выпускников сиротских учреждений. *Вопросы психологии*, 5, 41–50.

- Рикер, П. (2008). *Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике*. М.: КАНОН-Пресс-Центр; Кучково поле.
- Самохвалов, В. П. (2002). Психиатрическая герменевтика: обоснование направления. *Таврический журнал психиатрии*, 3(20), 4–11.
- Семенова, В. (2008). *Качественные методы: введение в гуманистическую социологию*. М.: Добросвет.
- Сердюк, Н. В. (2010). *Педагогическая герменевтика в деятельности руководителя органов внутренних дел* (Автореферат докторской диссертации, Москва).
- Славская, А. Н. (2002). *Личность как субъект интерпретаций*. Дубна: Феникс+.
- Слесинский, Р. (2001). *Поиски в понимании: введение в философскую герменевтику*. Гатчина: СЦДБ.
- Соколов, П. В. (2012). *Проблема достоверности в библейской герменевтике второй половины XVI – начала XVIII вв.* (Автореферат кандидатской диссертации, НИУ ВШЭ, Москва).
- Сорокоумова, С. Н., Гапонова, С. А., Поршнев, А. В. (2010). *Статистические методы в психологических исследованиях*. Н. Новгород: НГСХА.
- Сретенская, С. В. (2012). *Феномен понимания в европейской и русской герменевтической мысли* (Автореферат кандидатской диссертации, Киров).
- Страусс, А., Корбин, Д. (2008). *Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники*. М.: УРСС.
- Тихомиров, О. К., Знаков, В. В. (1987). Актуальные проблемы психологии понимания и создание «понимающих систем». *Вестник МГУ. Серия 14. Психология*, 3, 17–26.
- Тодоров, Ц. (1998). *Теории символов*. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество.
- Улановский, А. М. (2006). Качественная методология и конструктивистская ориентация в психологии. *Вопросы психологии*, 3, 27–37.
- Улановский, А. М. (2009). Качественные исследования: подходы, стратегии, методы. *Психологический журнал*, 2(30), 18–28.
- Хабермас, Ю. (2007). *Техника и наука как «идеология»*. М.: Пракси.
- Хабермас, Ю. (2003). *Философский дискурс о модерне*. М.: Весь мир.
- Хайдеггер, М. (1993). *Работы и размышления разных лет*. М.: Гнозис.
- Шаев, Ю. М. (2009). *Смысл в герменевтике: опыт семиотического анализа*. (Автореферат кандидатской диссертации, Волгоград).
- Шлейермахер, Ф. (2004). *Герменевтика*. СПб.: Европейский дом.
- Шульга, Е. Н. (2002). *Когнитивная герменевтика*. М.: Институт философии РАН.
- Шютц, А. (2003). *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии*. М.: URSS.
- Agrawal, R., Imieliński, T., & Swami, A. (1993). Mining association rules between sets of items in large databases. In *ACM SIGMOD Record* (Vol. 22, pp. 207–216). Retrieved from <http://dl.acm.org/citation.cfm?id=170072>
- Carlson, R. D., & Hadjikhani, N. (June, 1992). *Hermeneutics in psychology: Crawling out from between a rock and a hard place*. Paper presented at the meeting of the American Psychological Society. San Diego, CA. Retrieved from <http://www.theartgalleryofknoxville.com/socialuse.htm>
- Heelan, P. A. (1998). After post-modernism: The scope of hermeneutics in natural science. *Studies in the History and Philosophy of Science*, 29, 273–298. Retrieved from <https://repository.library.georgetown.edu/bitstream/handle/10822/550878/Heelan%2098%20Scope%20of%20Herm%20Preprint.pdf?sequence=2>

- Landis, J. R., & Koch, G. G. (1977). The measurement of observer agreement for categorical data. *Biometrics*, 33(1), 159. doi:10.2307/2529310
- Oevermann, U. (1993). Die objektive Hermeneutik als unverzichtbare methodologische Grundlage für die Analyse von Subjektivität. Zugleich eine Kritik der Tiefenhermeneutik. In Th. Jung, S. Müller-Doohm (Hrsg.), *Wirklichkeit im Deutungsprozeß. Verstehen und Methoden in den Kulturwissenschaften* (s. 106–189). Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Radford, G. P. (1991). Hermeneutics: An intellectual tradition for communication studies. *Occasional Papers in Communication, Information, and Library Studies*, 1, 6–27.
- Randolph, J. J., Thanks, A., Bednarik, R., & Myller, N. (2005). *Free-marginal multirater kappa (multirater free): An alternative to fleiss fixed-marginal multirater kappa*. Joensuu Learning and Instruction Symposium. Retrieved from <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.59.8776&rep=rep1&type=pdf>
- Sim, J., & Wright, C. C. (2005). The Kappa statistic in reliability studies: use, interpretation, and sample size requirements. *Physical Therapy*, 85(3), 257–268.
- Sodre, O. (2004). Hermeneutical phenomenology contribution to social psychology. *Psicol. USP*, 3(15), 55–80.
- Titscher, S. (2003). Objective hermeneutics. In *Methods of text and discourse analysis* (pp. 198–212). London [u.a.]: Sage Publ. Reprint.

Psychology and Hermeneutics: Hermeneutic Analysis of Understanding Using Mathematical Schemes and Models

Nadezhda K. Radina

Professor, HSE

E-mail: nradina@hse.ru, rasv@yandex.ru;

Alexander V. Porshnev

Associate professor, HSE

E-mail: aporshnev@hse.ru

Address: 25/12, B. Pecherskya, N. Novgorod, Russian Federation, 603155

Abstract

The paper discusses hermeneutics and hermeneutic analysis in Russian social sciences, humanities and particularly psychology. Some regularities in understanding of texts uncovered by integrating methods of qualitative (hermeneutic analysis) and quantitative analysis (mathematical processing of categorical data) are described. When analysing results of the empirical study, understanding was defined as “layering of meanings” (M. Heidegger) and as a structure of communication that determines intersubjective significance of cognition (J. Habermas). Fiction poetry, fiction prose and non-fiction historic texts about the battle of Borodino were segmented and categorised by a group of readers based on their individual understanding. Then a group of experts classified categories identified. Finally, the texts were re-coded; for each text category an interpretation matrix was reconstructed. Cohen’s kappa coefficient was used to measure inter-rater agreement. Association rules were used to search for interpretation sequences. Hermeneutic analysis of text interpretation using mathematical methods has demonstrated relative uniqueness

of the understanding of texts. The degree of agreement in understanding of “cultural texts” depended on communication experience rather than education level. Analysis of interpretations using mathematical methods has shown that poetic texts were being interpreted in a more coherent manner and that the sequence of interpretations was more logical for scientific texts. A phenomenon of absorption of historical events by personal history of the protagonist was described and identified when readers were to understand and interpret a historic fiction piece.

The authors believe that complex hermeneutic analysis employing qualitative and quantitative methods alike could be very useful in the research of personal identity, values and experiences.

Keywords: hermeneutics, hermeneutic analysis, interpretation, kappa coefficient, association rules.

References

- Agrawal, R., Imieliński, T., & Swami, A. (1993). Mining association rules between sets of items in large databases. In *ACM SIGMOD Record* (Vol. 22, pp. 207–216). Retrieved from <http://dl.acm.org/citation.cfm?id=170072>
- Amelchenko, M. N. (2010). *Germenetika trudovogo prava Rossii i Germanii* [Hermeneutics of labour law in Russia and Germany] (Extended abstract of PhD dissertation). Saint Petersburg State University, Saint Petersburg.
- Bashashkina, V. Yu. (2008). *Rechevoe razvitie shkol'nikov na osnove germeneticheskogo podkhoda k tekstu na urokakh russkogo yazyka* [Speech development in school children on the basis of hermeneutic approach in Russian language lessons] (Extended abstract of PhD dissertation). Moscow Region State University, Moscow.
- Betti, E. (2011). *Germenetika kak obshchaya metodologiya nauk o dukhe* [Hermeneutics as the general methodology of the Geisteswissenschaften]. Moscow: Kanon+ ROOI “Reabilitatsiya”. (Transl. of: Betti, E. (1962). *Die Hermeneutik als allgemeine Methodik der Geisteswissenschaften*. Tübingen: Mohr (in German)).
- Boldonova, I. S. (2009). *Germenetika mezhlchnostnoi kommunikatsii* [Hermeneutics of interpersonal communication] (Extended abstract of doctoral dissertation). East Siberia State University of Technology and Management, Ulan-Ude.
- Borisenkova, A. V. (2011). *Metodologiya sotsial'nogo poznaniya v traktovke Polya Rikera: kriticheskii analiz osnovanii teorii narrativov* [Methodology of social cognition by Paul Ricoeur: Critical analysis of the basics of narrative theory] (Extended abstract of PhD dissertation). HSE, Moscow.
- Busygina, N. P. (2009). Phenomenological and hermeneutic approaches in qualitative psychological research. *Cultural-Historical Psychology*, 1, 57–65.
- Carlson, R. D., & Hadjikhani, N. (June, 1992). *Hermeneutics in psychology: Crawling out from between a rock and a hard place*. Paper presented at the meeting of the American Psychological Society. San Diego, CA. Retrieved from <http://www.theartgalleryofknoxville.com/socialuse.htm>
- Dilthey, W. (1996). *Opisatel'naya psikhologiya* [Descriptive psychology]. Saint Petersburg: Aleteiya. (Transl. of: Dilthey, W. (1894). *Ideen über eine beschreibende und zergliedernde Psychologie*. *Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Juni–December, 1309–1407* (in German)).
- Druzhinin, V. N. (1997). *Eksperimental'naya psikhologiya* [Experimental psychology]. Moscow: INFRA-M.
- Emelyanova, T. P. (2006). *Konstruirovaniye sotsial'nykh predstavlenii v usloviyakh transformatsii rossijskogo obshchestva* [Construction of social representations in the transformation of Russian society]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.

- Gadamer, H.-G. (1988). *Istina i metod. Osnovy filosofskoi germenевtiki* [Truth and method. The basic characteristics of philosophical hermeneutics]. Moscow: Progress. (Transl. of: Hadamer, H.-G. (1960). *Wahrheit und Methode: Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik*, Tübingen: Mohr (in German)).
- Grebenev, A. M. (2011). *Poeticheskie teksty U.Kh. Odena v kontekste filologicheskoi germenевtiki* [Poetic texts of W.H. Auden in the context of philological hermeneutics] (Extended abstract of PhD dissertation). Saint Petersburg State University of Economics and Finance, Saint Petersburg.
- Gulevich, O. A. (2001). Social perceptions of crime in interpersonal communication and mass media. *Voprosy Psikhologii*, 4, 53–67.
- Guseltseva, M. S. (2003). Cultural historical psychology: From the classical to a post-non-classical image of the world. *Voprosy Psikhologii*, 1, 99–115.
- Habermas, J. (2003). *Filosofskii diskurs o moderne* [The philosophical discourse of modernity]. Moscow: Ves' mir. (Transl. of: Habermas, J. (1985). *Der philosophische Diskurs der Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag (in German)).
- Habermas, J. (2007). *Tekhnika i nauka kak <ideologiya>* [Technology and science as ideology]. Moscow: Praksi. (Transl. of: Habermas, J. (1968). *Technik und Wissenschaft als "Ideologie"*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag (in German)).
- Heelan, P. A. (1998). After post-modernism: The scope of hermeneutics in natural science. *Studies in the History and Philosophy of Science*, 29, 273–298. Retrieved from <https://repository.library.georgetown.edu/bitstream/handle/10822/550878/Heelan%2098%20Scope%20of%20Herm%20Preprint.pdf?sequence=2>
- Heidegger, M. (1993). *Raboty i razmyshleniya raznykh let* [Works and thoughts from different years]. Moscow: Gnozis.
- Istochnikova, A. V. (2007). *Sravnitel'nyi analiz germenевtiki M. Bakhtina i M. Khaideggera* [Comparative analysis of hermeneutics of M. Bakhtin and M. Heidegger] (Extended abstract of PhD dissertation). Murmansk State Technical University, Murmansk.
- Kopylov, A. V. (2006). *Problemy yazykovogo posrednichestva v kontekste filosofskoi germenевtiki* [Problems of linguistic mediation in the context of philosophical hermeneutics] (Extended abstract of PhD dissertation). Murmansk State Pedagogical University, Murmansk.
- Kuhn, Th. (1975). *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The structure of scientific revolutions]. Moscow: Progress. (Transl. of: Kuhn, Th. S. (1962). *The structure of scientific revolutions*. Chicago: University of Chicago Press).
- Kuznetsov, V. G. (2002). *Germenевtika i ee put' ot konkretnoi metodiki do filosofskogo napravleniya: Germenевtika v Rossii* [Hermeneutics and its route from being a specific method to becoming a philosophical direction: Hermeneutics in Russia]. Voronezh: Voronezh State University.
- Landis, J. R., & Koch, G. G. (1977). The measurement of observer agreement for categorical data. *Biometrics*, 33(1), 159. doi:10.2307/2529310
- Leontiev, D. A. (2005). Neklassicheskii vektor sovremennoi psikhologii [Non-classical vector of modern psychology]. *Postneklassicheskaya Psikhologiya*, 1, 51–72.
- Leontiev, D. A. (2010). Perspectives of non-classical psychodiagnostics. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 4(12). Retrieved from <http://psystudy.ru>
- Overmann, U. (1993). Die objektive Hermeneutik als unverzichtbare methodologische Grundlage für die Analyse von Subjektivität. Zugleich eine Kritik der Tiefenhermeneutik. In Th. Jung, S. Müller-Doohm (Hrsg.), *Wirklichkeit im Deutungsprozeß. Verstehen und Methoden in den Kulturwissenschaften* (s. 106–189). Frankfurt am Main: Suhrkamp (in German).

- Orlova, O. V. (2010). *Germenevicheskoe izmerenie yazykovoi kartiny mira v kontekste vzaimodeistviya kul'tur* [Hermeneutic dimension of linguistic landscape of the world in the context of culture interaction] (Extended abstract of doctoral dissertation). State Academy of Slavic Culture, Moscow.
- Pechenina, O. V. (2009). *Kommunikatsionnye modeli v germenevtike i psikhoanalize. Komparativnoe issledovanie* [Communication models in hermeneutics and psychoanalysis. A comparative study] (Extended abstract of PhD dissertation). Saint Petersburg.
- Porus, V. N. (2011). Identity of the Ego: conflicting interpretations. *Cultural-Historical Psychology*, 3, 27–35.
- Radford, G. P. (1991). Hermeneutics: An intellectual tradition for communication studies. *Occasional Papers in Communication, Information, and Library Studies*, 1, 6–27.
- Radina, N. K. (2009). Izuchat' sub'ektnost': vozmozhnosti kachestvennogo podkhoda [Studying subjectivity: Qualitative approach]. In *Psikhologiya cheloveka v sovremennom mire* [Psychology of a man in contemporary world] (Vol. 4, pp. 64–71). Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Radina, N. K., & Pavlycheva, T. N. (2010). Life stories as reflection of psychological problems of graduates of orphanage schools. *Voprosy Psikhologii*, 5, 41–50.
- Randolph, J. J., Thanks, A., Bednarik, R., & Myller, N. (2005). *Free-marginal multirater kappa (multirater free): An alternative to fleiss fixed-marginal multirater kappa*. Joensuu Learning and Instruction Symposium. Retrieved from <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.59.8776&rep=rep1&type=pdf>
- Ricœur, P. (2008). *Konflikt interpretatsii. Ocherki o germenevtike* [Interpretation conflict. Essays on hermeneutics]. Moscow: KANON-Press-Tsentr; Kuchkovo Pole. (Transl. of: Ricœur, P. (1969). *Le conflit des interprétations: essais d'herméneutique*. Paris: Éditions du Seuil (in French)).
- Samokhvalov, V. P. (2002). Psikiatricheskaya germenevtika: obosnovanie napravleniya [Psychiatric hermeneutics: area justification]. *Tavrisheskii zhurnal psikiatrii*, 3(20), 4–11.
- Schleiermacher, F. (2004). *Germenevtika* [Hermeneutics]. Saint Petersburg: Evropeiskii Dom. (Transl. of: Schleiermacher, F. D. E. (1977). *Hermeneutik*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag (in German)).
- Schütz, A. (2003). *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii* [Semantic structure of everyday world: Essays on phenomenological sociology]. Moscow: URSS.
- Semenova, V. (2008). *Kachestvennyye metody: vvedenie v gumanisticheskuyu sotsiologiyu* [Qualitative methods: Introduction to humanistic sociology]. Moscow: Dobrosvet.
- Serdyuk, N. V. (2010). *Pedagogicheskaya germenevtika v deyatelnosti rukovoditelya organov vnutrennikh del* [Pedagogical hermeneutics in the activity of the Head of Internal Affairs] (Extended abstract of doctoral dissertation). Moscow.
- Shaev, Yu. M. (2009). *Smysl v germenevtike: opyt semioticheskogo analiza* [Meaning in hermeneutics: experience of semiotic analysis] (Extended abstract of PhD dissertation). Volgograd.
- Shulga, E. N. (2002). *Kognitivnaya germenevtika* [Cognitive hermeneutics]. Moscow: Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences.
- Sim, J., & Wright, C. C. (2005). The Kappa statistic in reliability studies: use, interpretation, and sample size requirements. *Physical Therapy*, 85(3), 257–268.
- Slavskaya, A. N. (2002). *Lichnost' kak sub'ekt interpretatsii* [Personality as a subject of interpretation]. Dubna: Feniks+.
- Slesinskii, R. (2001). *Poiski v ponimanii: vvedenie v filosofskuyu germenevtiku* [Search in meaning: Introduction to philosophical hermeneutics]. Gatchina: STsDB.
- Sodre, O. (2004). Hermeneutical phenomenology contribution to social psychology. *Psicol. USP*, 3(15), 55–80.

- Sokolov, P. V. (2012). *Problema dostovernosti v bibleiskoi germenevtike vtoroi poloviny XVI – nachala XVIII vv* [The problem of confidence in the biblical hermeneutics of the second half of the 16th – beginning of 18th century] (Extended abstract of PhD dissertation). HSE, Moscow.
- Sorokoumova, S. N., Gaponova, S. A., & Porshnev, A. V. (2010). *Statisticheskie metody v psikhologicheskikh issledovaniyakh* [Statistical methods in psychological research]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Agriculture Academy.
- Sretenskaya, S. V. (2012). *Fenomen ponimaniya v evropeiskoi i russkoi germenevticheskoi mysli* [Phenomenon of understanding in European and Russian hermeneutics] (Extended abstract of PhD dissertation). Kirov.
- Strauss, A., & Corbin, J. (2008). *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, protsedury i tekhniki* [Basics of qualitative research: grounded theory, procedures and techniques]. Moscow: URSS. (Transl. of: Strauss, A. L., & Corbin, J. M. (1990). *Basics of qualitative research: grounded theory, procedures and techniques*. Newbury Park, CA: Sage Publications).
- Tikhomirov, O. K., & Znakov, V. V. (1987). Aktual'nye problemy psikhologii ponimaniya i sozdanie "ponimayushchikh system" [Topical issues in psychology of understanding and development of "understanding systems"]. *The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*, 3, 17–26.
- Titscher, S. (2003). Objective hermeneutics. In *Methods of text and discourse analysis* (pp. 198–212). London [u.a.]: Sage Publ. Reprint.
- Todorov, T. (1998). *Teorii simvolov* [Theories of symbols]. Moscow: Dom intellektual'noi knigi; Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo. (Transl. of: Todorov, T. (1977). *Théories du symbole*. Paris: Seuil (in French)).
- Ulanovsky, A. M. (2006). Qualitative methodology and the constructivist paradigm in psychology. *Voprosy Psikhologii*, 3, 27–37.
- Ulanovsky, A. M. (2009). Qualitative researches: Approaches, strategies, methods. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2(30), 18–28.
- Vasyuk, A. V. (2011). *Istoriya vozniknoveniya i razvitiya yuridicheskoi germenevtiki v Rossii* [History and development of legal hermeneutics] (Extended abstract of PhD dissertation). The Russian Law Academy of the Russian Federation Ministry of Justice, Moscow.
- Volski, A. V. (2008). *Poetiko-filosofskii tekst kak ob"ekt filologicheskoi germenevtiki* [Poetic philosophical text as an object of philological hermeneutics]. Extended abstract of doctoral dissertation. Saint Petersburg. Herzen State Pedagogical University of Russia
- Znakov, V. V. (1986). Osnovnye napravleniya issledovaniya ponimaniya v zarubezhnoi psikhologii [The main areas of research in psychology of understanding]. *Voprosy Psikhologii*, 3, 163–171.
- Znakov, V. V. (1989b). Ponimanie voinami-internatsionalistami situatsii nasiliya i unizheniya chelovecheskogo dostoinstva [Understanding of violence and humiliation by international volunteer combatants]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 4, 113–124.
- Znakov, V. V. (1989a). Myshlenie, znanie i ponimanie [Thinking, knowledge and understanding]. *The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*, 2, 6–16.
- Znakov, V. V. (1990). Ponimanie asotsial'nymi podrostkami situatsii nasiliya i unizheniya chelovecheskogo dostoinstva [Understanding of violence and humiliation by antisocial teenagers]. *Voprosy Psikhologii*, 1, 20–27.
- Znakov, V. V. (1991). Ponimanie kak problema psikhologii myshleniya [Understanding as a problem of psychology of thinking]. *Voprosy Psikhologii*, 1, 18–26.
- Znakov, V. V. (2000). Understanding as a problem of psychology of a man being in the world. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2(21), 7–15.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИДЕЙ С. КЬЕРКЕГОРА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

М.Г. ЧЕСНОКОВА



Чеснокова Милена Григорьевна — старший научный сотрудник факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук. Занимается проблемами истории и методологии психологии.

Контакты: milen-ches@bk.ru

Резюме

Целью данной статьи является анализ методологического значения философско-религиозных взглядов С. Кьеркегора для психологии. Автор рассматривает отношение С. Кьеркегора к философии Р. Декарта как фундаменту эмпирической психологии сознания и вытекающему из этой философии психофизиологическому подходу к изучению человека, вскрывает роль идей С. Кьеркегора в пересмотре предмета психологии и становлении качественной методологии в психологии. В центре внимания — анализ кьеркегоровской концепции индивидуальности. Индивидуальность понимается С. Кьеркегором как некая «качественная определенность», обретаемая индивидом посредством особого этического выбора — выбора между собой и миром («смертью для мира») — и субъективно переживаемого как «прыжок в никуда». Человек для С. Кьеркегора есть прежде всего субъект жизни (бытия) и лишь вторично — субъект мышления. Отсюда предметом психологии у С. Кьеркегора оказывается не сознание, а индивидуальность, человеческое Я в его становлении. Развитие индивидуальности с необходимостью пролегает через сферу общего и предполагает нахождение согласия с общим. В зависимости от того, насколько успешно индивид решает эту задачу, он либо остается «случайным исключением», не оказывающим никакого влияния на развитие общего, либо, отстояв себя перед лицом общего, обретает индивидуальный закон своего существования и возможность раскрытия своего Я через осуществление общих задач («обоснованное исключение»). Рассматривая вопрос о путях развития индивидуальности, автор подробно останавливается на отношении С. Кьеркегора к роли социума в ее становлении. Позиция С. Кьеркегора по этому вопросу сопоставляется с позицией философов-просветителей, а также с взглядами отечественных психологов, в частности Л.С. Выготского. Формулируется центральная проблема психологии индивидуальности, по С. Кьеркегору, — проблема свободы. В статье отмечаются связь и отличие концепции индивидуальности С. Кьеркегора от принципов идиографического и феноменологического подходов, прослеживается влияние его идей на теории западной и отечественной психологии XX в.

Ключевые слова: индивидуальность, выбор, экзистенциальная психология, качественная методология, этика.

С. Кьеркегор занимает особое место в истории философской мысли. Порвав с рационалистической традицией, ведущей начало от Античности и достигшей вершины в философской системе Г. Гегеля, открыто заявляя, что самое большое несчастье человека — это безусловное доверие разуму, С. Кьеркегор не прикнул и к эмпирической традиции — Дж. Локку и его последователям, резко выступив против ее абстрактной трактовки сущности человека.

Неудивительно, что психология, выросшая на основе декартовско-локковской концепции сознания, пережившая (как у нас, так и на Западе) период бурного увлечения марксизмом, ориентированная в целом на образцы естественных наук, долгое время оставалась не восприимчивой к идеям религиозного философа и экзистенциального мыслителя С. Кьеркегора.

Между тем со второй половины XX в. отечественная марксистская деятельностная психология, прежде всего в лице С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева, неожиданно обретает экзистенциальные мотивы. Наиболее отчетливо эта тенденция проявилась в работе С.Л. Рубинштейна «Человек и мир» (Рубинштейн, 1973). В предисловии к монографии С.Л. Рубинштейн пишет: «Проблема бытия и сознания — при правильной ее постановке — необходимо преобразуется в другую, за ней стоящую. Само сознание существует лишь как процесс и результат осознания мира человеком <...> Таким образом, центральная проблема, которая перед нами встает, это проблема бытия, сущего и места в нем человека» (Там же, с. 255). С.Л. Рубинштейн прихо-

дит к выводу, что декартовское противопоставление бытия как «объективной реальности» (совокупности вещей и объектов) и сознания есть ложно поставленная научная проблема, сохраняющая свою правомерность только в гносеологических рамках. В онтологическом плане и в контексте психологического исследования данная дихотомия явно недостаточна, поскольку упускает главное — человека, являющегося неотъемлемой частью бытия, субъектом жизни и деятельности (а не только субъектом мышления), центром преобразования бытия в особое, человеческое бытие — мир (совокупность вещей и явлений, соотношенных с людьми).

В монографии «Человек и мир» Рубинштейн представляет новую исследовательскую парадигму психологии человеческого бытия, в своих основаниях непосредственно связанную с этикой и поднимающую такие вопросы, как вопрос о существовании другого человека как условия моего существования, вопрос о мотивации и детерминации человеческого поведения, проблему поступка, системы ценностей и т.д. Свой подход С.Л. Рубинштейн противопоставлял, с одной стороны, психологии сознания (как старой интроспективной, так и новой культурно-исторической), идеализирующей и интеллектуализирующей, по его мнению, живого действующего человека; с другой — теории деятельности, абсолютизирующей практическую сторону отношений человека с миром в ущерб познанию и созерцанию.

С.Л. Рубинштейн был одним из первых отечественных психологов,

уделивших серьезное внимание анализу работ западных экзистенциалистов. «Права экзистенциализма по вопросу о сущности и существовании заключается в защите первоначального права существования применительно к человеку», — писал он (Там же, с. 274). Однако к конкретным разработкам в этой области — феноменологическому подходу М. Хайдеггера, теории «проекта» Ж.-П. Сартра — он относился весьма критически. Корни собственной концепции человеческого существования С.Л. Рубинштейн связывал с материалистической философией К. Маркса, рассматривая свое учение как закономерное развитие марксистских идей в области психологии и этики.

По всей видимости, С.Л. Рубинштейн не был знаком с работами С. Кьеркегора, многие из которых до сих пор существуют только на языке оригинала. К нему, как и ко всей отечественной психологии, экзистенциальные идеи приходили в основном уже во вторичном, переработанном и переосмысленном другими авторами виде, часто весьма далеко от первоисточника, заложенного родоначальником экзистенциальной философии С. Кьеркегором. Тем более важной, на наш взгляд, является попытка понять подлинное методологическое значение идей С. Кьеркегора для психологии и проследить их научную преемственность в области психологического знания.

С. Кьеркегор — Р. Декарт и психология сознания

На фоне основных тенденций развития философской мысли первой половины XIX века взгляды С. Кьер-

кегора носили ярко выраженный оппозиционный характер. Круг его оппонентов был весьма широк: от античного Сократа до Гегеля, с одной стороны, и официальной церкви и духовенства, с другой. Основное содержание этих оппозиций в свое время было подробно проанализировано в исследовании творчества С. Кьеркегора Львом Шестовым (Шестов, 1994). Однако в этом ярком и в своем роде непревзойденном исследовании не был упомянут еще один очень важный для С. Кьеркегора оппонент — рационалист и дуалист Р. Декарт. Учитывая то значение, которое идеи Р. Декарта сыграли в становлении и последующем развитии психологической науки, критика его взглядов С. Кьеркегором, прозвучавшая еще в середине XIX в., т.е. до оформления психологии в самостоятельную область знания, имеет для психологии особый интерес.

В первую очередь, критика С. Кьеркегора была направлена на декартовскую трактовку человека как простого синтеза души и тела. Отношение души и тела есть непосредственность, положенная Богом и данная самому человеку эмпирически. Однако в этом синтезе человеческое Я, согласно С. Кьеркегору, еще не существует. Присущее человеку как данность отношение души и тела должно далее им как-то направляться. Оно направляется духом, или Я. «Человек есть дух. Но что же такое дух? Это Я... Отношение души и тела составляет простое отношение. Если же, напротив, отношение относится к самому себе, это последнее отношение выступает как положительная третья часть, и мы имеем Я»

(Кьеркегор, 2010, с. 292). Этот дух, или Я, по С. Кьеркегору, есть свобода.

Признание кьеркегоровской критики Р. Декарта имеет для психологии ряд следствий.

1. Психофизическая проблема не является основной проблемой психологии, ею становится проблема свободы.

2. Психофизиологическое изучение человека заведомо ограничено, ибо Я вообще не дано человеку эмпирически. Отсюда следует, что если психология вообще претендует на познание человеческого Я, она не может оставаться чисто эмпирической наукой.

С. Кьеркегор отвергает также выдвигаемый Р. Декартом критерий отличия человека от животных, заключающийся в человеческой способности мыслить. «Зачем терять время на твою индивидуальность, постарайся о ней забыть; быть индивидом — это не быть ничем; но начни мыслить... и ты тотчас же станешь всем человечеством», — с иронией замечает С. Кьеркегор (там же, с. 392). По его мнению, именно индивид, индивидуальное существование составляет высшее в человеке. «Человек отличается от прочих живых существ не только совершенствами, которые обычно упоминают, но и превосходством природы индивида, отдельного и единичного, над родом» (там же, с. 394).

Выделение Р. Декартом сознания как особой субстанции привело к появлению отдельной науки, изучающей эту субстанцию, — психологии сознания. Однако если исходный декартовский тезис ложен и сознания как особой субстанции не существует, что же тогда должна изучать

психология? Как мы видели, во второй половине XX в. к этому вопросу возвращался и С.Л. Рубинштейн. Следуя логике С. Кьеркегора, предметом психологии становится индивидуальность (Я).

Концепция индивидуальности С. Кьеркегора и становление качественной методологии в психологии

Отказ от изучения общего в человеке в пользу единичного, индивидуального предполагает в свою очередь изменение методологии психологического исследования. Индивидуальность в отличие от сознания как общего родового свойства человека не имеет количественного измерения, это особое качество. Обретение «качественной определенности», по С. Кьеркегору, происходит через выбор. Понятие выбора занимает важное место в современной экзистенциальной психологии. Это же понятие в рамках культурно-деятельностной парадигмы использует А.Г. Асмолов, определяя индивидуальность как субъект выбора (Асмолов, 2001). Однако понимание выбора С. Кьеркегором отличается как от современной экзистенциальной, так и от деятельностной его интерпретации. С. Кьеркегор говорит об особом — этическом — выборе. Этический выбор не есть выбор чего-то внешнего (предмета, деятельности, социальной позиции), это выбор самого себя (выбор того, каким человеком мне быть), который подчас связан с отказом от внешнего — «смертью для мира». Такой выбор требует веры в свою способность выстоять перед натиском

внешних обстоятельств, веры в то, что «для Бога все возможно». Это своеобразный «прыжок» в никуда. Но в этом «прыжке» и происходит рождение Духа (Я), переход от состояния непосредственности к состоянию осознанной ответственности перед собой и миром. Такой положительный выбор. Однако по своему содержанию выбор может быть и отрицательным, и он также ведет к рождению в человеке нового качества.

С. Кьеркегор рассматривает становление «качественной определенности» индивида на примере грехопадения Адама. Одновременно он развивает новое понимание соотношения общего и индивидуального, противостоящее как локковской трактовке общего как одинакового для всех, так и марксистско-гегелевскому пониманию общего как связи индивидов в определенной целостной тотальности. Адам представляет собой и индивида, и род в одном лице. С грехом Адама грех входит в мир. Т.е. через поступок конкретного индивида (Адама) греховность как человеческое качество становится всеобщей. С грехопадением Адама первичное единство общего и индивидуального распадается: общее предстает как общность, а индивид теряет свою целостность, становится частичным. Однако закон остается неизменным: всякое новое качество зарождается в индивиде (в акте его выбора) и входит в мир через индивида. В этом смысле каждый индивид повторяет путь Адама. Войдя в мир, новое качество обретает свою историю, а с ней — количественную определенность (как большую или меньшую предрасположенность у

отдельного индивида). Таким образом, различия между индивидами могут носить количественный характер, однако индивидуальность как таковая определяется через категорию «качества». Следуя логике С. Кьеркегора, психофизиология индивидуальных различий, изучающая степень вариативности тех или иных качеств у отдельных индивидов, не тождественна психологии индивидуальности, рассматривающей последнюю как неделимую целостность, осознанную в себе тотальность. Первая, реализуя методологию Р. Декарта, изучает соотношение психического и физиологического в снятом виде как эмпирическую данность. Предметом второй, согласно С. Кьеркегору, является «история индивидуальной жизни» как движение от одного состояния (качества) к другому, каждое из которых полагается через «прыжок» (является результатом совершенного выбора). Иначе говоря, предметом психологии индивидуальности является история развития человеческого духа (Я), по отношению к которой все изменения на уровне первичного синтеза (соотношения души и тела, психического и физиологического) являются производными.

Зарождение качественной методологии в психологии часто возводят к описательной психологии В. Дильтея. Однако по сравнению с С. Кьеркегором В. Дильтей сохраняет более тесную связь с традиционной дифференциальной (количественной) психологией. Так, постулируя необходимость понимания душевной связи в ее целостности, он видит ее в различной комбинации трех основных составляющих — интеллект,

чувства, воля. Индивидуальные различия выступают как количественные различия «качественностей» общих для всех. Для С. Кьеркегора целостный характер индивидуальности по сути своей противоречит разложению ее на какие-либо частные составляющие.

**Случайное и обоснованное
исключение.
Диалектика общего и
индивидуального и оппозиция
номотетического и
идиографического подходов**

Как мы показали выше, центральным пунктом расхождений С. Кьеркегора с предшествующей ему рационалистической философией стало признание им приоритета индивидуального перед общим. При этом речь не идет о любом индивидуальном отличии. Для точного понимания взглядов С. Кьеркегора существенно различие им случайного и обоснованного исключения.

Под случайным исключением С. Кьеркегор подразумевает непосредственную природную одаренность или какое-то иное преимущество человека, обусловленное рождением или условиями жизни и воспитания данного индивида. Отношение С. Кьеркегора к такого рода исключительности скорее отрицательное. «Быть исключением унижительно для человека, — пишет он, — всякое особое преимущество низводит человека в разряд исключений или унижает его» (Кьеркегор, 1994, с. 361). Наличие определенных преимуществ перед другими — это не предмет гордости, а выражение возложенной на человека ответственно-

сти. Любое исключительное достоинство должно быть обращено в средство достижения общечеловеческих задач.

Отношения между общим и исключением изначально чреваты столкновением и конфликтом. Общее в основе своей настроено полемически по отношению к исключению. Его первая реакция на всякое проявление исключительности — неприятие и гнев. Необоснованное исключение как раз и проявляет себя тем, что избегает прямого столкновения с общим, в результате чего общее подчиняет его себе, своим целям. Таким образом, его бытие, его кратковременные проявления так и остаются в этом мире чем-то случайным. А общее оказывается в своем праве игнорировать его непроясненное Я.

Обоснованное исключение, напротив, вступает в открытую борьбу с общим, отстаивая и утверждая свое право на существование. В случае успеха оно обретает законные основания своего существования, привлекая на свою сторону симпатии общего.

Иначе говоря, развитие индивидуальности с необходимостью пролегает через сферу общего и предполагает нахождение согласия с общим. Подлинная индивидуальность не обходит общее и не противостоит ему, а пропускает его через себя со всей страстью и остротой существования. Оно проясняет общее, проясняя себя. При таком понимании познание индивидуального и общего перестает выступать как две разные задачи. «Если хотят основательно изучить общее, стоит только поискать хорошо обоснованное исключение,

оно продемонстрирует все яснее, чем само общее», — заключает С. Кьеркегор (http://gendocs.ru/v16433/серен_кьеркегор_повторение). Приведенная цитата убедительно демонстрирует отличие позиции С. Кьеркегора в понимании диалектики общего и индивидуального от взглядов сторонников идиографического подхода неокантианцев Г. Риккерта и В. Виндельбанда, настаивавших на несовместимости познания общих законов и индивидуального случая. Однако если идиографическая традиция получила активное развитие в психологии (описательная психология В. Дильтея, философская психология С.Л. Франка, феноменологический подход и т.д.), то линия С. Кьеркегора в этом аспекте фактически не имела продолжения. При этом сама оппозиция номотетической/объяснительной и идиографической/описательной психологии уже в XX в. получила новое рождение в противостоянии естественнонаучной и гуманитарной психологии.

Подчеркнем еще раз. Индивидуальность, по С. Кьеркегору, не исключает, а включает в себя общее, оказываясь насквозь пронизанной им. «Чем более живым воплощением общечеловеческого является в своей жизни человек, тем более он заслуживает имени необыкновенного человека; чем же больше уклоняется он от общечеловеческого, тем более можно считать его несовершенным, — он хоть, пожалуй, и будет необыкновенным человеком, но в дурном смысле», — утверждает он (Кьеркегор, 1994, с. 412–413). История индивидуальной жизни как история развития человеческого

духа есть не внешняя, но внутренняя история, и как таковая она требует объяснения. В двух названных пунктах заключен корень расхождений между С. Кьеркегором, с одной стороны, и идиографическим и феноменологическим подходами, с другой. Последний, в частности концепция М. Хайдеггера, хотя и вырос из философии С. Кьеркегора, однако представляет собой определенную (подчеркнуто субъективистскую) трактовку ее идей. Феноменология и объяснение находятся у С. Кьеркегора в более сложном отношении, о чем мы еще скажем чуть ниже.

Пути развития индивидуальности

Формой существования индивидуальности, подчеркивает С. Кьеркегор, является становление. Он различает два основных пути развития личности — эстетический и этический.

Первый — это путь непосредственного раскрытия природных особенностей и талантов человека. Второй — сознательное подчинение врожденных и приобретенных способностей индивиду задаче реализации общечеловеческих ценностей, к каковым С. Кьеркегор относит труд как призвание (т.е. имеющий значение не только для себя, но и для других), брак и семейные отношения, дружбу как единство мировоззрений. Первое, по С. Кьеркегору, есть «игра в индивидуальность». Второе — становление подлинной индивидуальности.

Идеалом эстетического развития является достижение собственной исключительности. Эстетик культивирует свою «случайную», природную

индивидуальность, результатом чего оказывается «гримаса, а не человек». Утрата таланта оборачивается для него трагедией, а столкновение с другим талантом — борьбой и соперничеством. Подчиняя всех и вся своему таланту, эстетик разрушает общечеловеческие связи с другими людьми. Его мировоззрение, основывающееся на различиях (у одних есть талант, у других — нет, у одного больше талантов, у другого меньше), вносит в жизнь разлад.

Иное дело этический путь. Он начинается с момента, когда человек осуществляет этический выбор. Оказываясь на перепутье между собой и миром («или — или»), человек выбирает себя. Человеческая индивидуальность, по словам Кьеркегора, есть одновременно и «ничто», и «нечто». «Этого “я” не было прежде, оно явилось лишь с выбором, и в то же время оно было, потому что ведь это — он сам» (Кьеркегор, 1994, с. 298). Данное рассуждение С. Кьеркегора вызывает параллель с идеями гуманистической психологии, в частности, утверждением А. Маслоу: человек является одновременно тем, что он есть, и тем, чем он стремится быть (Maslow, 1968).

Выбрав свое Я, человек открывает его бесконечность. С одной стороны, это Я имеет определенную историю в лице истории прошлых поколений, воплощением и итогом которой он является. С другой, его Я является первым звеном в цепи будущей истории. Индивидуальное Я обеспечивает непрерывность и преемственность человеческой истории. Принимая свое Я, а вместе с собой всю историю своих отцов, историю человечества,

индивид превращает что-то в ней в предмет раскаяния, а что-то в предмет гордости, дальнейшего утверждения и развития. Осуществляя этический выбор, индивид выбирает себя как действующее лицо одновременно и своей, и общечеловеческой истории. «Вот она — тайна совести, тайна индивидуальной жизни, заключающаяся в том, что последняя является в одно и то же время и индивидуальной, и общечеловеческой» (Кьеркегор, 1994, с. 335).

Акт выбора, по С. Кьеркегору, есть центральный момент в становлении подлинной индивидуальности и одно из самых ярких экзистенциальных переживаний. В момент выбора человек испытывает глубокий экзистенциальный страх перед вечностью, в которую он вступает и к которой он приобщается, совершая выбор. «Человек чувствует себя как будто захваченным чем-то грозным и неумолимым, чувствует себя пленником навеки, чувствует всю серьезность, важность и бесповоротность совершающегося в нем процесса, результатов которого нельзя уже будет изменить или уничтожить во веки веков» (Там же, с.287). И здесь вновь возникает ассоциация с А. Маслоу, его «комплексом Ионы» — страхом человека перед реализацией заложенных в нем возможностей. Этот страх перед рождением самого себя С. Кьеркегор называл «духовными родами».

Человек может отказаться делать выбор, отказаться от тех возможностей, которые открывает перед ним этический путь развития. Он свободен как выбирать, так и не выбирать. Бывает так, что жизненный выбор назрел, однако сам человек не совершает

выбора. В этой ситуации возможны два исхода. Первый — жизнь, логика жизненных событий делает выбор за человека, и ему ничего не остается, как только констатировать задним числом: «Так случилось!» Второй — выбор так и остается несовершенным, а развитие духа — заблокированным. Тогда неизбежным следствием отказа от выбора становится меланхолия («тихое отчаяние») как болезнь духа. Близкую мысль мы находим у Э. Фромма, утверждающего, что вся человеческая жизнь есть процесс становления человеком, а попытки уклониться от этого пути чреваты страданиями и психическими недугами (Фромм, 2008). Та же мысль содержится в рассуждениях А. Маслоу о метапатологиях как следствии депривации бытийных ценностей (Маслоу, 2011).

Таким образом, для индивида существует два возможных пути развития. Эстетическая жизнь, когда человек является тем, что он есть в соответствии с данными ему способностями. Эстетическое развитие — это даже не развитие, а движение самой жизни, в котором сам человек не принимает никакого участия. Он просто подчиняется необходимости данных ему внутренних и внешних условий. Этическая жизнь — путь выбора, долга и ответственности. Это то, благодаря чему человек становится тем, кем он становится. Первый путь выбрать легко, он не требует напряжения, здесь жизнь решает за тебя и распоряжается тобой. Это непосредственное развитие. Второй путь много труднее, он требует постоянной работы сознания, подтверждения своего выбора каждым новым

выбором. Это свободное и сознательное развитие. Следуя этому пути, человек может изначально незначительные способности сделать предметом своего сознательного выбора так, что они станут для него существенными. Тогда как для эстетика даже крупный талант, если на него не смотрят как на жизненную задачу, то, за что человек несет ответственность, не является существенным началом.

Представление С. Кьеркегора об эстетическом, непосредственном, и этическом, свободном и сознательном, путях развития переключается с положением Л.С. Выготского о натуральной и культурной линиях развития личности. Однако между взглядами одного и другого есть существенная разница. Так, С. Кьеркегор показывает, что усвоение культурного содержания возможно (и первоначально происходит) на основе природных законов необходимости — эстетический путь развития. Этот тип развития может порождать ярких одаренных личностей (художников, поэтов и т.д.). Однако такие люди являются заложниками своего таланта, они зависимы от него, а потому несвободны. Переход на иной тип развития на основе принципов свободы и ответственности не приходит извне по принципу интериоризации. С. Кьеркегор выступает по существу заочным оппонентом Л.С. Выготского, опровергая тезис о том, что свобода рождается из овладения по принципу: «один овладевает — другой овладеваем» (Выготский, 1986). По мысли С. Кьеркегора, свобода возникает из ничего! Это своеобразный «прыжок» в бездну с опорой только на собственное Я.

Понятие свободы

Свобода — одно из центральных понятий философии С. Кьеркегора. Анализ содержания этого понятия можно было бы посвятить отдельную работу. Здесь мы ограничимся определением основных положений, характеризующих специфику кьеркегоровского понимания свободы.

1. Свобода — это закон существования подлинной индивидуальности. «Это не свобода совершать то или иное в этом мире... нет, это свобода знать о самом себе, что он есть свобода» (Кьеркегор, 2010, с. 298).

2. Свобода бесконечна (т.е. не имеет границ) и возникает из ничего (Там же, с. 232). Свобода обретается через отказ от любых внешних опор в самостоянии.

3. Не существует свободы вообще. Свобода абстрактно есть объект мышления. В действительности свобода всегда конкретна.

4. Оппозиция свободы и необходимости действительна только в контексте мышления. В контексте бытия противоположностью свободы является вина как отказ от свободы и, следовательно, от своего Я. Декартовскому «мыслю, следовательно, существую» С. Кьеркегор противопоставляет христианский в основе своей тезис: «верить значит быть».

5. С точки зрения мышления, содержание свободы есть истина. Истина делает человека свободным. С этической точки зрения, свобода есть добро, а добро — это сама свобода.

6. В философии Р. Декарта свобода выступает как свобода мышления, у С. Кьеркегора — как воля к истине. Знание добра не гарантирует совершения доброго поступка. Причина

того, что мысль не переходит в действие, лежит, по мнению С. Кьеркегора, в извращении воли как недостатке желания добра. В этом рассуждении С. Кьеркегора по существу намечается постановка вопроса о мотивационной основе мышления и действия, который в отечественной психологии только через 100 лет будет вновь поднят Л.С. Выготским (Выготский, 1982).

7. Свобода обнаруживает себя в целом ряде психологических феноменов: страх — реакция на открывающуюся перед человеком перспективу свободы, вина — реакция на отказ от свободы, раскаяние — начало обратного движения к свободе, вера — свобода в ее позитивном выражении.

8. Свобода — это не социальное явление. «Свобода существует только для единичного индивида и в той мере, в какой он сам создает ее своим действием» (Кьеркегор, 2010, с. 259).

Индивидуальность и социум

Вопрос об отношении С. Кьеркегора к роли социума в развитии индивидуальности заслуживает отдельного рассмотрения. При современном состоянии общества эта роль, по его мнению, скорее негативна. Общество не заинтересовано в открытии человеком своего неповторимого Я, напротив, оно всячески уводит его от этой цели. «Увы, сколько развлекаются или же развлекают толпы чем угодно, кроме того, что действительно важно!... Их гонят стадами... и обманывают всех скопом, вместо того, чтобы рассеять эти толпы, отделить каждого индивида, чтобы он занялся наконец достижением

высшей цели, единственной цели, ради которой стоит жить» (Кьеркегор, 2010, с. 305). Под грузом забот и наплывом соблазнов человек забывает о себе, ему кажется проще и надежнее стать похожим на других. И он отказывается от себя в угоду обществу. Это оказывается тем легче, что такая потеря, как потеря своего Я, проходит совершенно незамеченной другими, ведь это не потеря состояния, положения в обществе или здоровья. «Круглый как галька, такой человек катится повсюду как разменная монета» (Там же, с. 310). Взамен своего Я он обретает особую ловкость, благодаря которой его всюду принимают и он достигает успеха. И наш век «наполнен как раз людьми такого рода, в целом преданными миру, умеющими применять свои таланты, накапливающими деньги, уже достигшими успеха или же собирающимися преуспеть и т.д. Их имя, возможно, и останется в истории, но были ли они поистине собой?» — задается вопросом С. Кьеркегор (Там же, с. 311).

Идеал общественного устройства С. Кьеркегор видит совсем не в том, чтобы сделать всех людей одинаковыми. «Если мы желаем порядка в жизни... то мы должны заботиться прежде всего о том, чтобы сделать из каждого человека отдельного, единственного» (Там же, с. 391). Однако при этом философия С. Кьеркегора ни в коей мере не является философией индивидуализма, в большей степени проявившегося как раз у его последователей. Для С. Кьеркегора равенство и одинаковость — вещи принципиально разные.

В отличие от философов-просветителей, исходивших из идеи при-

родного равенства людей, С. Кьеркегор утверждал, что отправной точкой развития личности является не природное равенство, а природное различие людей (природная, или случайная, исключительность). Открытие «пугающего равенства всех людей без изъятия» является итогом духовного развития человека (Кьеркегор, 1994, с. 311). Чем выше та ступень, на которой находится человек, тем меньше он придает значения индивидуальным различиям и особенностям. Человеческое равенство, считал Кьеркегор, не достижимо на путях простого уравнивания внешних условий существования людей. Более того, обладание всеми внешними условиями жизни вопреки распространённому мнению не делает человека счастливым. «Несчастье человека совсем не в том, что он не обладает всеми внешними условиями жизни, напротив, обладание этими условиями сделало бы его вконец несчастным» (Там же, с. 266). Желание что-то получить от жизни и страх потерять порождают ненависть к другим людям, жизнененависть, т.е. полную противоположность этическому идеалу Человека.

Между этическим долгом и долгом абсолютным

Духовное развитие человека включает, согласно С. Кьеркегору, принятие двойного долга:

– этического долга — долга перед другими, обществом;

– абсолютного долга — долга перед Богом.

Этический долг есть категория всеобщая. Он распространяется на каждого и состоит в подчинении

себя, своей единичности общей цели. При этом по отношению к самому единичному индивиду эта цель остается чем-то внешним.

Абсолютный долг — это личный долг человека перед Богом. Он состоит в открытии и реализации своей уникальной задачи в этом мире и в этом смысле также имеет конечной целью благо общего. Осуществление этического долга способствует сохранению стабильности общего. Реализация абсолютного долга, внося в мир дух неповторимого, индивидуального, трансформирует общее, является источником его развития.

Долг человека перед Богом — это одновременно и долг перед собой. Его смысл — быть собой. В этом и заключено равенство «всех людей без изъятия», равенство неодинаковости, уникальности бытия каждого человека.

В монографии «Человек и мир» С.Л. Рубинштейн писал: «У экзистенциалистов бытие не подчинено действительности субъекта; в силу этого оно является только объектом для его сознания» (Рубинштейн, 1973, с. 360). Данная критика справедлива по отношению к современным ему представителям экзистенциализма, в частности, М. Хайдеггеру, идеи которого он, главным образом, и анализировал. Напротив, пафос философии С. Кьеркегора как раз и заключается в том, чтобы призвать людей жить по вере, а не только считать себя верующими. Существование, по С. Кьеркегору, не ограничивается чистой субъективностью, оно включает в себя и внешнее материальное существование. Оно есть единство внешнего и внут-

ренного. И в этом С. Кьеркегор при всей противоположности их методологических оснований парадоксальным образом сходится с поздним С.Л. Рубинштейном.

Заметим, что кьеркегоровская идея абсолютного долга как долга перед собой, но уже свободная от христианской апологетики, неоднократно воспроизводилась в психологии. Ее отголоски можно встретить и в концепции самоактуализирующихся личностей А. Маслоу как мысль о единстве человека со своим призванием, и в онтопсихологии А. Менегетти как призыв к жизни в соответствии с собственной природой. Идея долга перед собой появляется и в литературе, наиболее ярко в «Норе» Г. Ибсена.

Однако идея предстояния человека перед Богом имеет у С. Кьеркегора и другой аспект. Христос есть высшее воплощение человечности. Этический и естественный человек имеет своей мерой другого человека, который как человек всегда частичен и ограничен. Религиозный человек, беря для себя мерой Бога, соотносит себя с этим высшим критерием. Через него, через стремление соответствовать ему он обретает целостность.

«Воспитание возможностью»

Целостность, по С. Кьеркегору, — это не просто состояние, но итог духовного развития. «Христос есть путь», — говорит он (Кьеркегор, 2011). Целостность обретается в перспективе будущего через преодоление человеком временного и конечного. С. Кьеркегор называет это «воспитание возможностью». Чем

больше испытаний выпадает на долю человека (чем больше он сможет пережить как хорошего, так и плохого), тем ближе он к полноте бытия, тем ближе он к своей целостности, тем ближе он к Богу, который сам претерпел все, что только возможно.

Общество, по мнению С. Кьеркегора, не способно дать человеку искомую целостность. Оно не формирует в индивиде и общих начал. Как показал в своей материалистической философии К. Маркс, то, что в обществе принято выдавать за общее, на деле представляет собой генерализованный частный интерес. Не видя в современном ему обществе материальных предпосылок для формирования истинно общего, С. Кьеркегор апеллирует к фигуре Христа как единственного носителя подлинно общечеловеческих начал.

По сути, и К. Маркс, и С. Кьеркегор проводят одну мысль: общее — это определенное содержание, социальность — форма выражения, которая может как выразить, так и не выразить это содержание. Однако С. Кьеркегор в своих выводах идет дальше. В условиях, когда общество не выражает общего, выразителем общего становится индивидуальность, всегда имеющая перед собой пример Христа. Именно поэтому «индивид выше общего», если понимать под общим общность людей, а не общечеловеческое содержание. Культурно-историческая теория в психологии, проследив происхождение высших психических функций и сознания человека из социальных отношений, не ставила вопроса о характере интериоризируемых отношений. Между тем практическим психологам, работающим с конкретны-

ми людьми, хорошо известно, что конфликтные отношения склонны порождать внутренний конфликт, нарушая тем самым целостность личности. Как и во времена С. Кьеркегора, в современном обществе отношения между людьми далеки от идеальных. Что же мы интериоризируем, неся в себе как нашу «внутреннюю историю»? И какие татары и славяне, «красные» и «белые», православные и атеисты еще борются в нас? На земле еще не существовало идеального общества и идеальных отношений между людьми. Именно поэтому христианский мыслитель С. Кьеркегор возлагает задачу развития своего Я на самого человека, предлагая ему в качестве примера любовное отношение к человеку Бога. Такое отношение не дано человеку в его повседневном опыте. В него можно только верить, что оно возможно...

Заключение

Обобщая сказанное, какой образ психологической науки складывается на основе идей, высказанных в работах С. Кьеркегора?

1. Психология — это наука об «индивидуальной жизни» человека.

2. Психология не является чисто эмпирической дисциплиной. Развитие индивидуальности проходит ряд стадий: эстетическую, этическую и религиозную. Это определяет неразрывную связь психологического познания человека с этикой и религией.

3. Психология как наука об индивидуальности — это конкретная наука. «Самое конкретное содержание, каким может обладать сознание, — это

сознание самого себя как индивида», — пишет С. Кьеркегор (Кьеркегор, 2010, с. 263–264). Показательно, что в период открытого кризиса идея конкретной психологии вновь возвращается в науку. С программой конкретной психологии в России выступили Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, на Западе — Ж. Политцер. Однако с середины 30-х гг. ориентация на построение конкретной науки сходит на нет, а уже в начале 90-х гг. отечественные психологи констатируют схизис академической (абстрактной) и практической (конкретной) психологии (Василюк, 1996).

4. Основной объяснительной категорией феномена индивидуальности у С. Кьеркегора является категория «качества». Отсюда следует необходимость разработки качественной методологии исследования в противоположность количественной.

5. Психология — это наука о развитии индивидуальности. Методология психологического исследования представляет собой единство описания и объяснения. Большинство психологических феноменов (в частности, страх) имеют двойственную природу и могут свидетельствовать как об открытии человеком новых возможностей и расширении его Я, так и о замыкании в наличном состоянии и потере индивидуальности. Любой переживаемый индиви-

дом феномен (страх, вина, отчаяние и т.д.) должен быть объяснен психологом как знак позитивного или негативного движения в развитии индивидуального Я. Данное положение позволяет говорить, в частности, о нетождественности фундаментальных принципов философии С. Кьеркегора и классика феноменологического подхода М. Хайдеггера, которого часто рассматривают как одного из его прямых продолжателей.

Анализ религиозно-философских воззрений С. Кьеркегора показывает наличие у него методологически перспективной для психологии концепции индивидуальности. Целый ряд моментов: эмпирическая направленность психологии и ее разрыв с философией, идеологические стереотипы, языковой барьер и т.д. оказались причиной недостаточного внимания психологической науки к взглядам неординарного датского мыслителя. Однако стихийно идеи С. Кьеркегора все же проникали в психологию. Чаще всего их проводниками становились другие ученые, вносящие в них при этом свой акцент; иногда их просто переоткрывали заново. Данной статьей мы стремились привлечь внимание психологов к смелым, полемическим, хотя, возможно, и не бесспорным идеям философа, психолога и христианина С. Кьеркегора.

Литература

- Асмолов, А. Г. (2001). *Психология личности: принципы общепсихологического анализа*. М.: Смысл.
- Василюк, Ф. Е. (1996). Методологический смысл психологического схизиса. *Вопросы психологии*, 6, 25–40.

- Выготский, Л. С. (1986). Конкретная психология человека. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 1, 51–64.
- Выготский, Л. С. (1982). *Собрание сочинений* (в 6 т., т. 2). М.: Педагогика.
- Кьеркегор, С. (1994). *Наслаждение и долг*. Киев: AirLand.
- Кьеркегор, С. (2011). *Евангелие страданий (христианские беседы)*. М.: Свято-Владимирское изд-во.
- Кьеркегор, С. *Повторение*. Режим доступа: http://gendocs.ru/v16433/серен_кьеркегор_повторение.
- Кьеркегор, С. (2010). *Страх и трепет*. М.: Культурная революция.
- Маслоу, А. (2011). *Новые рубежи человеческой природы*. М.: Смысл.
- Рубинштейн, С. Л. (1973). *Проблемы общей психологии*. М.: Педагогика.
- Фромм, Э. (2008). *Искусство любить*. СПб.: Азбука.
- Шестов, Л. И. (1994). Кьеркегард – религиозный философ. В кн. Кьеркегор, С., *Наслаждение и долг* (с. 423–451). Киев: AirLand.
- Maslow, A. (1968). *Toward a psychology of being*. New York: Van Nostrand Reinhold.

Methodological Importance of the Ideas of S. Kierkegaard for the Development of Psychological Science

Milena G. Chesnokova

Senior Research Fellow, Faculty of psychology, Lomonosov Moscow State University
E-mail: milen-ches@bk.ru

Address: 11, st. 9 Mokhovaya str., Moscow, Russian Federation, 125009

Abstract

The aim of the paper is to analyze the methodological significance of philosophical and religious views of S. Kierkegaard for psychology. The author analyzes S. Kierkegaard's view of Cartesian philosophy as a foundation for empirical psychology of consciousness and ensuing psychophysiological approach to the study of human mind. The role of S. Kierkegaard in reviewing the subject matter of psychology as a science and in development of qualitative methodology is revealed. S. Kierkegaard's concept of individual is scrutinized. He understands individuality as a «qualitative distinctness» gained in the process of a moral choice between oneself and the world («death for the world») experienced as «jump into nowhere». For S. Kierkegaard, human being is, first of all, a living entity, whereas cognition is of secondary importance. Thus, the central theme of psychology is individual Self in its development, rather than consciousness, and the central problem is that of freedom. The way towards the development of individuality goes through the domain of the conventional and involves finding agreement with the latter. The solution of this task results in the individual either remaining an «accidental exception» which has no influence over the development of conventions, or becoming a «grounded exception» by vindicating oneself in the face of conventions and engage in work on universal tasks. The Kierkegaardian view on the role of society in individual development is compared to that of

Enlightenment philosophers and Russian psychologists, particularly, L.S. Vygotsky. The paper traces the influence of S. Kierkegaard on the ideas of Western and Russian 20th-century psychology.

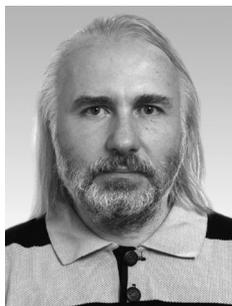
Keywords: individuality, choice, existential psychology, qualitative methodology, ethics.

References

- Asmolv, A. G. (2001). *Psikhologiya lichnosti: printsipy obshchepsikhologicheskogo analiza* [Personality psychology: The principles of general psychological analysis]. Moscow: Smysl.
- Fromm, E. (2008). *Iskusstvo lyubii'* [Art of loving]. Saint Petersburg: Azbuka.
- Kierkegaard, S. (1994). *Naslazhdenie i dolg* [Enjoyment and duty]. Kiev: AirLand.
- Kierkegaard, S. (2011). *Evangelie stradanii (khristianskie besedy)* [Evangelion of suffering (Christian talks)]. Moscow: Sviato-Vladimirskoe izdatel'stvo.
- Kierkegaard, S. *Povtorenie* [Repetition]. Retrieved from: http://gendocs.ru/v16433/seren_k'erkegor_povtorenie
- Kierkegaard, S. (2010). *Strakh i trepet* [Fear and trembling]. Moscow: Kul'turnaia revoliutsiia.
- Maslov, A. (2011). *Novye rubezhi chelovecheskoi prirody* [Farther reaches of human nature]. Moscow: Smysl.
- Maslov, A. (1968). *Toward a psychology of being*. New York: Van Nostrand Reinhold.
- Rubinstein, S. L. (1973). *Problemy obshchei psikhologii* [The problems of general psychology]. Moscow: Pedagogika.
- Shestov, L. I. (1994). Kierkegaard — religiozniy filosof [Kierkegaard as a religious philosopher]. In S. Kierkegaard, *Naslazhdenie i dolg* [Enjoyment and duty] (pp. 423-451). Kiev: AirLand.
- Vasiliuk, F. E. (1996). Metodologicheskii smysl psikhologicheskogo skhizisa [Methodological sense of psychological split]. *Voprosy Psikhologii*, 6, 25–40.
- Vygotsky, L. S. (1986). Konkretnaya psikhologiya cheloveka [Concrete human psychology]. *The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*, 14(1), 51–64.
- Vygotsky, L. S. (1982). *Sobranie sochinenii v 6 tomakh* [Collected works in 6 volumes]. Moscow: Pedagogika.

THE PSYCHOLOGICAL STATUS OF A PSYCHOTHERAPIST

A.B. ORLOV, N.A. ORLOVA



Alexandr B. Orlov — Dr., Professor at the National Research University
Higher School of Economics
E-mail: aorlov@hse.ru
Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation, 101000



Natalya A. Orlova — Ph.D., Senior Lecturer at the Moscow Institute of
Physics and Technology,
E-mail: n.orlova@newmail.ru
Address: 9 Institutskiy per., Dolgoprudny, Moscow Region, Russian
Federation, 141700

Abstract

Traditionally, the psychological status of the therapist is defined as a personality. However, the therapeutic relationship is very specific (unconventional) and therefore cannot be regarded merely as a form of interpersonal relationship. This contradiction poses the problem of the therapist's psychological status. The authors reveal the following polar dimensions of subjectivity: individuality (personality) and individity (essence). Personality/individuality are objects of traditional humanity. Individity is a specific, integrated embodiment of the human essence. It serves as an instance, responsible for the process of individuation, and is the result of individuation. The main features of individity are: numinous, transpersonal experiences; sensitivity and openness to experience; authenticity and congruence; and ability to love. The most important condition of the psychotherapeutic process is the psychological status of the psychotherapist. This status is the result of actualization. It is not the therapist's individuality, but his/her individity that is in communication with a client. The therapist's individity is characterized not only by unconditional positive regard, empathic understanding of the client and congruent self-expression, but also by an altered (unconditional) state of the therapist's consciousness where his/her intuitive, positive and essential characteristics are present in the therapeutic situation.

Keywords: psychotherapist, personality, individuality, essence, individity.

To be a good psychotherapist, you need to be a good person.
Ilya, boy of 10 years old

Introduction: Two paradigms

Complex studies of personality (Orlov, 2003) and individuality (Starovoienko, Shadrikov, 2009) show the relevance of these topics to the current situation. Humanity is entering an age where not just quality and way of life can be significantly changed, but the very nature of a human being.

In our point of view, what was fundamentally new in the twentieth century was not just the large-scale social transformation of human technology, but a new understanding that we did not know what being “human” actually is. This understanding is reflected by both a large-scale study of man, and by increasingly penetrating public consciousness. It can be seen that man is forced to admit his ignorance based on genuine scientific knowledge. This new epistemological situation in the human sciences is appearing to be more and more accepted.

In the XX century, perhaps more than ever before, two opposing scientific paradigms denoted clearly. According to the natural sciences (cognitive) paradigm, a person is a “determinate being”, a part of nature, an element of the world. And in this sense it is knowable, fixed in knowledge and subject to change.

According to the humanitarian (hermeneutic) paradigm, a person is not a “present being” but an “existence” which embodies the “essence”. If the first scientific paradigm continues focusing on the tradition of knowledge and change (formation) in a person (which was clearly the case in the past), the sec-

ond paradigm makes a very different emphasis, focusing on: understanding, trust and promoting the implementation of what it is to be human.

The parallel existence of both of these trends suggests we evolved into the current situation, with its real threats to “change” in a man, without any basic understanding of what man is in its natural form.

Turning to the study of this problem some time ago (Orlov, 2002), we concluded that only through general psychology can an integral view of man be found.

Such general psychological theory can be based on broad cultural, sociological and psychological research, and also on the psychotherapeutic research of man during the process of psychotherapy. It is curious that such a broad perspective can be compared with a seemingly narrow aspect of human activity, such as therapeutic relationships. However, as will be shown below, psychotherapeutic communication is different from the types of communication conventionally accepted in society, and fully discloses all aspects of the human being as he/she actually is. Therefore, we begin considering a therapist as the person who is most fully immersed in the psychotherapeutic process.

Traditional allocation of the psychological characteristics of the therapist

R. May (1994), in his first classical work, directly points to a number of

personal qualities of a counselor. Among these qualities are: an interest in people, an ability to learn by doing, his/her own therapy and constant self-examination.

In addition, as noted by R. May, a therapist is a person who is “enlightened”, “internally purified and repentant”, “devoid of pride”¹. In other words, the personality of a therapist, according to R. May, is not a result of complications, enrichment, differentiation or development of existing properties. On the contrary, such a person is formed due to simplification, release, integration, recovery and an awareness of his/her inherent qualities that were present *before* (i.e., specific to its basic, underlying, nuclear, *essential* units). In the psychotherapeutic process, those manifested qualities can be observed phenomenologically as conditions of change in the interactions of therapist and client.

Three main phenomenologically observed stages of therapeutic work

Our experience of therapeutic work with clients in the following three non-directive formats – client-centered (Rogers, 2001), expressive (Rogers, 1993) and ontotherapy (Meneghetti, 2007) – allows us to suggest that the process of psychotherapy consistently passes through three main stages (Orlov, 2002; Volkova et al., 2010).

At the *first stage*, the client’s problem is localized in the area of *interper-*

sonal relations, or at the level of the client’s interaction as individuality (personality) with other individualities. The client uses evaluative, stereotyped, cliched sign language. The therapist sets *emlogic contact* with the client and is attentive to the provision of client information. Emlogic contact implies *unconditional acceptance of cognitions* – i.e. views and opinions, questions and doubts, expectations and plans of the client.

At the *second stage*, the client’s problem is transferred to a sphere of intrapersonal relationship – a relationship between the different contents of his/her own inner world. At this stage, the therapist sets *empathic contact* with the client, empathically understanding actual, experienced emotional states of the client. The therapist’s attention is focused on emotional experiences that the client may reflect with a more relaxed posture and facial muscles, minimized muscle clamps, richer overtones in voice and depth of breath etc.

Because of this, the client tends to begin his/her communication by asking the therapist questions at this stage, leading to formulation of *the request*, i.e. a very special form of question, to which neither he/she, nor the therapist is ready to answer. Thus, from the impersonal level, the client moves to the personal level – associated not with the “general situation”, but with his/her concrete (from Lat. *con-crescere* – “fused together”) situation as a complex web of different conditions and circumstances.

¹ The allocation of personal qualities of the therapist has been developed further in numerous studies of psychotherapy effectiveness factors (see: Luborsky et. al, 1975, 1986, 1997, 1999, 2002). This concept continues to find its realization in concrete studies to date (see: Aveline, 2005; Cooper, 2010).

At the *third stage* of the psychotherapeutic process, the psychotherapist establishes *emphatic contact* with the client. Here, the therapist is deeply immersed in the internal world of the client, congruent to express his/her intuitive responses which are relevant to the most cherished and meaningful client aspirations. During psychotherapeutic contact, the therapist's perception is open to new experiences, full of meanings that cannot yet be understood by client or therapist. At this third stage, the client's problem progresses to the field of *transpersonal* relationships and is tagged as the person's relationship with his/her personality as a whole. A transpersonal relationship is impossible without the transpersonal "*fulcrum*", which can perform only as the essence of a person. At this stage, the client's personality questions itself, language is saturated with the author's metaphors, the range of self-presentations is growing, expanding and deepening, and self-perception is enriched with unique sensations and experiences. This can help the client progress to a new world of experiences, which combines a form of self-discovery — a sense of vitality, fullness and self-worth etc. Those experiences can take the form of altered states of consciousness such as a rebirth, a new birth, a new acquisition of the "self", and the rejection of the former "personality". The third stage of therapy is also characterized by the appearance of symbolic images ("living characters", if using Jung's thesaurus), which — in contrast to the client's metaphors — are perceived as "miraculous", not created or generated by the client, full of meaning, a superior understanding of the actual situation, thus generating new

life opportunities. At this stage, the essence-indivinity of human being is revealed, and the process of transcendence, or access to forms of transpersonal experience, is begun (i.e. from the experience of another person as a unique Front-Face being, to a Divine experience).

The concept of therapist's "Self"

C. Rogers (2012), who devoted his entire life to the study of necessary and sufficient conditions for positive personal change in a client in therapy, showed us the triad which became known as the paradigmatic *personal attitudes* of a therapist: unconditional positive regard, empathic understanding and congruent self-expression. In his later work (Rogers, 2001; see: Baldwin, 1987), Rogers pointed out two more important elements of effective psychotherapy: an altered state of consciousness of the therapist, and the special presence of the therapist "Self" in a relationship with the client.

In this connection, it is appropriate to formulate the following question: How does one define the "Self" of the therapist in a therapeutic relationship with the client?

Addressing this question, C. Rogers (see: Baldwin, 1987) notes that the "Self" he uses in therapy does not include all of his personal characteristics. In other words, his therapeutic "Self" is not the same as his personality, it is only a part of it. This part, as Rogers claimed (*ibid.*), includes only internal and unprotected personal characteristics because a therapist ceases to be a therapist if he begins to defend himself. In other words, conventional communication and conventional interpersonal

interaction between a therapist and a client is counter-therapeutic. Moreover, such communication is dangerous both during the therapy, and for the therapy. Taking the concept of therapeutic “Self” as a base, C. Rogers also notes that the “Self” he uses in treatment can be described as internal and intuitive. During contact, these very characteristics identify the therapist - according to C. Rogers (*ibid.*), the more effective such contact and identification, the more effective the psychotherapy is (in other words, the more a therapist is being a therapist).

Considering the process of psychotherapy as a process of self-investigation (not just for the client, but also for the therapist), C. Rogers (*ibid.*) points out that this process is a natural way to detect internal intuitions - positive, intrinsic (therapeutic) characteristics of “Self”. In these characteristics of “Self”, the therapist is present in the therapeutic relationship.

Personality (ego) and essence (self) as two “poles” of subjectivity

Traditionally, the psychological status of a therapist is defined as a personality (sometimes as a Personality with a capital letter) (Kochyunas, 1999). This proposition is based on the idea that the psychotherapeutic relationship between a therapist and a client is an interpersonal relationship, i.e. a relationship based on a model of social influence (Strong, 1968) which is similar to all other forms of interpersonal relationship. However, it is quite obvious that the therapeutic relationship is very specific (unconventional) and therefore cannot be regarded merely as a form of interpersonal relationship.

This contradiction sets the problem of the therapist’s psychological status: in what capacity is the therapist communicating and interacting with the client? How can we describe the psychological quality of his/her psychotherapeutic position?

Two components of subjectivity are highlighted invariably in humanistic psychology (Rogers, 1961), existential analysis (Langle, 2005), esoteric psychology (Almaas, 1990; GurdzhiEFF, 2001), analytical psychology (Jung, 1994, 1995), and ontopsychology (Meneghetti, 2007), namely: personality (ego) as a specific conglomerate of psychophysical characteristics and social functions; and essence (self) as a free and responsible entity capable of making autonomous and authentic decisions.

Existing approaches to understanding personality and its many definitions, in our opinion, can be organized in accordance with fairly conventional assumptions about the etymological origin of the word “personality” from the Latin word “*persona*”. “*Persona*” was the name for an actor’s mask in ancient Roman theatre. Thus, personality is related to the external manifestation of the human being which is responsible for the impression that a human being makes on others (such as “hysterical personality”, “aggressive personality”) and which is identical to the social role of human being (“influential personality”, “very important personality”). In this regard, the etymology of the word “personality” is: “*per*” – through and “*sonus*” – sound, i.e. “something through which sound passes”. To describe and to understand a personality means to figure out a set of its features as trans-situational characteristics or

recognizable characteristics (personality type) such as a restless, intelligent, talkative, committed personality type; or an authoritarian, conformal, introverted personality type etc. As the most visible component, personality is described and tested as part of the psychic totality of a human being. Existence of a personality as a mental configuration is not doubted in scientific literature and is axiomatically postulated in any psychological theory.

Without delving too far into ontological discussions around whether or not we need to postulate such “reality” as essence, or whether it should be cut off by “Occam’s razor”, we will try to justify our reasoning logically. We deduce this logical reasoning from personality change as a result of psychotherapy. As we have noted, even a character with an extremely rigid psychological formation is unable to resist effective psychotherapy — this may support the fact that a human being has a “free zone” and is conditioned to the very possibility of change.

Paraphrasing M. Heidegger (1997), we can say that “individuity” refers to “personality” as “ontological” (being) refers to “ontic”.

Psychological, sociological and psychiatric studies of personality according to cognitive paradigm inevitably took out an “essence” for “brackets”. It is important to emphasize, however, that the imposition of an “essence” for “brackets” is only possible in the cognitive paradigm, whereas the hermeneutic paradigm claims the necessity to study human subjectivity (inner world) not as a part, but as an entity.

In objection to this statement, we can certainly argue that such “free zone” may exist within the personality

as a part of it. One could postulate that this part of the personality - creating change and being the “core” of individuality — serves as a source for self-organization and self-regulation, since it is the “self” where human freedom is rooted. In other words, personality as an intricate system of relations has intrapersonal conflicts that can result in personality fragmentation and the emergence of competing sub-personalities. These conflicts can be seen — as assumed in many theories of personality — as drivers for the development and transformation of personality.

However, the whole experience of modern psychotherapy allows to suggest that intrapersonal conflicts stagnate personality rather than transform it, plunging it into the rigidity of neurotic reactions or chaos of fragmentation (thus absorbing a tremendous amount of energy and vitality). This experience also demonstrates that non-professional attempts (of family members and friends) to help such personality can lead to a neurotic situation (“negative psychology” according to Meneghetti) that is extended upon its environment, thus becoming a neurotic situation for the whole group of people. Moreover, even in the case of professional help, it is not always possible to avoid specific “infection” and “distribution” of a pathological situation (Kernberg, 2001). This “distribution” may indicate that the personality change needs some special factor which lies outside the personality as such. The same factor is required for the personality that, like any living organism, strives to preserve its identity and therefore resists any attempts to change it. In this case, the personality was able to break the impasse in which

the conventional “linear” means of addressing were not possible.

Another argument, in favor of the possible existence of a mental configuration other than personality, lies in the field of cultural studies. It is fact that any notion of human psychology as a discipline (despite its scientific character) cannot escape ideological evaluation, or at least estimated connotations. Obviously, in Russian psychology, the traditional context for theories of personality is the context of general psychology (B.G. Ananiev, A.N. Leontiev, V.S. Merlin, S.L. Rubinstein and others). However, as it is quite obvious that very general psychological theoretical assumptions and calculations are essentially determined by wider humanitarian (both practical and ideological) contexts. For the Russian psychology of the Soviet period, these contexts were pedagogical and atheistic contexts first of all. Semantics of these contexts attached a positive value to the concept of “personality”, adjusted its content as an objective, and defined the core processes of it as both *personalization* and *individualization* of the individual – driven by his/her desire to become as a personality and individuality (A.G. Asmolov, V.V. Davydov, A.V. Petrovsky, V.A. Petrovsky, etc.).

In the world of psychological science, we discover a completely different tradition of seeing and understanding personality, determined by other humanitarian (psychotherapeutic and theistic) contexts, in which the general psychological (conventional) concept of personality is endowed with a negative value and understood as a barrier (the problem). The process of real development of a human being is defined as *personification* and *individu-*

ation – the refusal, the struggle, the liberation of a human being from the personality (authentification, self-realization, *metanoia*), due to his/her desire to be himself/herself (A. Almaas, A. Langle, C. Rogers, A. Meneghetti, C. Jung and others) (see: Orlov, 1995, 2002).

We offer to consider both of these lines as two different implementations of *subjectivity* of mental configurations (aspects, poles): *personality* and *essence*. Personality development includes *personalization*; essence development is *personification*. In our view, dramatic confrontation between these two principles is not the only possible scenario of their relationship. Of course, from the point of view of personality, any change can be perceived as a threat to the existence and thus evaluated negatively but, in terms of change of the whole man (“*homo totus*” in Jung’s words), it can be regarded as just an episode of development.

Formation of personality is a process of individualization. *Individuality* is a result of this process. Implementation of the human essence (individuation according to Jung) is a deep inner work (Gindilis, 1996), the result of which – *individity* – is opposition to individuality, the “pole” of subjectivity. In other words, analysis of the organization of subjectivity reveals the following polar dimensions: individuality (personality, human) and individity (essence, being) (see, also, Lee, 2012a, 2012b, 2012c, 2012d, 2012e, 2012f).

Individuality is regarded as an integral “profile” of personality. Such a profile can be regarded as a property of each personality (i.e. it is possible to say that every human being has a personality), as a kind of higher form of integrity.

Without contradicting these propositions, we could assume that individuality is gradually formed around personality. Whatever the individuality of personality is, it lends itself to diagnosis, and the description on the typology of the object (sign) language. Even “brilliant individuality” falls into the class of “genius” and thus can be considered an object of typologization. Personality and individuality are the objects of traditional humanities such as sociology, psychology, political science, history, ethnology, cultural studies etc.

Individity is a specific integrated embodiment of the human essence. On the one hand, it serves as an instance, responsible for the process of individuation. On the other hand, individity can be seen as the result of this process of individuation. Individity presents itself as metaphorical material, which is far from being conventionally clear. The oversaturation of individity’s language by author’s metaphors clearly shows that individity cannot be classified, that we are dealing with a unique process every time.

Like any two poles, individuality and individity are in interaction — from total confrontation or isolation, up to unconditional positive regard. We can assume that any major ideological trends suggest a particular scenario in the relationship. We can also see different ways to implement these scenarios into life. But confrontation and/or isolation, in our opinion, are dangerous and disastrous in practice, and unconditional positive regard is an ideal which — even if not fully embodied in life — makes life worthy to be lived.

In other words, during the process of psychotherapy, the original individu-

ality built on the top of personality is changing. Individity reveals itself as a “new individuality”, which includes the essence — the “center of the initiative” (in terms of H.Kohut) — as its integral part. The main features of integral individity are: numinous transpersonal experiences, sensitivity and openness to experience, authenticity and congruence, ability not to act out their states, and ability to love.

So we have come to the conclusion that, in psychological terms, a therapist can be described not only as an individuality but as an individity. Summarizing the main differences between those mental configurations, we can say that:

– Individuality can be characterized by a relatively small number of features and, therefore, tends to be a clearly delineated psychological type. Individity, by contrast, is characterized by a large variety of characteristics and tends to be a unique combination.

– Individuality is a structure with a large number of contradictions, dualities and even conflicts. Individity, however, can be supposed to be an internally integrate and undivided configuration.

– Individuality is characterized by the bizarre and uneven development of individual traits and characteristics (up to accentuations). This results in opposition between developed, cultivated and accepted personal characteristics which constitute a personal “*façade*”; and underdeveloped, neglected, unnoticed personal characteristics which constitute a personal “*shadow*”. Individity, in contrast, can be characterized as the result of a relatively harmonious development — a totality — in which there is no apparent opposition to the “*façade*” and “*shadow*”.

– Individuality is characterized as a dual phenomenon (“façade” and “shadow”) because of this psychological structure, and is therefore incongruent. As for indivity, incongruence as a psychological problem is minimized.

– Individuality is constantly confronted with situations of unacceptance, it experiences difficulty in acceptance of itself and other people. Indivity, on the other hand, has many more resources for self-acceptance and acceptance of others.

– Individuality which is experiencing persistent difficulties accessing its own shadow features (characteristics, experiences, etc.) has very limited autoempathy. Indivity has no similar constraints and is much more emlogic, empathic and emphilic in self-communicating and in communicating with other people.

For the purpose of clarification, we offer a brief outline of basic concepts in diagram 1.

Indivity as psychotherapist

If we talk about the inner “pole” of subjectivity in more detail, it is difficult to formalize a field of phenomenological data. Of course, over time, a unique experience of any person can be more or less formalized and presented in a form

that will be accepted by another person (for example, the study of Russian sinologist V. Eremeev (2005) on the spiritual experience of Zhou Wen Wang (周文王); or the study of E. Underhill (1955) on European mystical tradition), but it tends to stay out of conventional discourse, as the experience of many alchemists does (Jung, 1997). It is also possible that it will not be perceived by contemporaries and later generations.

At the time, C. Jung proposed to subdivide the experience as symptomatic and symbolic (Jung, 1994), naming the symbols a “nursery”, because “in them” *new* semantic structures are born. Such symbolic material can be sudden, strange, mysterious, and seemingly unrelated to familiar experience. It can be experienced both as “my own”, and as alien (the effect of the “*numinous*” in Jung’s terms), both just as close to current personality as they are infinitely distant from it.

The therapist, actualizing his/her indivity, can accept and absorb such symbolic material. He/she does not try to build a defensive structure or hide behind the usual stereotypes. The therapist’s open “defenselessness”, pointed out by C. Rogers (see: Baldwin, 1987), can help the client to cope with this new situation. Paraphrasing Heraclitus

Diagram 1

Outline of basic concepts

SUBJECTIVITY OF HUMAN BEING

Individuality (ego, personality) ----- Indivity (self, essence)
 “façade” ----- “shadow”

(Heraclitus, 2012, F 91a), it is impossible to enter the same river twice. Therefore, we could declare that the river is new every time – and similarly that the experience of self-actualization is new every time. According to this metaphor, we can say that individuality is a conventional “bank” with a fairly stable shape; and that individity is a “river”, each time filled with new water² and “in those streams we enter and do not enter at the same time” (Heraclitus, 2012, F 49A). The metaphor of the bank and the river is just one of several possible figures of speech and ways of thinking about the interaction between two poles of subjectivity. Metaphorically, this interaction was described by M. Heidegger (1993) as interaction between *Welt* and *Erde*. From the point of view of Christian understanding, it can be described as interaction between the divine and human nature of Christ. In Chinese culture, it can be seen as interaction between *yin* (阴) and *yang* (阳). Each metaphor specifies one or another aspect of the “living symbol”, whose actions are beyond our current abilities of understanding.

Psychotherapist as individity

Any competent communication implies that the specialist knows his/her subject – in this case, an expert psychologist knows a person as the subject of his/her study. Additionally, the therapist must not only know his/her own individuality, but must be in contact with his/her individity in order to perceive complex states of consciousness that are not always clear for

his/her current individuality. Typically, such contact is only possible when various physical and mental clamps are removed.

At the somatic level, these phenomenological characteristics manifest themselves as the phenomenology of *relaxation*, i.e. the removal of muscle clamps, breath deepening, more open postures, deepening of vocalization, more natural facial colour and so on. At the attentional level, we fix the phenomenology of “*free-floating attention*” (Freud, 1958, s. 112; Fink, 2007, p. 10–12), when attention is not bound tightly to a specific fragment of the current experience, but is in contact with this experience as a whole. At the rational level, we see phenomenology of *emlogia* (emlogy), i.e. unconditional positive regard for any form of client cognitions, his/her thoughts, suggestions, expectations, goals and plans. At the emotional level, we observe phenomenology of *empathia* (empathy), i.e. emotional understanding and co-feeling across the whole spectrum of emotional experience. At the semantic level, we deal with phenomenology of *emphilia* (emphily), i.e. congruent expression of any intuitive realizations of client humanity, his/her meanings, states, inclinations and other manifestations of life.

All this is not phenomenology of his/her personality. Thus, a therapist is much “broader” and “deeper” than his/her current conventional identity (personality, individuality) – he/she is individity. This is another psychological status of a therapist. Only in this status does the therapist have the possibility

² “Every day the sun is new” (Heraclitus, 2012, F6).

of becoming a facilitator of the client's positive personality change.

The psychological status of the psychotherapist

The most important condition of the psychotherapeutic process is the psychological status of the psychotherapist. This status is the result of two interrelated processes: understanding and acceptance of his/her individuality, and actualization of his/her individuality in communication with a client. The therapist's individuality is characterized not only by unconditional positive regard, empathic understanding and congruent self-expression, but also by an altered (unconditional) state of the therapist's consciousness (Rogers, 2001) where his/her intuitive, positive, essential characteristics are present in the therapeutic situation (Baldwin, 1987).

When discovering, understanding and accepting his/her own personality as individuality, the therapist learns to discover, understand and accept the subjectivity (individuality & individuality) of a client, with all its features and aspects.

In actualizing his/her individuality, the therapist learns to see and to facilitate this process in the client without limitation, discounting or fragmentation. The movement into self, both for therapist and client, turns into a true meeting with each other "in the land of human" (according to C. Jung).

We can also say that ignoring one of these processes impoverishes both the therapist and the therapeutic process. A bold analogy can be offered here: according to Chalcedonian Creed (Schaff, 1919), both the divine and the

human nature of Christ are "*inconfuse, immutabiliter, indivise, inseparabiliter*" (unmixed, unchanging, indivisible, inseparable). In addition, these two processes are so unmixed, unchanging, indivisible and inseparable in a person to such an extent that, if we divide them, we fall into the heresy of becoming a fragmented human being.

Of course, we can "restrict" a human being not only to personality, but even to a biological body, even to the aggregate of anatomical organs, even to the brain; but that does not mean that the person actually is as such, it is just our picture of him/her.

Unconditional positive regard, in this sense, is an extremely broad view of a person as a human being. And the therapist is not only a vehicle of such a view, but also the translator of the experience that such a view is possible at all.

Therefore, individuality — with all of its psychological characteristics — most consistently describes the psychological status of the client (patient); and individuality best of all describes the psychological status of a therapist.

Conclusion: New prospects

In light of the above, it is clear that psychology as a natural scientific discipline does not have sufficient descriptive tools for characterizing psychic totality. That is why all real therapists do not treat their clients as objects, but talk with them on a person-to-person level, with all the risks, joys and difficulties that arise from this type of communication. Moreover, they realize that they lack the natural scientific language to describe the basic concepts of their own experience, which therefore

is inhabited by ancient gods and mythical characters (*Eros, Gaia, Hermes, Prometheus, Senex*, etc.) (see: Neville, 2012) or other equally exotic creatures (Shadow, Anima, Self, In-Se, Monitor-of-deviation, etc.). In other words we can deduce that, when wishing to understand the essential principles of a person, the therapist immediately steps away from the natural sciences focus on personal characteristics, and instead tries to grasp the “wider” or “deeper” psychological configurations. He/she is then immediately caught by the psychic process which is responsible for the creation of metaphors and symbolic images. And if we recall our metaphor

of “the bank and the river”, we can say that exotic aquatic creatures “caught” by psychotherapists are amazing, but the very “stream” that brings these creatures is even more surprising. We do not yet know, so cannot yet say, what will be the language which describes the psychic totality of human subjectivity with equal clarity and definition. We can only be glad that our “fishing nets” never become empty. Therefore, we can just assume that new psychological concepts will be the result of fruitful cooperation and dialogue between the individuality (personality) and individity (essence) of future researchers.

References

- Almaas, A. H. (1990). *The pearl beyond price. Integration of personality into being*. Berkeley, CA: Shambhala.
- Baldwin, M. (1987). Interview with Carl Rogers on the use of the self in therapy. In M. Baldwin, & V. Satir (Eds.), *The use of self in therapy* (pp. 45–52). New York: The Haworth Press.
- Eremeev, V. E. (2005). *Simvoly i chisla «Knigi peremen»* [Symbols and numbers of the Book of Changes]. Moscow: Ladomir.
- Gindilis, N. L. (1996). Process of individuation as the “way to self”. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 17(1), 52–60.
- Gurdzhiev, G. I. (2001). *Zhizn' real'na tol'ko togda, kogda «Ya est'»* [Life is real only when “I exist”]. Moscow: Grand.
- Heidegger, M. (1993). *Raboty i razmyshleniya raznykh let* [Works and thoughts from different years]. Moscow: Gnosis.
- Heidegger, M. (1997). *Bytie i vremya* [Being and time]. Moscow: Ad Marginem Press.
- Heraclitus of Ephesus. (2012). *Vse nasledie: na yazykakh originala i v russkom perevode* [All heritage: in the original languages and in Russian translation]. Moscow: Ad Marginem Press.
- Jung, C. G. (1994a). *Libido, ego metamorfozy i simvoly* [Symbols of transformation]. Saint Petersburg: East European Institute of Psychoanalysis.
- Jung, C. G. (1994b). *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the unconscious]. Moscow: Canon.
- Jung, C. G. (1995). *Otvot Iovu* [Answer to Job]. Moscow: Canon.
- Jung, C.G. (1997). *Mysterium coniunctionis*. Moscow: Refl-buk; Kiev: Vakler.
- Kernberg, O. (2001). *Agressiya pri rasstroistvakh lichnosti* [Aggression in personality disorders]. Moscow: Klass.
- Kochyunas, R. (1999). *Osnovy psikhologicheskogo konsul'tirovaniya* [Basics of psychological counselling]. Moscow: Akademicheskii proekt.

- Langle, A. (2005). *Person. Ekzistentsial'no-analiticheskaya teoriya lichnosti* [Existential analytical theory of personality]. Moscow: Genesis.
- Lee, R. (2012a). Uslovnnoe i bezuslovnnoe otnoshenie vo vzaimootnosheniyakh [Conditional and unconditional attitude in relationship]. *Zhurnal Prakticheskogo Psikhologa*, 4, 12–14.
- Lee, R. (2012b). Piktogrammy otnoshenii [Relationship pictograms]. *Zhurnal Prakticheskogo Psikhologa*, 4, 15–20.
- Lee, R. (2012c). Utverzhdenie Al'berta Einšteina [Approval of Albert Einstein]. *Zhurnal Prakticheskogo Psikhologa*, 4, 21–22.
- Lee, R. (2012d). Bezuslovnnyaya ustanovka [Unconditional attitude]. *Zhurnal Prakticheskogo Psikhologa*, 4, 23–27.
- Lee, R. (2012e). Matritsa kommunikatsii [Communication matrix]. *Zhurnal Prakticheskogo Psikhologa*, 4, 28–29.
- Lee, R. (2012f). Empatiya – eto ne sochuvstvie [Empathy is not sympathy]. *Zhurnal Prakticheskogo Psikhologa*, 4, 30–33.
- May, R. (1994). *Iskusstvo psikhologicheskogo konsul'tirovaniya* [Art of counselling]. Moscow: Klass.
- Meneghetti, A. (2007). *Uchebnik po ontopsikhologii* [Textbook on ontopsychology]. Moscow: Ontopsikhologiya.
- Orlov, A. B. (1995). Lichnost' i sushchnost': vneshnee i vnutrennee Ya cheloveka [Personality and essence: the outer and the inner Self of a man]. *Voprosy Psikhologii*, 2, 5–19.
- Orlov, A. B. (2002). *Psikhologiya lichnosti i sushchnosti cheloveka: Paradigmy, proektsii, praktiki* [Psychology of human personality and essence: paradigms, projections and practice]. Moscow: Akademiya.
- Orlov A. B. (Ed.). (2003). *Psikhologiya lichnosti* [Psychology of personality]. Moscow: Voprosy psikhologii.
- Rogers, C. (2001). Client-centered/person-centered approach to therapy. *Voprosy Psikhologii*, 2, 48–58.
- Rogers, C. (1961). *On becoming a person*. Boston: Houghton Mifflin Company.
- Rogers, C. (2012). Neobkhodimye i dostatochnye usloviya terapevticheskikh lichnostnykh izmenenii [Necessary and sufficient conditions for therapeutic personality change]. *Zhurnal Prakticheskogo Psikhologa*, 1, 8–25.
- Starovoitenko, E. B., & Shadrikov, V. D. (Eds.). (2009). *Psikhologiya individual'nosti: novye modeli i kontseptsii* [Psychology of individuality: new models and concepts]. Moscow: MPSI.
- Strong, S. R. (1968). Counseling: an interpersonal influence process. *Journal of Counseling Psychology*, 15, 215–224.
- Underhill, E. (1955). *Mysticism. A study in the nature and development of man's spiritual consciousness*. New York: The Noonday Press.
- Volkova, D. E., Orlov, A. B., & Orlova, N. A. (2010). The sign, metaphor, symbol: the methodology of subjectness. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 7(3), 89–119.

Психологический статус психотерапевта

Орлов Александр Борисович

Профессор кафедры психологии личности факультета психологии НИУ ВШЭ

E-mail: aorlov@hse.ru

Орлова Наталия Александровна

Старший преподаватель кафедры культурологии факультета гуманитарных наук МФТИ, старший научный сотрудник Института психолого-педагогических проблем детства РАО.

E-mail: n.orlova@newmail.ru

Резюме

Традиционно психологический статус терапевта определяется как личность. Тем не менее терапевтические отношения очень специфичны (нетрадиционны) и, следовательно, не могут рассматриваться лишь как одна из форм межличностных отношений. Это противоречие ставит задачу определения психологического статуса терапевта. Авторы раскрывают следующие полярные измерения субъективности: индивидуальность (личность) и индивидность (сущность). Личность/индивидуальность является объектом традиционных гуманитарных наук. Индивидность является специфическим, интегрированным воплощением человеческой сущности. Она оказывается примером и результатом процесса индивидуации. Основные особенности индивидности: нуминозные, трансперсональные переживания; чувствительность и открытость опыту; подлинность и конгруэнтность; способность любить. Важнейшим условием психотерапевтического процесса является психологический статус психотерапевта. Этот статус есть результат самоактуализации. Он является не индивидуальностью терапевта, но его/ее индивидностью, находящейся в коммуникации с клиентом. Индивидность терапевта характеризуется не только безусловным позитивным принятием, эмпатическим пониманием клиента и конгруэнтным самовыражением, но и измененным (безусловным) состоянием сознания терапевта, когда его/ее интуитивные, положительные и сущностные характеристики присутствуют в терапевтической ситуации.

Ключевые слова: психотерапевт, личность, индивидуальность, сущность, индивидность.

ATTENTION AND CHUNKING IN VISUAL SEARCH AMONG LETTER STIMULI

M.V. FALIKMAN



Maria Falikman – lead research scientist, Cognitive Research Laboratory, National Research University Higher School of Economics*; Senior research scientist, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University**; Senior research scientist, Cognitive Research Laboratory, Russian Academy of National Economy and Public Administration***. E-mail: maria.falikman@gmail.com

Address: * 20 Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation, 101000

** 11-5, Mokhovaya Str., Moscow, Russian Federation, 125009

*** 82 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119571

Abstract

The experimental study of top-down influences upon visual search for a target letter in large letter arrays has been performed. The core question of this study was whether words embedded in random letter strings – and not perceptually segregated for an observer – can influence efficiency of the search for letters embedded either in words, or in random letter sequences between words. The experiment was based on an original modification of the classic selective attention test developed a century ago by H. Muensterberg. Participants performed visual search for a predefined letter of the Russian alphabet in letter matrices which included Russian words. In the first experimental condition, target letters always belonged to words, but the participants were not warned about the words, or about the arrangement of target letters in the matrix. In the second experimental condition, target letters never belonged to words. In the third (control) condition, there were no words embedded into letter matrices. The study revealed a dissociation between visual search efficiency and subjective representation of the search task. Although presentation conditions did not influence search rate, the participants significantly differed in their subjective experience of this influence. If target letters belonged to words, the words subjectively facilitated performance; whereas, if target letters did not belong to words, the words subjectively hampered the search. Moreover, if target letters were embedded in words, the participants noticed the words twice as often as in the opposite condition. We interpret this result as a dissociation between top-down processes in the visual system, and top-down influences upon visual search arising from chunking in visual information processing.

Keywords: visual attention, visual search, top-down influences upon visual information processing, word superiority effect, Muensterberg's test.

The study was supported by the Program of Fundamental Studies of the Higher School of Economics (2014) and by the Russian Fund for Basic Research, project N 12-06-00268. The author thanks Anna Pominova (NRU HSE) and Sergey Yazykov (MSU) for their invaluable assistance in data collection, and Dr. Sergey Korovkin (Yaroslavl State University) for discovering and sharing the original paper by Burt (1917) posthumously describing H. Muensterberg's selective attention test used in this study.

The issue of top-down influences upon visual information processing has been widely discussed in contemporary cognitive psychology and neuroscience (Hochstein, Ahissar, 2002). The distinction of bottom-up and top-down processes is one of the cornerstones of cognitive psychology, as it reflects the contribution of the observer and the external stimulation to cognition. Although this dichotomy has been criticized by some authors (e.g., Awh et al., 2012), the criticism might be eliminated by distinguishing two sources of top-down influences: the observer's prior experience (former knowledge, or *structural* representations stored in the memory and automatically activated by the task); and goals and strategies actively applied by the observer to perform the task successfully. The latter determine *functional* organization of the observer's perceptual activity (Falikman, 2011).

A suitable example that illustrates both types of top-down influences is the "word superiority effect" (WSE), first described by James McKeen Cattell towards the end of the 19th century (Cattell, 1886) and then rediscovered in cognitive psychology in the late 1960's (Reicher, 1969; Wheeler, 1970). The WSE refers to the better recognition of letters presented within words compared to isolated letters, and to letters presented within random letter strings when presentation conditions (such as brief or noisy presentation, backward masking, etc.) make letter recognition difficult. Whereas J.M. Cattell used the amount of letters perceived from the brief presentation as a basic measure of the effect, cognitive psychologists use mostly the accuracy of single letter recognition within a word

compared to isolated presentation, or presentation within an unpronounceable nonword string of the same length. For example, in a Reicher-Wheeler paradigm, an observer is presented with a word or a nonword string, followed by a mask. The observer is then asked to name a letter from the cued position in that string, making a 2-alternative forced choice (2-AFC). For example, for the letter R in the word "bird", an observer could be asked to choose between R and N (as both "bird" and "bind" are legal English words). The observer is usually more efficient in this task than in making the same 2-AFC for the string "bqrd".

The standard WSE is an example of top-down influences driven by the observer's prior knowledge or experience: the letter is recognized more efficiently because it is included in the larger structural unit, or *chunk*, a term coined by George Miller in his famous discussion of short-term memory storage units (Miller, 1956). The authors of the most popular models that provide an explanation for the WSE – specifically, the Interactive Activation Model (McClelland, Rumelhart, 1981) and the Dual Route Cascaded Model (Coltheart et al., 2001) – believe that explanations should be based on the observer's prior experience. Both models emphasize the automatic nature of the WSE and leave no room for its interaction with visual attention, except narrowing of spatial attention and further processing to just one letter (Johnson, McClelland, 1974).

However, the WSE might also result from the observer's strategy mentioned above as the second type of top-down influences upon visual processing. This is exactly what happens in

rapid serial visual presentation (RSVP). When letters which compose the word are presented in the same location, one after another, at a rate of about 10 letters per second, the WSE emerges only when the observer is instructed to “read a word” and makes attempts to do so (Falikman, 2002; Stepanov, 2009; Falikman, Stepanov, 2012). If the observer is not warned about words presented letter by letter in the RSVP stream, then no WSE emerges and the words are never recognized as such. However, if the observer is instructed to “read words”, but random letter sets are presented instead, performance is still significantly better than with the instruction to “name as many letters as possible”, which could be considered as evidence for the strategic nature of the WSE. Otherwise, when all the letters forming a word are presented simultaneously, the WSE emerges regardless of the goals and intentions of the observer. However, it’s easy to destroy the effect either by drawing the observer’s attention to just one letter before the presentation (Johnston, McClelland, 1974), as noted above, or by setting a task that requires the observer to shift spatial attention within a word as a chunk, which seems to be destroyed by redirections of attention (Pantyushkov, et al., 2008).

Such requirements are characteristic of tasks referred to as “visual search”. In visual search, an observer is required to locate a certain pre-specified item (a target), or a singleton among a number of visual objects (distractors) presented simultaneously (Wolfe, 1998). If just one salient feature (such as color, curvature, or motion) distinguishes a target from the

distractors, then search time does not depend on the number of distractors. However, if the target is described as a conjunction of two or more features that distinguish it from the distractors (e.g. both color and curvature), then search time increases as a linear function of the amount of distractors, which implies a serial mechanism of spatial attention being redirected from one visual stimulus to the next. The latter mechanism is characteristic of letter search among a number of spatially distributed distractor letters. Although visual search for a pre-specified letter in letter strings – both random and regular (forming words) – has been analyzed in a modest number of studies (e.g., Krueger et al., 1974; Johnson, Carnot, 1990; Pantyushkov et al., 2008), there is still a lack of coherence in understanding the search mechanisms. This may be due to adding two counteractive forces to the search in letter strings that form words: on the one hand, it is so-called “crowding” or lateral masking which hampers the search for a target flanked by similar stimuli (Reddy, Van Rullen, 2007); and, on the other hand, it is top-down influences from word representation as a part of the observer’s prior experience that make letter processing within words more efficient (Fine, 2001). Nevertheless, the very identification of words as processing units (chunks) in visual search appears automatic, rather than requiring attention, and the chunks themselves could be considered as *structural* processing units, forced by the organization of information in the visual field (Falikman, 2011). The question remains: whether chunking that leads to word identification could, in principle, become a strategic perceptual

act rather than an automatic operation, when all letters of the word are presented simultaneously (rather than rapidly and serially). The purpose of this study was to develop and test a simultaneous letter presentation method, which would force the visual information processing system to “assemble” words as *functional* processing units, so that corresponding processes in the visual system could be considered as “operational units of perceptual activity” (Gippenreiter, 1983).

The method which, at first glance, meets these requirements is one of the numerous vocational tests developed a century ago by Hugo Muensterberg (Burt, 1917). In this test, a subject searches for words embedded without spaces in random letter strings for a limited time period. The amount of located words is considered an individual measure of selective attention. It is assumed that word location and identification is not an automatic operation, but rather requires attention — just as word reading in rapid serial visual presentation. In this case, word identification would not occur spontaneously when an observer performs another task with the same stimulation (such as the search for pre-specified letters embedded in words surrounded by random letters), and would not influence performance in this task. On the contrary, if segregation of a word as the closest context for the target letter occurs automatically, one should expect word identification — at least when attention is drawn towards the letter and thus the word. This could

slow down performance on the letter search task because, in this case, word segmentation might be necessary to single out a target letter. At the same time, if words as processing chunks are segregated from random letter strings automatically, and target letters do not belong to words, the search might become faster since the observer has the opportunity to skip these larger chunks without further analysis.

In our experiment, participants searched for a predefined letter in a matrix of 600 letters (10 letter strings \times 60 items each) among which Russian words were embedded. The participants were not warned about the presence of the words. The inter-group experimental plan was used and three conditions were compared. In two experimental conditions, the letter matrix contained as many words as target letters. In the 1st experimental condition, target letters were always embedded in the words; in the 2nd experimental condition, they never belonged to words. In the control condition, participants searched for target letters in random letter matrices which did not contain words, and thus performed a standard letter cancellation test (with one target) developed by the French psychologist Benjamin B. Bourdon towards the end of the 19th Century¹.

Method

Participants. 216 subjects (82 male, 134 female), undergraduate and postgraduate students of Lomonosov

¹ The test was first described in the paper: Bourdon, B. (1895). Observations comparative sur la reconnaissance, la discrimination et l'association [Observations on memory, discrimination and association]. *Revue Philosophique*, 40, 153–185.

Moscow State University and the National Research University Higher School of Economics, aged 17–29 (mean age 20), right-handed, with normal or corrected-to-normal vision. The subjects were randomly divided into three groups, in accordance with three experimental conditions. Each group included 72 participants.

Stimulation. Three types of letter matrices printed on paper sheets were used. The matrices were generated using a Python script which composed letter strings from preset lists of stimuli. Each matrix included 10 strings of 60 lowercase letters of the Russian alphabet, with no spaces, and contained 24 target letters. Three Russian consonants (“н”, “т”, “р”) with roughly equal frequency in the Russian language were used as targets; one of these consonants could be assigned as a target for different participants. Each participant worked with just one matrix, searching for just one letter. In the control condition (CC), all strings in the matrix consisted of “nonwords” (unpronounceable letter sets which were actually anagrams of 6-letter Russian words but could not be recognized as words – an example in English might be “isgrtn”); no letters in any of the nonwords were repeated, and each string included 10 nonwords with no spaces between them. In the 1st and the 2nd experimental conditions (EC1 and EC2), the letter matrices included 24 words (also with no letters repeated). In EC1, target letters were always embedded in the words (4 times in each position, from the 1st to the 6th, in different six-letter words). In EC2, the words never contained the target letter, so all words were embedded in letter strings somewhere between the target

letters. The words (with roughly average frequency in the Russian language) and the nonwords were borrowed from our recent study (Gorbunova, Falikman, 2012). In total, nine versions of matrices (3 conditions x 3 target letters) were used in the study, printed onto A5 paper, Times New Roman, font size 14.

Procedure. Letter matrices were presented to participants individually, with an instruction to cross-out with a pencil all letters “н” (or “т”, or “р”) as quickly as possible. An experimenter interrupted performance after 1 minute. After that, a participant received a brief questionnaire consisting of three 2-alternative forced-choice questions: (1) Whether he/she noticed the words in the matrix (yes/no); (2) If yes, whether he/she noticed that the target letters have always/never been embedded in the words (yes/no); (3) Whether the words either distracted them from the search, or helped them to search for the target letters if noticed (helped/distracted). The CC subjects only answered the question about whether they noticed words in the matrix (which in fact were absent).

For data analysis, IBM SPSS Statistica 20.0.0.2 was used.

Results

ANOVA revealed no statistical differences in performance for all three conditions: $F(2, 215) = 0.018, p < 0.98$. Mean search efficiency for all three conditions (% of the total amount of targets in the matrices) and standard deviations are provided in Table 1.

At the same time, EC1 participants noticed words in the matrices significantly more often than EC2 subjects

Table 1

Summary table of results (EC1 – the 1st experimental condition with target letters always embedded in words; EC2 – the 2nd experimental condition with target letters never appearing in words; CC – the control condition with no words among letters in letter strings)

	Performance (group mean, %)	SD	Noticed words, % of subjects	Noticed a relation between tar- get letters and words, % of subjects	Among those who noticed words	
					Found them useful, %	Found them distracting, %
EC1	81.6	13.0	65.3	19.4	57.4	8.5
EC2	81.4	15.6	37.5	9.7	18.5	44.4
CC	82.5	12.3	11.1	–	–	–

(Pearson's $\chi^2 = 13.7$, $p < 0.0001$). The interrelation between the arrangement of target letters and words in the matrix was also discovered in EC1 significantly more often than in EC2 ($\chi^2 = 4.7$, $p < 0.03$). Those who noticed words in EC1 reported that the words helped them to perform the task, whereas those who noticed words in EC2 found them hampering ($\chi^2 = 17.8$, $p < 0.0001$). In CC, 11% of subjects "noticed" words. The quantitative data from subjective reports is also provided in Table 1.

A statistical comparison of performance between subgroups of EC1 and EC2 participants, distinguished in accordance with their subjective reports, has also been performed. Despite pronounced differences in their answers on the questionnaire, no statistical differences between performance in any pair of subgroups (noticed / not noticed words; found them useful / distracting) have been revealed, both within and between experimental conditions.

Significant differences in search efficiency for three target letters used in

the study have been found: $F(2, 215) = 17.0$, $p < 0.0001$. Paired-comparison tests show that the participants searched for "p" significantly better than for "h" and "r" which, in turn, did not differ in search efficiency. The mean efficiency of the search for all three target letters in all three conditions can be found in Table 2. According to ANOVA, this factor does not interact with the condition factor: $F(4, 215) = 0.64$, $p < 0.63$.

Discussion

The study has revealed that spontaneous spotting of words in random letter strings, as in the Muensterberg's selective attention test (Burt, 1917), is possible when performing a letter search. However, it is mediated by mutual arrangement of target letters and words in the letter matrices. When target letters always appear in words, the words are discovered almost twice as often as when the targets appear among other random letters between words. However, the amount of observers that spontaneously discovered

Table 2

Search efficiency for three letters used as targets in three experimental conditions,
% located and crossed-out

	Target		
	T	H	P
EC1	79.3	77.4	88.0
EC2	80.9	74.5	88.7
CC	79.0	80.5	88.0
Mean	79.7	77.5	88.2

the mutual arrangement of target letters and words was relatively low and also depended on whether the target letters were embedded in the words. When target letters belonged to words (EC1), less than 20% of participants noticed the regularity in the mutual arrangement of the target letters and words. But when target letters did not belong to words, the regularity was noticed by less than 10% of participants.

At the same time, participants estimated the words in the matrix as “useful” or “distracting” depending on the task (and the estimates were opposite to our initial hypothesis), though in fact the words didn’t influence task performance at all — the amount of located targets was the same for all three conditions (all differences lay within 1%, with a mean standard deviation of about 13.6%).

One might assume that the letter search task was too easy, which led to the “ceiling effect” (equally high performance in all three conditions). However, the comparison of search efficiency between three letters used as targets revealed a significantly faster search for one of them (“p”) against the other two. This must be due to the specific visual feature of this letter — the

tail below the letter string level which produces search asymmetry (Treisman, Souther, 1985), allowing subjective pop-out of this letter during the search (Wolfe, 1998). This demonstrates that the measure of search efficiency is sensitive enough, the temporal interval of 1 minute was enough to estimate performance, and the ceiling effect cannot explain the absence of differences between the conditions.

Therefore, the dissociation between performance and subjective reports has been observed. Whereas subjectively the presence of words in random letter strings influences search (one way or another) depending on the mutual arrangement of target letters and words, objectively no such influence has been observed. If we relate this result to the definition of attention as “phenomenal and productive manifestation of the leading level of organization of one’s activity” (Gippenreiter, 1983, for discussion see: Dormashev, Osin, 2010), as proposed within the framework of the activity theory (Leontiev, 1978), it might be assumed that performance in our search task does not involve a unified attentional process with phenomenal (conscious representation) and productive (performance) aspects, but rather that it

involves two distinguishable processes where just one process is related to attention.

This result could be interpreted as a dissociation between top-down *processes* in letter strings processing and top-down *influences* upon performance on the search task. This difference between types of processes in the information processing system, and influences upon processing — although implied in some recent studies (e.g., Latinus et al., 2010) — is not yet commonplace for the contemporary cognitive psychology of attention. However, it seems necessary for the interpretation of our results.

On the one hand, spontaneous capturing of a word from a letter string when attention is brought to one of the letters forming the word (and even without bringing attention to such a letter in the letter search task in non-word strings) could be interpreted as a manifestation of top-down processes in the information processing system — processes driven by representations of higher-level chunks (words) stored in the observer's memory (although such spontaneous capturing is by no means mandatory). On the other hand, such spontaneous capturing of words does not modulate efficiency of the target letter search, a fact that could be considered as a lack of top-down influences from higher-level chunks (words) upon the letter search task. Initially, we proposed that chunking *between* target letters (condition EC2, when targets never belonged to words embedded in letter strings) would speed up search. However, such chunking appeared to emerge quite rarely (only about one

third of our participants noticed the words between target letters in this condition), and there were no significant differences in performance between different conditions and subgroups of subjects, that provided different subjective reports.

At the same time, our results raise a question about the original Muensterberg's vocational test, widely used in professional psychodiagnostics to measure "selective attention". It seems that performance in this test engages two types of top-down processes involved in visual perception. The first process is the spontaneous (automatic) detection of words as processing units that match representations stored in the observer's memory — in cognitive psychology, this is referred to as segmentation and regarded as a *preattentive* process "producing the objects which later mechanisms are to flesh out and interpret" (Neisser, 1976, p. 89). The second process is the voluntary identification of such units in accordance with the task at hand. Whereas the former process could hardly be considered as attentional (although quite probably interacts with attention), the latter process is basically in line with the classic definition of attention as a process of "*apperceptive combination*" which is "continually taking place between the elements of the single contents of experience" (Wundt, 1897, p. 223). Although the Muensterberg's test has been applied for about a century, demonstrating high correlations with academic and professional achievement, it seems that this is not the whole story and its research potential is far from being exhausted.

References

- Awh, E., Belopolsky, A. V., & Theeuwes, J. (2012). Top-down versus bottom-up attentional control: a failed theoretical dichotomy. *Trends in Cognitive Sciences*, *16*(8), 437–443.
- Burt, H. E. (1917). Professor Munsterberg's vocational tests. *Journal of Applied Psychology*, *1*(3), 201–213.
- Cattell, J. M. (1886). The time it takes to see and name objects. *Mind*, *11*, 63–65.
- Coltheart, M., Rastle, K., Perry, C., Langdon, R., & Ziegler, J. (2001). DRC: A dual route cascaded model of visual word recognition and reading aloud. *Psychological Review*, *108*(1), 204–256.
- Dormashev, Y., & Osin, E. (2010). Flow experience explained on the grounds of an activity approach to attention. In Bruya, B. (Ed.), *Effortless attention: A new perspective in the cognitive science of attention and action* (pp. 287–333). Cambridge, MA: The MIT Press.
- Falikman, M. (2002). Word preference effect and the attentional blink: Who will have the upper hand? In Van der E. Meer, H. Hagedorf, R. Beyer, F. Krueger, A. Nuthmann, & S. Schultz (Hrsg.), *43. Kongress der Deutschen Gesellschaft fuer Psychologie* (p. 324). Lengerich: Pabst Science Publishers.
- Falikman, M. (2011). Word superiority effects across the varieties of attention. *Journal of Russian and East European Psychology*, *49*(5), 45–61.
- Falikman, M., & Stepanov, V. (2012). Chunking in rapid serial visual presentation: Consequences for visual awareness. In *Neuroscience & cognition: Consciousness & cognitive control (NeuroCog-2012: Book of Abstracts)* (pp. 33–34). Brussel.
- Fine, E. M. (2001). Does meaning matter? The impact of word knowledge on lateral masking. *Optometry and Vision Science*, *78*(11), 831–838.
- Gippenreiter, Y. B. (1983). Deyatel'nost' i vnimanie [Activity and attention]. In Zaporozhets, A. V., Zinchenko, V. P., Ovchinnikova, O. V., & Tikhomirov, O. K. (Eds.), *A.N. Leont'ev i sovremennaya psikhologiya* [A.N. Leontiev and modern psychology] (pp. 165–177). Moscow: Moscow University Press.
- Gorbunova, E., & Falikman, M. (2012). Visual search for letters within words and nonwords in the right and left visual hemifields. *Perception*, *41*, *Abstract Supplement*, 143.
- Hochstein, S., & Ahissar, M. (2002). View from the top: Hierarchies and reverse hierarchies in the visual system. *Neuron*, *36*(5), 791–804.
- Johnson, N. F., & Carnot, M. J. (1990). On time differences in searching for letters in words and nonwords: Do they emerge during the initial encoding or the subsequent scan? *Memory and Cognition*, *18*(1), 31–39.
- Johnston, J. C., & McClelland, J. L. (1974). Perception of letters in words: Seek not and ye shall find. *Science*, *184*(4142), 1192–1194.
- Krueger, L. E., Keen, R. H., & Rublevich, B. (1974). Letter search through words and nonwords by adults and fourth-grade children. *Journal of Experimental Psychology*, *102*(5), 845–849.
- Latinus, M., VanRullen, R., & Taylor, M. J. (2010). Top-down and bottom-up modulation in processing bimodal face/voice stimuli. *BMC Neuroscience*, *11*, 36.
- Leontiev, A. N. (1978). *Activity, consciousness, and personality*. Hillsdale, NJ: Prentice-Hall.
- McClelland, J., & Rumelhart, D. (1981). An interactive activation model of context effects in letter perception. Part 1. An account of basic findings. *Psychological Review*, *88*(5), 375–407.
- Miller, G. A. (1956). The magical number seven, plus or minus two: Some limits on our capacity for processing information. *Psychological Review*, *63*, 81–97.
- Neisser, U. (1976). *Cognition and reality*. San Francisco: W.H. Freeman.
- Pantyushkov, A., Horowitz, T. S., & Falikman, M. V. (2008). Is there word superiority in visual search? In *Third International Conference on Cognitive Science: Book of abstracts* (Vol. 1, pp. 124–125). Moscow.

- Reddy, L., & Van Rullen, R. (2007). Spacing affects some but not all visual searches: implications for theories of attention and crowding. *Journal of Vision*, 7(2), 1–17.
- Reicher, G. M. (1969). Perceptual recognition as a function of meaningfulness of stimulus material. *Journal of Experimental Psychology*, 81(2), 275–280.
- Stepanov, V. (2009). Word superiority in a dual-task RSVP: familiarity or task definition? In *Abstracts of 9th Annual Vision Sciences Society Meeting* (p. 215). Naples, FL.
- Treisman, A., & Souter, J. (1985). Search asymmetry: A diagnostic for preattentive processing of separable features. *Journal of Experimental Psychology: General*, 114(3), 285–310.
- Wheeler, D. D. (1970). Processes in word recognition. *Cognitive Psychology*, 1(1), 59–85.
- Wolfe, J. (1998). Visual search. In Pashler, H. (Ed.), *Attention* (pp. 13–73). London: UCL Press.
- Wundt, W. (1897). *Outlines of psychology*. Leipzig: Wilhelm Engelmann.

Внимание и структурирование в зрительном поиске среди буквенных стимулов

Фаликман Мария Вячеславовна

Ведущий научный сотрудник лаборатории когнитивных исследований НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник лаборатории когнитивных исследований РАНХиГС.
E-mail: maria.falikman@gmail.com

Резюме

В статье представлены результаты экспериментального исследования нисходящих влияний на решение задачи зрительного поиска буквы в больших буквенных массивах. Источником нисходящих влияний может быть как прошлый опыт наблюдателя, так и специальные стратегии решения зрительных задач. В центре данного исследования стоял вопрос о том, могут ли перцептивно не выделенные для наблюдателя слова повлиять на эффективность поиска буквы, входящей в состав слова. Исследование было проведено с использованием авторской модификации классического теста Мюнстерберга для диагностики избирательности внимания. Испытуемые решали задачу поиска заранее заданной буквы в массивах букв, содержащих слова русского языка. В первом условии целевые буквы всегда размещались в словах, о чем испытуемый не был предупрежден. Во втором условии буквы всегда были за пределами слов. В третьем условии массивы букв не содержали слов. Проведенное исследование выявило диссоциацию продуктивных показателей решения задачи и ее субъективной репрезентации: несмотря на то что условия предъявления объективно не оказали влияния на скорость поиска, испытуемые по-разному оценивали их влияние на решение задачи. Когда целевая буква входила в состав слов, присутствие слов субъективно облегчало решение задачи, а когда целевая буква находилась за пределами слов, присутствие слов субъективно затрудняло ее отыскание. Кроме того, испытуемые вдвое чаще замечали слова в массивах букв, когда целевая буква входила в состав слов. Мы интерпретируем данный результат как диссоциацию нисходящих процессов в обработке зрительной информации и нисходящих влияний на процесс решения задачи зрительного поиска, связанных с укрупнением единиц обработки зрительной информации.

Ключевые слова: зрительное внимание, зрительный поиск, нисходящие влияния на обработку зрительной информации, эффект превосходства слова, тест Мюнстерберга.

Короткие сообщения

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РАБОТНИКОВ РОССИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ О БАЛАНСЕ МЕЖДУ РАБОТОЙ И ЛИЧНОЙ ЖИЗНЬЮ

Е.А. КОЛЬЦОВА

Резюме

Цель данного исследования — изучение представлений сотрудников различных российских организаций о балансе между работой и личной жизнью. Для сбора информации о представлениях респондентов о балансе между работой и личной жизнью использовалась авторская анкета, разработанная на основе метода незаконченных предложений. Полученные данные обрабатывались при помощи метода контент-анализа. Из 80 респондентов 24% в своих ответах дифференцировали состояние баланса между работой и личной жизнью и определяли его как умение разграничивать работу и личную жизнь, распределяя собственные ресурсы, а также как удовлетворенность обеими сферами жизни: интересная работа и налаженная личная жизнь. 48% респондентов состояние баланса переживают как недифференцированное, но имеющее явно выраженный позитивный знак: хорошее душевное состояние, внутренняя гармония. Только 9% респондентов указывают, что при нарушении баланса в их жизни может не происходить никаких негативных изменений. 23% опрошенных указали: чтобы успешно совмещать работу и личную жизнь, необходимо ставить конкретные цели, расставлять приоритеты и уметь распределять собственные ресурсы. 18% респондентов считают, что для этого нужно четко разграничивать рабочее и личное время. Для 13% опрошенных успешное совмещение данных сфер жизни возможно при наличии работы, которая нравится и соответствует личным ожиданиям. Обобщая ответы респондентов, а также опираясь на современные исследования, мы можем определить термин «Work—Life Balance» как умение эффективно распределять собственные ресурсы, уделяя необходимое время своим основным сферам жизни, а также наличие интересной работы не только по условиям труда, но и по содержанию. Состояние баланса между работой и личной жизнью можно отождествить с чувством внутренней гармонии и спокойствия.

Ключевые слова: баланс между работой и личной жизнью, представления работников, нарушение баланса.

Введение

Концепция баланса между работой и личной жизнью (Work—Life Balance) в последнее время положена в основу целого направления исследований в экономической психологии и социологии. Но, несмотря на активный исследовательский интерес к данной проблематике с 1980-х гг., сегодня в литературе нет однозначного или, по крайней мере, общепринятого представления о том, что включает концепт баланса между работой и личной жизнью. Авторы современных исследований по-разному понимают содержание данного понятия и по-разному предлагают реализовывать данную концепцию на рабочих местах (Human, Summers, 2004).

Что означает термин «баланс» в данном случае? Состояние равновесия? Тогда между чем и чем? Отсутствие осознаваемых человеком противоречий между работой и личной жизнью? Или что-то еще? На сегодняшний день остается открытым вопрос, что именно может являться индикатором баланса.

Так, первоначально баланс рассматривался некоторыми авторами только как поиск индивидом возможностей выполнять свои обязательства перед работодателем и успевать выполнять домашние обязательства, связанные с воспитанием детей, помощью близким людям и т.д. (Roberts, 2008). Однако существует ряд исследований, доказывающих, что возможность выполнять свои домашние обязательства является значимым, но не единственным показателем, который влияет на формирование баланса между работой и личной жизнью (Kotowska et al., 2010; Pascale et al., 2009).

В других публикациях баланс между работой и личной жизнью трактуется в духе позитивной психологии как возможность найти оптимальное решение, при котором человек будет удовлетворен текущей жизнью, имея возможность уделять достаточно времени всем своим интересам. Здесь важно то, насколько работа в целом соответствует человеку, какие свои цели и ожидания он может воплотить в жизнь при помощи профессиональной деятельности (Bartolome, Lee Evans, 1983). Дж. Кофодимос определяет термин «Work—Life Balance» как распределение времени и энергии в соответствии с личностными ценностями, как интеграцию внутренних потребностей и внешних требований в свою жизнь (Kofodimos, 1993). Дж. Гринхаус, К. Колинз и Д. Шоу различают три типа баланса между работой и личной жизнью:

- баланс времени (равное время уделяется личной жизни и работе);
- вовлеченность в работу и личную жизнь (равное участие в этих сферах жизни);
- удовлетворенность от работы и личной жизни (равное удовлетворение от этих сфер жизни) (Greenhaus et al., 2003).

В данной статье баланс между работой и личной жизнью рассматривается как возможность найти оптимальное решение, при котором человек будет удовлетворен своей работой и текущей жизнью.

Проблема, цель и задачи исследования

Цель нашего исследования — изучение представлений соотрудни-

ков различных российских организаций о балансе между работой и личной жизнью. Обозначенная цель имплицитно предполагает поиск ответов на следующие вопросы. Что респонденты понимают под состоянием баланса между работой и личной жизнью? Как они переживают состояние дисбаланса? Что, по их мнению, необходимо делать для того, чтобы достичь баланса между работой и личной жизнью или сохранить его?

Анализ ответов респондентов позволит увидеть многообразие субъективных суждений об этом конструкте, а также даст возможность сформулировать определение термина «Work—Life Balance», не только опираясь на предыдущие научные исследования по данной тематике, но и учитывая представления самих сотрудников организаций. По нашему мнению, выяснение того, что включает в себя данный конструкт на уровне житейских представлений, является первоначальным этапом для формирования баланса между работой и личной жизнью, и это позволит выстроить схему действий индивида по улучшению данных сфер жизни в случае, если существует дисбаланс.

Методика и процедура исследования

Основным методом нашего исследования был опрос. Всего в исследовании приняли участие 80 человек в возрасте от 22 до 35 лет: сотрудники коммерческих организаций, получающие дополнительное образование в области экономики и менеджмента в НИУ ВШЭ, из них 30 женщин и 50 мужчин. Стаж работы от года до трех лет имеют 14 респонден-

тов, стаж от трех лет до шести имеют 28 респондентов и 38 респондентов имеют опыт работы более шести лет.

Для сбора информации о представлениях респондентов о балансе между работой и личной жизнью использовалась авторская анкета, которая содержит пять незаконченных предложений о различных аспектах баланса между работой и личной жизнью, а именно:

Баланс между работой и личной жизнью — это...

Состояние между работой и личной жизнью я ощущаю как...

Для того чтобы уметь успешно совмещать работу и личную жизнь, необходимо...

Когда нарушается баланс, то...

В настоящий момент моя личная жизнь и работа находятся в состоянии...

Помимо незаконченных предложений, наша анкета содержала графическую часть, а именно изображение двух горизонтальных отрезков прямой линии длиной 160 мм. С левой стороны каждого отрезка располагается полюс, обозначенный как «личная жизнь, хобби, интересы», с правой — «работа, профессиональное и карьерное развитие». На первом отрезке респонденту предлагалось отметить точку, которая, по его мнению, наиболее точно отражает его нынешнее положение между двумя полюсами, а на втором отрезке — отметить точку, где бы он между этими полюсами хотел находиться.

Основные результаты и их обсуждение

Полученные данные обрабатывались при помощи метода контент-анализа.

Для каждого предложения создавалось не более 12 категорий, которые позволяли охватить все части содержания и являлись взаимоисключающими. Категориальная сетка создавалась для каждого отдельного предложения. Из 80 респондентов 54% считают, что их работа и личная жизнь сбалансированы, 17% из них указывают, что баланс выдерживается с трудом. Остальные респонденты (46%) отметили, что у них данные сферы жизни находятся в дисбалансе. Сотрудники, которые сбалансированы или имеют дисбаланс в пользу личной жизни, обладают более высоким качеством жизни, чем те, у кого присутствует дисбаланс в пользу работы (McDonald et al., 2005). Кроме того, ряд исследователей отмечают, что отсутствие конфликтов между данными сферами жизни повышает уровень удовлетворенности жизни в целом (Van Praag et al., 2003).

Почти четверть респондентов (24%) в своих ответах дифференцировали и определяли состояние баланса между работой и личной жизнью как умение разграничивать работу и личную жизнь, распределяя собственные ресурсы, а также как удовлетворенность обеими сферами жизни: интересная работа и налаженная личная жизнь. В то же время почти половина респондентов (48%) состояние баланса переживают как недифференцированное, но имеющее явно выраженный позитивный знак: хорошее душевное состояние, внутренняя гармония, которая приносит положительные эмоции.

Таким образом, важно отметить, что для тех респондентов, которые баланс между работой и личной

жизнью рассматривают как хорошее эмоциональное состояние, наличие этого баланса способствует душевному благополучию. Напротив, в случае нарушения баланса респонденты указали, что находятся в плохом состоянии: депрессия, дискомфорт, беспокойство, раздражительность, усталость и др. Эти результаты подтверждаются западными исследованиями о том, что усиление конфликта между работой и личной жизнью способствует возникновению депрессии и повышению уровня психологического стресса и тревоги (Britt, Dawson, 2005).

Для 26% респондентов последствием нарушения баланса между двумя сферами является то, что одна из этих сфер, часто обе, ущемлена, т.е. им не уделяется должного времени и нет достаточного уровня эмоциональной вовлеченности в деятельность, поэтому невозможность найти баланс между работой и личной жизнью некоторые сотрудники организаций отождествляют с «эмоциональным отсутствием» не только дома, но и на работе (Bartolome, Lee Evans, 1983).

Только 9% респондентов указывают, что при нарушении баланса в их жизни может не происходить никаких негативных изменений. Остальные 73 респондента (91%) отмечают в той или иной степени негативное влияние на свою жизнь дисбаланса между работой и личной жизнью. Таким образом, нарушение баланса между данными сферами не проходит бесследно в жизни сотрудника, это может способствовать снижению качества и скорости работы или ухудшению взаимоотношений с близкими, являться причиной

депрессий и хронического стресса, который может привести к синдрому профессионального выгорания (Bartolome, Lee Evans, 1983; Джуэлл, 2001).

23% опрошенных указали: чтобы успешно совмещать работу и личную жизнь, необходимо ставить конкретные цели, расставлять приоритеты и уметь распределять собственные ресурсы. 18% респондентов считают, что для этого нужно четко разграничивать рабочее и личное время. Для 13% опрошенных успешное совмещение данных сфер жизни возможно при наличии работы, которая нравится и соответствует личным ожиданиям. Данные результаты свидетельствуют о том, что проблематика баланса между работой и личной жизнью должна рассматриваться на уровне организации (внедрение социальных программ, возможность гибкого графика работы), а также на индивидуальном уровне (поиск интересной по содержанию работы, умение управлять собственными ресурсами). Таким образом, формирование баланса между работой и личной жизнью — это в значительной степени комплексный проект, в котором должны проявляться заинтересованность работодателя и собственные усилия работника.

Наличие баланса между работой и личной жизнью отмечают только половина (46%) мужчин, принимавших участие в опросе, и почти две трети (63%) женщин.

Из 14 респондентов, имеющих опыт работы от одного года до трех, 88% отмечают, что в настоящее время в их жизни присутствует баланс между данными сферами. В то время как сотрудники, работающие от трех до шести лет (28 респондентов) и

более шести лет (38 респондентов), значительно реже указывают на то, что в настоящий момент находятся в состоянии баланса между работой и личной жизнью (42% и 49% соответственно). Косвенно это может быть связано с тем, что в течение этого периода только формируется интерес к профессиональным задачам, осознаны цели и перспективы, присутствует «эффект новизны» и есть готовность уделять много времени работе.

Графическая часть методики обрабатывалась при помощи стандартной процедуры квартилирования значений (в миллиметрах) расстояния между левым концом отрезка («личная жизнь, хобби, интересы») и точкой, отмеченной респондентом. В результате обработки данных нами были выделены четыре квартиля (0–65 мм; 70–80 мм; 90–105 мм; 110–160 мм). Респонденты, поставившие свою точку на расстоянии 0–65 мм от левого полюса, полагают, что в настоящее время в их жизни преобладают личные интересы; тем, чья точка оказалась на расстоянии 65–80 мм или 90–105 мм, предположительно отмечают, что в их жизни есть определенный баланс между работой и личными интересами. Респонденты, расположившие свою точку на расстоянии 110–160 мм, тем самым указывают на то, что в их текущей жизни преобладает работа. Таким образом, мы смогли выделить три основные группы респондентов:

1) респонденты, ощущающие себя в настоящее время в состоянии некоторого баланса (44 человека: 30 мужчин, 14 женщин);

2) респонденты, у которых наблюдается дисбаланс (всего 36 человек; 20 мужчин и 16 женщин), а именно:

2.1) дисбаланс к полюсу личной жизни (17 человек: 9 мужчин, 8 женщин);

2.2) дисбаланс к полюсу работы (19 человек: 11 мужчин, 8 женщин).

Наибольший интерес для нас представляет вопрос о том, в какой степени содержательно различаются представления о различных аспектах изучаемого конструкта у респондентов в каждой из выделенных групп.

Однако кардинальных различий среди представлений респондентов данных групп о балансе между рабо-

той и личной жизнью не выявлено. Это может свидетельствовать о том, что представления о балансе между данными сферами идентичны у тех, кто ощущает этот баланс, и тех, кто не ощущает. Различие есть в том, что некоторые индивиды смогли воплотить свои представления в жизнь, а для некоторых это затруднительно (см. таблицу 1).

Сопоставляя результаты, полученные с помощью изображения двух отрезков, где респонденты

Таблица 1

Преобладающие категории контент-анализа в характеристике различных аспектов баланса между работой и личной жизнью

Различные аспекты конструкта (незаконченные предложения)	Респонденты, отмечающие себя как находящихся в состоянии дисбаланса		Респонденты, отмечающие себя как находящихся в состоянии определенного баланса
	Дисбаланс к полюсу личной жизни	Дисбаланс к полюсу работы	
Баланс между работой и личной жизнью – это...	Умение разграничивать работу и личную жизнь (41%)	Необходимое условие для жизни (32%)	Внутренняя гармония, спокойствие (27%) Умение отграничивать работу и личную жизнь (16%)
Состояние между работой и личной жизнью я ощущаю как...	Умение отграничивать работу и личную жизнь (35%) Хорошее душевное состояние (24%)	Хорошее душевное состояние и положительные эмоции (37%) Умение отграничивать работу и личную жизнь (21%)	Хорошее душевное состояние и положительные эмоции (43%)
Для того чтобы уметь успешно совмещать работу и личную жизнь необходимо...	Ставить конкретные цели, задачи (35%) Разграничивать рабочее и личное время (24%)	Иметь работу, которая нравится и соответствует личным ожиданиям (21%)	Ставить конкретные цели, задачи (25%) Иметь самоконтроль, самодисциплину (23%)
Когда нарушается баланс, то...	Возникает плохое состояние (депрессия, дискомфорт, беспокойство и т.д.) (24%) Одна или обе сферы ущемлены (24%)	Возникает плохое состояние (депрессия, дискомфорт, беспокойство и т.д.) (37%) Одна или обе сферы ущемлены (32%)	Возникает плохое состояние (депрессия, дискомфорт, беспокойство и т.д.) (32%) Одна или обе сферы ущемлены (27%)
В настоящий момент моя личная жизнь и работа находятся в состоянии...	Баланса (59%)	Дисбаланса (84%)	Баланса (66%)

отмечали точки, которые являлись субъективными отметками их реального и желаемого нахождения между двумя рассматриваемыми полюсами, стоит отметить, что из 17 респондентов, которые в настоящий момент имеют дисбаланс в сторону личной жизни (группа 2.1), 65% хотели бы в будущем уделять больше времени работе. Из 44 опрошенных, которые находятся в состоянии баланса между данными сферами (группа 1), 48% хотели бы сохранить такое же равновесие между работой и личной жизнью. А 23% респондентов данной группы все же в дальнейшем предпочли больше времени уделять рабочим процессам. В то время как из 19 респондентов группы 2.2 (дисбаланс к полюсу работы) 46% в будущем хотели бы сохранить нынешнее положение дел.

Заключение

Изучение представлений сотрудников различных организаций о

балансе между работой и личной жизнью было проведено нами для того, чтобы получить общие представления о том, как на житейском уровне сотрудники российских организаций понимают данный конструкт. Обобщая ответы респондентов, а также опираясь на современные исследования, мы можем определить термин «Work—Life Balance» как умение эффективно распределять собственные ресурсы, уделяя необходимое время своим основным сферам жизни, а также наличие интересной работы не только по условиям труда, но и по содержанию. Состояние баланса между работой и личной жизнью можно отождествить с чувством внутренней гармонии и спокойствия. Мы также предполагаем, что баланс между работой и личной жизнью включает конструкт «удовлетворенность жизнью», равно как и конструкт «удовлетворенность работой». Однако данное предположение требует дальнейших исследований.

Литература

- Джуэлл, Л. (2011). *Индустриально-организационная психология. Учебник для вузов*. СПб.: Питер.
- Bartolome, F., & Lee Evans, P. A. (1983). Must success cost so much? In E. G. C. Collins (Ed.), *Executive success: Making it in management* (pp. 65–82). New York: Wiley.
- Britt, T. W., & Dawson, C. R. (2005). Predicting work-family conflict from workload, job attitudes, group attributes, and health: A longitudinal study. *Military Psychology, 17*(3), 203–227.
- Greenhaus, J., Collins, K., & Shaw, D. (2003). The relation between work-family balance and quality of life. *Journal of Vocational Behavior, 63*(3), 510–531.
- Hyman, J., & Summers, J. (2004). Lacking balance? Work-life employment practices in the modern economy. *Personnel Review, 33*(4), 418–429, 491.
- Kofodimos, J. R. (1993). *Balancing act: How managers can integrate successful careers and fulfilling personal lives*. San Francisco: Jossey-Bass.
- Kotowska, I., Matysiak, A., & Styrac, M. (2010). *Second European Quality of Life Survey. Family life and work*. European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions.
- McDonald, P. K., Brown, K., & Bradley, L. M. (2005). Explanations for the provision-utilisation gap in work-life policy. *Women in Management Review, 20*(1), 37–55.

- Pascale, P., Dulkb, L., & Lippe, T. (2009). The effects of time-spatial flexibility and new working conditions on employees work-life balance: the Dutch case. *Community, Work and Family*, 12(3), 279–297.
- Roberts, E. (2008). Time and Work–Life Balance: The Roles of “Temporal Customization” and “Life Temporality”. *Gender, Work and Organization*, 15(5), 430–453.
- Van Praag, B. M. S, Frijters, P., & Ferrer-I-Carbonnel, A. (2003). The anatomy of subjective well-being. *Journal of Economic Behavior and Organization*, 51(1), 29–49.

Кольцова Евгения Александровна, НИУ ВШЭ, соискатель

Контакты: koltsova_e@mail.ru

Notions of Work–Life Balance in Russian Employees

Evgeniya A. Koltsova
PhD candidate, HSE
E-mail: koltsova_e@mail.ru

Address: 20 Myasnitckaya str., Moscow, Russian Federation, 101000

Abstract

The aim of the study was to investigate the notions that employees of different Russian organizations have about work–life balance. The author has developed an original questionnaire using incomplete sentence approach. The data from the sample of 80 employees were processed using content analysis. Only 24% of the respondents demonstrated having a specific notion of work–life balance, which they defined as ability to establish boundaries between work and personal life, to distribute resources, and as resulting satisfaction with both spheres. A large share (48%) of respondents did not indicate having a specific notion of work–life balance, but associated it with positive psychological states, inner harmony. Only 9% of the respondents indicated that poor work–life balance would not influence their lives in a negative way. The respondents also differ in their opinions on what is needed in order to combine work and personal life successfully: 23% indicated setting goals, priorities, and distributing resources; 18% indicated setting clear boundaries between work time and personal time; 13% suggested having a job that is interesting and corresponds to individual expectations. Based on those opinions and the data of contemporary studies, the term “work–life balance” can be defined as ability to manage one’s resources in effective ways, providing necessary time for activities in each of the principal life domains, and having an interesting job with good working conditions. The subjective experience of work–life balance can be seen as a feeling of inner harmony and calm.

Keywords: work-life balance, employee notions, disbalance.

References

- Bartolome, E., & Lee Evans, P. A. (1983). Must success cost so much? In E. G. C. Collins (Ed.), *Executive success: Making it in management* (pp. 65–82). New York: Wiley.
- Britt, T. W., & Dawson, C. R. (2005). Predicting work-family conflict from workload, job attitudes, group attributes, and health: A longitudinal study. *Military Psychology, 17*(3), 203–227.
- Greenhaus, J., Collins, K., & Shaw, D. (2003). The relation between work-family balance and quality of life. *Journal of Vocational Behavior, 63*(3), 510–531.
- Hyman, J., & Summers, J. (2004). Lacking balance? Work-life employment practices in the modern economy. *Personnel Review, 33*(4), 418–429, 491.
- Jewell, L. (2001). *Industrial'no-organizatsionnaia psikhologiiia* [Contemporary industrial/organizational psychology]. Textbook for high schools. Saint Petersburg: Piter.
- Kofodimos, J. R. (1993). *Balancing act: How managers can integrate successful careers and fulfilling personal lives*. San Francisco: Jossey-Bass.
- Kotowska, I., Matysiak, A., & Styrc, M. (2010). *Second European Quality of Life Survey. Family life and work*. European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions..
- McDonald, P. K., Brown, K., & Bradley, L. M. (2005). Explanations for the provision-utilisation gap in work-life policy. *Women in Management Review, 20*(1), 37–55.
- Pascale, P., Dulkb, L., & Lippe, T. (2009). The effects of time-spatial flexibility and new working conditions on employees work-life balance: the Dutch case. *Community, Work and Family, 12*(3), 279–297.
- Roberts, E. (2008). Time and Work–Life Balance: The Roles of “Temporal Customization” and “Life Temporality”. *Gender, Work and Organization, 15*(5), 430–453.
- Van Praag, B. M. S, Frijters, P., & Ferrer-I-Carbonnel, A. (2003). The anatomy of subjective well-being. *Journal of Economic Behavior and Organization, 51*(1), 29–49.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР ЭМИГРАЦИОННЫХ НАМЕРЕНИЙ МОЛОДЕЖИ

С.В. ЧУВАШОВ

Резюме

Современные исследователи говорят о расширении спектра мотивов эмиграционной активности. Если ранее граждане России эмигрировали преимущественно по политическим и этническим причинам, то к началу XXI в. к ним добавились мотивы экономического и социального характера. В данной статье рассматриваются и анализируются эмиграционные намерения молодежи ($N = 240$) и их взаимосвязь с социально-психологическим капиталом. Социально-психологический капитал представляет собой динамическую систему отношений личности, ресурс, облегчающий достижение ею различных целей. В структуру социально-психологического капитала входят: доверие (общее, социальное, институциональное), гражданская идентичность, этническая толерантность. Эмиграционные намерения молодежи изучаются с точки зрения теории планируемого поведения А. Айзена и М. Фишбайна. Рассматривается модель планируемого эмиграционного поведения и ее связь с социально-психологическим капиталом на примере представителей молодежи (от 18 до 24 лет). В ходе анализа было построено несколько структурных моделей и проведен конфирматорный факторный анализ. Обнаружено, что на эмиграционные намерения молодежи влияет только собственное отношение респондента к эмиграции, в то время как представления о том, как к эмиграции относятся значимые близкие, и оценка своих возможностей осуществить эмиграцию практически не играют никакой роли. Показано, что гражданская идентичность и институциональное доверие отрицательно взаимосвязаны с эмиграционными намерениями: чем выше уровень социально-психологического капитала, тем слабее намерение эмигрировать. Таким образом, снижение уровня эмиграции молодежи может быть связано с формированием доверия к социальным институтам, институтам власти и гражданской идентичности. Данное исследование может стать основой для создания программ, направленных на развитие и поддержку молодежи России.

Ключевые слова: эмиграционные намерения, причины эмиграции, теория планируемого поведения, социально-психологический капитал, гражданская идентичность, доверие.

В последние годы перемещение по миру становится все доступнее для разных слоев общества. Как следствие, люди меняют место житель-

ства, переезжают из одной страны в другую. Например, в 2012 г. из России уехали 122 751 человек (Федеральная служба государственной статистики,

2012). В 2010 г. 56.7 млн человек совершили миграцию в пределах европейской части континента, часть из них эмигрировали в Азию и США (Migration Policy Institute, 2010). Почему люди покидают привычное место жительства?

Ответ на вопросы о структуре и причинах эмиграции пытаются дать социологи, экономисты и антропологи (Морозова, 1996; Ахиезер, 1999; Платонов, 2000). Авторы современных исследований отмечают расширение спектра мотивов эмиграционной активности. Например, если ранее граждане России эмигрировали преимущественно по политическим и этническим причинам, то к началу XXI в. к ним добавились мотивы экономического и социального характера: попытки добиться более высоких показателей заработной платы, правовой безопасности, уровня жизни и т.д. (Красинец, 1997). Это означает, что причинами эмиграции все чаще становятся собственно психологические факторы, связанные с отношением к другим людям и социальным институтам.

На наш взгляд, к числу подобных факторов относится социально-психологический капитал личности, который представляет собой динамическую систему отношений личности, ресурс, облегчающий достижение ею различных целей (Татарко, 2013). Он включает различные виды доверия личности (генерализованное, социальное, институциональное), толерантность к культурному разнообразию, гражданскую идентичность, плотность отношений с социальным окружением (включенность человека в сеть формальных и неформальных отношений), а также

ресурсы, которые личность получает благодаря отношениям с другими людьми.

Каким образом связаны между собой социально-психологический капитал личности и эмиграционная активность? Ответ на этот вопрос может дать теория планируемого поведения, в которой рассматриваются факторы, оказывающие влияние на поведение человека (Ajzen, 1991; Fishbein, Ajzen, 2010). Согласно этой теории, принимая решение о совершении того или иного действия, человек рассматривает и оценивает вероятные последствия своего поведения, взвешивает ожидания значимых других — близких людей или групп, оценивает ресурсы, необходимые для осуществления действия, и возможные препятствия. Эти суждения ложатся в основу аттитюдов (оценки полезности и приятности действий), воспринимаемых социальных норм (представления о том, как значимые другие относятся к этим действиям и как ведут себя на самом деле) и воспринимаемого поведенческого контроля (оценки своих возможностей совершить данное действие). Аттитюды, субъективные нормы и воспринимаемый контроль оказывают влияние на намерения человека совершить определенное действие, а намерение — на его реальную активность.

В прошлом теория планируемого поведения успешно применялась для объяснения сексуальной и репродуктивной активности, здорового образа жизни, действий в экономической сфере и пр. (Allen, Davis, Soskin, 1993; Bagozzi, Dabholkar, 1994; Goldenhar, Connell, 1992; Jones, 1990; Татарко, 2013). В нашем исследовании

рассматривается, насколько она объясняет эмиграционную активность.

В соответствии с теорией планируемого поведения мы предположили, что действия, которые человек предпринимает для переезда в другую страну, зависят от установок к эмиграции, социальных норм в отношении эмиграции и воспринимаемого поведенческого контроля, которые, в свою очередь, формируют эмиграционное намерение (гипотеза 1).

Эти элементы опосредуют связь между социально-психологическим капиталом и эмиграционным поведением. Чем выше социально-психологический капитал личности, тем негативнее установки по отношению к эмиграции, ниже уровень воспринимаемого контроля, негативнее воспринимаемые нормы (гипотеза 2). Однако, на наш взгляд, основную роль играют те компоненты социального капитала, которые отражают отношение человека к своему окружению, — доверие, этническая толерантность и гражданская идентичность.

Методика исследования

Участники исследования заполняли опросник для измерения элементов социально-психологического капитала, установок и воспринимаемых норм относительно эмиграции, воспринимаемого контроля, намерений и действий, необходимых для того, чтобы эмигрировать из страны.

Социально-психологический капитал. В качестве показателей социально-психологического капитала рассматривались следующие (Татарко, 2012):

1. *Генерализованное межличностное доверие.* Респонденты должны

были оценить степень своего согласия с утверждениями «Большинству людей можно доверять» и «Большинство людей всегда поступают честно» по 5-балльной шкале, где «1» — абсолютно не согласен, а «5» — абсолютно согласен.

2. *Социальное доверие.* Респонденты должны были оценить степень своего согласия с утверждениями «Я доверяю своим коллегам по работе», «Я доверяю своим соседям» и «Я доверяю людям других национальностей» по 5-балльной шкале, где «1» — абсолютно не согласен, а «5» — абсолютно согласен.

3. *Институциональное доверие.* Респонденты должны были оценить степень своего согласия с утверждениями «Я доверяю органам федеральной власти», «Я доверяю региональным органам власти» и «Я доверяю властям города/района, в котором я живу» по 5-балльной шкале, где «1» — абсолютно не согласен, а «5» — абсолютно согласен.

4. *Этническая толерантность.* Респонденты должны были оценить степень своего согласия с утверждениями «То, что вокруг живут люди разных национальностей, делает жизнь лучше» и «Я не против того, чтобы жить среди людей разных национальностей» по 5-балльной шкале, где «1» — абсолютно не согласен, а «5» — абсолютно согласен.

5. *Гражданская идентичность.* Респонденты должны были оценить степень своего согласия с утверждениями «Я скорее предпочту быть гражданином только России, а не какой-либо другой страны», «Я сильно ощущаю свою принадлежность к России», «Я горжусь тем, что являюсь гражданином России», «Для

меня очень важно чувствовать свою принадлежность к России» по 5-балльной шкале, где «1» — абсолютно не согласен, а «5» — абсолютно согласен.

В качестве показателей планируемого эмиграционного поведения измерялись следующие показатели (методика создана по: Ajzen, 2010):

1. *Установка по отношению к эмиграции.* Респонденту предлагалось оценить утверждения по шкале от -3 до +3: «Для меня идея эмиграции в течение ближайших двух лет...» (очень плохая/очень хорошая), «Для меня идея эмигрировать в течение ближайших двух лет...» (очень глупая/очень умная), «Для меня идея эмигрировать в течение ближайших двух лет...» (очень неуместная/очень уместная).

2. *Субъективные социальные нормы.* Респонденту предлагалось оценить утверждения по шкале от -3 до +3: «Большинство людей, важных для меня, считают, что мне следует эмигрировать в течение ближайших двух лет» (абсолютно не согласен/абсолютно согласен) и «Многие люди, которых я знаю, хотели бы эмигрировать в течение ближайших двух лет» (абсолютно не согласен/абсолютно согласен).

3. *Воспринимаемый поведенческий контроль.* Респонденту предлагалось оценить утверждения по шкале от -3 до +3: «Для меня эмигрировать в течение ближайших двух лет...» (очень сложно/очень просто) и «Эмигрировать в течение ближайших двух лет — это не в моих силах» (абсолютно не согласен/абсолютно согласен).

4. *Намерение эмигрировать из России.* Респонденту предлагалось

оценить утверждения по шкале от -3 до +3: «Насколько вероятно, что вы эмигрируете из России в течение двух ближайших лет?» (совершенно невероятно/очень вероятно), «Я хотел(а) бы начать готовиться к эмиграции в течение ближайших двух лет» (абсолютно не согласен/абсолютно согласен), «Я собираюсь начать готовиться к эмиграции в течение ближайших двух лет» (абсолютно не согласен/абсолютно согласен).

5. *Действия по осуществлению эмиграции.* Респонденту предлагалось ответить на вопрос «Есть ли у вас идея, которая может служить основой для эмиграции из России?», выбрав один из вариантов ответа: (1) Нет, пока совсем нет никаких идей; (2) Определенных идей нет, только общие задумки; (3) Есть какие-то идеи, но пока не очень четкие; (4) Есть идея, но ее еще нужно додумать, разработать; (5) Да, есть уже хорошо продуманная идея. Также респонденту предлагался ряд утверждений, в отношении которых нужно было отметить, на каком этапе планирования эмиграции он находится: «Поиск страны, места жительства и места работы/учебы», «Разработка плана действий для эмиграции из России», «Накопление денег для эмиграции». Каждый раз участники должны были выбрать один из пяти вариантов ответа: (1) Я не собираюсь это делать; (2) Я собираюсь сделать это когда-либо в будущем; (3) Я собираюсь сделать это в ближайшее время; (4) Я только начал это делать; (5) Я уже активно это делаю.

Выборка. В исследовании приняли участие представители молодежи 18–24 лет (периодизация по: Моргун, Ткачева, 1981). Основная часть

респондентов проживают в Москве и Московской области (96%), остальные в других городах России: Санкт-Петербурге, Глазове, Иркутске, Тольятти, Самаре, Ижевске, Чебоксарах (4%). Выборка включала в себя 59 мужчин и 144 женщины, средний возраст — 20 лет, уровень образования: среднее (15.3%), среднее специальное (9.9%), неполное высшее (3 курса) (44.3%), высшее (30.5%).

Результаты

Результаты исследования были проанализированы при помощи моделирования структурными уравнениями. В ходе проверки гипотез было создано две модели.

Первая модель включала все измеренные в исследовании элементы социально-психологического капитала, аттитюды, субъективные нормы, воспринимаемый поведенческий контроль, намерение эмигрировать из России и действия по осуществлению эмиграции. Индексы качества данной модели были очень низкие ($p = 0.75$, $CMIN/DF = 3.354$, $CFI = 0.763$, $RMSEA = 0.32$, $PCLOSE = 0.234$, $\chi^2 = 86.3$, $df = 83$). Более того, было обнаружено много незначимых связей.

Вторая модель включала только те переменные, которые были значимо связаны с эмиграционной активностью. В ее состав вошли гражданская идентичность, институциональное доверие, установки по отношению к эмиграции, намерение эмигрировать и действия по осуществлению эмиграции (рисунок 1). Данная модель имеет лучшие статистические показатели ($p = 0.40$, $CMIN/DF = 1.311$, $CFI = 0.990$, $RMSEA = 0.039$, $PCLOSE = 0.790$, $\chi^2 = 94.4$; $df = 72$) и объ-

ясняет 70% дисперсии действий по осуществлению эмиграции.

Согласно этой модели, гражданская идентичность и институциональное доверие предсказывают аттитюды к эмиграции: чем слабее выражены эти показатели социально-психологического капитала, тем позитивнее аттитюды. Аттитюды предсказывают намерение человека эмигрировать из России, а намерение — действия для достижения этой цели. Эти результаты полностью подтверждают гипотезу 1, частично — гипотезу 2.

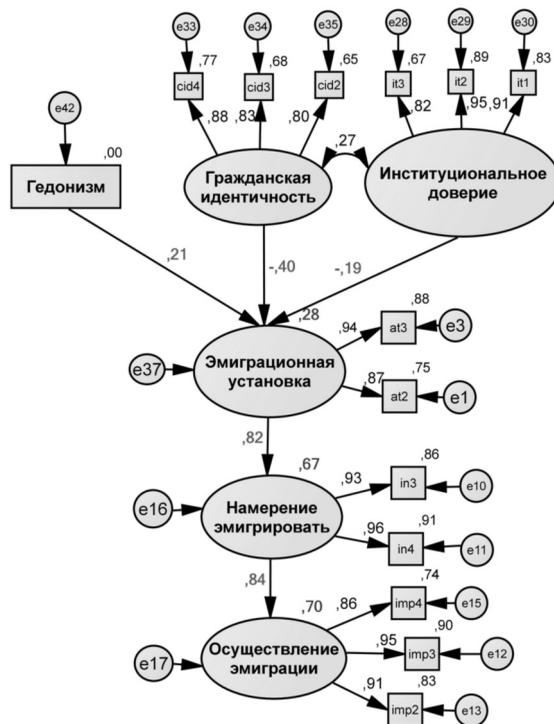
Обсуждение результатов

В данном исследовании рассматривалась взаимосвязь между компонентами социально-психологического капитала и планируемым эмиграционным поведением. Мы предположили, что уровень социально-психологического капитала предсказывает аттитюды, субъективные нормы и воспринимаемый контроль за поведением, которые, в свою очередь, способствуют формированию эмиграционного намерения и действий для его реализации. Результаты исследования частично соответствовали нашим ожиданиям.

Оказалось, что чем сильнее эмиграционные намерения человека, тем чаще он осуществляет действия, необходимые для переезда в другую страну. Однако эмиграционные намерения определяются только установкой по отношению к эмиграции. В то же время субъективные нормы и воспринимаемый поведенческий контроль не играют особой роли. Возможно, это происходит благодаря тому, что молодые люди воспринимают эмиграцию как сугубо лич-

Рисунок 1

Модель взаимосвязи социально-психологического капитала и эмиграционной активности



ное решение и недооценивают сложность переезда и адаптации в другой стране. Как следствие, они не принимают во внимание мнение об эмиграции родных и друзей и не учитывают возможные препятствия.

Аттитюды к эмиграции, в свою очередь, определяются уровнем социально-психологического капитала личности. Такое воздействие оказывают институциональное доверие и гражданская идентичность — компоненты социально-психологического капитала, которые отражают личное отношение человека к социуму и выполняют интегративную функцию в группе. Подобная тенден-

ция была обнаружена и в других исследованиях (Фролова, 2010). Это происходит, поскольку низкая гражданская идентичность и недоверие к социальным институтам страны не дают молодому человеку удовлетворить потребность в принадлежности к группе. Пытаясь компенсировать возникшую неудовлетворенность, он ищет другое — более привлекательное сообщество, членом которого мог бы стать и на благо которого мог бы работать. Следовательно, снижение уровня эмиграции молодежи связано с формированием доверия к социальным институтам и гражданской идентичности.

Литература

- Ахиезер, А. С. (1999). Эмиграция как индикатор состояния российского общества. *Мир России*, 4, 163–186.
- Красинец, Е. С. (1997). *Международная миграция населения в России в условиях перехода к рынку*. М.: Союз.
- Морозова, Г. Ф. (1996). Эмиграция — реальная угроза будущему страны. *Общественные науки и современность*, 3, 30–36.
- Моргун, В. Ф., Ткачева, Н. Ю. (1981). *Проблема периодизации развития личности в психологии*. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Платонов, Ю. П. (2000). *Народы мира в зеркале геополитики (структура, динамика, поведение): Учебное пособие*. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Татарко, А. Н. (2012). Индивидуальные ценности и социально-психологический капитал: кросс-культурный анализ. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(2), 71–88.
- Татарко, А. Н. (2013). Социально-психологический капитал личности как фактор успеха в открытии нового бизнеса. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(4), 80–98.
- Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации (2012). *Миграция населения*. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
- Фролова, С. В. (2010). Макропсихологический анализ эмиграционных намерений молодежи. *Известия Саратовского университета. Философия. Психология. Педагогика*, 10(3), 91–96.
- Ajzen, I. (1991). The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 50, 179–211.
- Allen, J., Davis, D., & Soskin, M. (1993). Using coupon incentives in recycling aluminum: A market approach to energy conservation policy. *Journal of Consumer Affairs*, 27, 300–318.
- Bagozzi, R. P., & Dabholkar, P. A. (1994). Consumer recycling goals and their effect on decisions to recycle: A means-end chain analysis. *Psychology and Marketing*, 11, 313–340.
- Fishbein, M., & Ajzen, I. (2010). *Predicting and changing behavior: The reasoned action approach*. New York: Psychology Press (Taylor & Francis).
- Goldenhar, L. M., & Connell, C. M. (1992). Understanding and predicting recycling behavior: An application of the theory of reasoned action. *Journal of Environmental Systems*, 22, 91–103.
- Jones, R. E. (1990). Understanding paper recycling in an institutionally supportive setting: An application of the theory of reasoned action. *Journal of Environmental Systems*, 19, 307–321.
- Migration Policy Institute (2010). *International Migration Statistics*. URL: <http://www.migrationpolicy.org/>

Чувашов Сергей Викторович, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований НИУ ВШЭ, стажер-исследователь

Контакты: csvgroup189@gmail.com

Socio-Psychological Capital as a Factor of Emigration Intentions in Youth

Sergey V. Chuvashov
Research Assistant, HSE
E-mail: csvgroup189@gmail.com

Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation, 101000

Abstract

Contemporary researchers note the emergence of new motives for emigration activity. Before recently, Russian citizens used to emigrate mostly for political and ethnic reasons; however, in the beginning of the XXI century those emigration motives had been joined by economic and social grounds. This paper examines emigration intentions of youths ($N = 240$) and their correlations with psychosocial assets. Psychosocial assets represent a dynamic system of personal relations, a resource that facilitates achievement of various personal goals. Psychosocial assets include trust (general, social, and institutional), civic identity, and ethnic tolerance. The current study is based on the Theory of Planned Behavior proposed by Icek Ajzen and Martin Fishbein. A model of planned emigration behaviour is considered along with its link to psychosocial assets on the sample of youths aged 18 to 24 years. The analysis included several structural models and confirmatory factor analysis. It has been shown that emigration intentions were affected by individual attitude toward emigration whereas perceptions of the attitude toward emigration among significant others or perception of own abilities to emigrate did not have significant impact. It has been shown that civic identity and institutional trust were negatively correlated with emigration intentions: the intention to emigrate decreased with the increase of the psychosocial assets level. Thus, increasing civic identity and trust toward social and government institutions and might lead to a decrease in youth emigration levels. The current research might form a basis for development of youth development and support programmes in Russia.

Keywords: emigration intentions, reasons for emigration, theory of planned behavior, psychosocial assets, civic identity, trust.

References

- Ahiezer, A. S. (1999). Emigratsiya kak indikator sostoyaniya rossiiskogo obshchestva [Emigration as an indicator of the state of Russian society]. *Mir Rossii*, 4, 163–186.
- Ajzen, I. (1991). The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 50, 179–211.
- Allen, J., Davis, D., & Soskin, M. (1993). Using coupon incentives in recycling aluminum: A market approach to energy conservation policy. *Journal of Consumer Affairs*, 27, 300–318.
- Bagozzi, R. P., & Dabholkar, P. A. (1994). Consumer recycling goals and their effect on decisions to recycle: A means-end chain analysis. *Psychology and Marketing*, 11, 313–340.
- Fishbein, M., & Ajzen, I. (2010). *Predicting and changing behavior: The reasoned action approach*. New York: Psychology Press (Taylor & Francis).

- Frolova, S. V. (2010). Makropsikhologicheskii analiz emigratsionnykh namerenii molodezhi [Macropsychological analysis of emigration intentions in youth]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 10(3), 91–96.
- Goldenhar, L. M., & Connell, C. M. (1992). Understanding and predicting recycling behavior: An application of the theory of reasoned action. *Journal of Environmental Systems*, 22, 91–103.
- Jones, R. E. (1990). Understanding paper recycling in an institutionally supportive setting: An application of the theory of reasoned action. *Journal of Environmental Systems*, 19, 307–321.
- Krassinets, E. S. (1997). *Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya v Rossii v usloviyakh perekhoda k rynku* [International migration in Russia during the transition to market economy]. Moscow: Soyuz.
- Migration Policy Institute (2010). *International Migration Statistics*. Retrieved from <http://www.migrationpolicy.org/>
- Morgun, V. F., & Tkacheva, N. Yu. (1981). *Problema periodizatsii razvitiya lichnosti v psikhologii* [A problem of periodization of development of personality in psychology]. Moscow: Moscow University Press.
- Morozova, G. F. (1996). Emigratsiya – real'naya ugroza budushchemu strany [Emigration as a real threat to the country's future]. *Obshchestvennye [Nauki i Sovremennost', 3, 30–36.*
- Platonov, Yu. P. (2000). *Narody mira v zerkale geopolitiki (struktura, dinamika, povedenie)* [Peoples of the world through the mirror of geopolitics (structure, dynamics, behavior)]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
- Russian Federation Federal State Statistics Service (2012). *Migratsiya naseleniya* [Population migration]. Retrieved from http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
- Tatarko, A. N. (2012). Individual values and social psychological capital: A cross-cultural analysis. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 9(2), 71–88.
- Tatarko, A. N. (2013). Social psychological capital as a factor of success in a new business. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 10(4), 80–98.

Обзоры и рецензии

ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИРОВАННЫЙ ПОДХОД В МЕДИЦИНЕ НА ПРИМЕРЕ НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ

Н.А. ВАРАКО

Резюме

Последние несколько десятилетий в традиционной нейропсихологической реабилитации больных с повреждениями мозга произошли важные перемены. Часть из них связана с расширением понятия «нейрореабилитация» и включением в него психотерапевтического компонента как обязательного. Исторически нейрореабилитацию понимали как синоним когнитивной реабилитации, не включая в сферу специальной деятельности реабилитационной команды собственно психотерапевтическую составляющую. Такое человекоцентрированное изменение связано с анализом эффективности различных реабилитационных программ и пониманием важности работы с эмоционально-личностной сферой пациентов, их семей, а также сотрудников клиник и реабилитационных центров. В предлагаемой статье содержится обзор таких программ и подходов. Одна из первых программ по реабилитации с применением психотерапевтической помощи больным с повреждениями мозга была разработана и успешно внедрена американским психологом, психотерапевтом Йехудой Бен-Ишаем (Yehuda Ben-Yishay). Реабилитационная программа длилась около двух лет и задействовала как самих пациентов, так и членов их семей. Помимо психотерапевтической и когнитивной составляющих, все участники включались в решение повседневных жизненных задач. Экологическая направленность и психотерапевтическая поддержка обеспечили практически стопроцентную эффективность программы.

Не менее известный подход к нейропсихологической реабилитации с включением психотерапевтического компонента как обязательного был разработан другим американским психологом, Джорджем Пригатано (George Prigatano). В своей книге «Принципы нейропсихологической реабилитации» он формулирует тринадцать принципов. Многие из них посвящены психотерапевтической работе как с пациентами, так и с членами их семей, а также с членами реабилитационной команды, которая сталкивается с множеством психологических и поведенческих проблем, сопровождающих повреждения мозга.

Указанные программы относятся к холистическому подходу в нейрореабилитации, доказавшему свою высокую эффективность. Комплексный подход к пациенту и его окружению, в котором основное место уделяется мотивационному компоненту и проработке эмоциональных проблем, позволяет повысить результативность всех восстановительных занятий за счет активности самого пациента и адекватного понимания целей, задач и возможностей реабилитации.

Ключевые слова: нейрореабилитация, человекоцентрированный подход, больные с повреждениями мозга, психологическая реабилитация.

Безусловно, еще древние целители в разных странах и в разные эпохи говорили о страдающем человеке, о способах помощи ему. Однако с бурным развитием науки, техники, технологии, фармацевтики и других смежных отраслей знания сам пациент все больше и больше отодвигался на задний план медицины, уступая место технологичным процессам и объективным данным. Конечно, это касается, в первую очередь, европейской медицины с ее дискретным подходом к анализу явлений, но и страны иных культур и мировоззрений в результате технологических прорывов и общей глобализации не обошло стороной смещение акцента с больного на болезнь.

Но в целом ряде случаев дискретный подход оказался малоэффективным: многие заболевания имеют комплексную, сложную природу, и требуют такого же комплексного, целостного подхода к лечению. В результате в медицину начал возвращаться и оформляться в соответствии с требованиями современности подход, который ставил во главу угла именно пациента, а не болезнь, не процесс лечения, не динамику болезни и другие неотъемлемые составляющие медицинской практики. Так, примерно в 80-е гг. XX века мировым стандартом в ряде клинических направлений вновь становится человекоцентрированный подход. Одним из таких направлений является комплексная реабилитация больных с различными повреждениями мозга. Кроме того, этот подход получил большое признание и активно практикуется в отношении психиатрических больных (Watkins, 1996; Lukoff et al., 1986), пациентов,

страдающих болезнью Альцгеймера и другими видами слабоумия (Clare et al., 2000), детей с различной степенью умственной отсталости и больных аутизмом (Kuhaneck et al., 2004) и других групп больных (Barlow et al., 2002).

Что такое комплексная реабилитация больных с мозговыми повреждениями?

Сегодня это понятие, определенное ВОЗ, базируется на биопсихосоциальной модели функционирования человека, определяющей здоровье как физическое, психологическое и социальное благополучие человека (Frankel et al., 2003). Комплексная нейрореабилитация направлена как раз на решение всех этих проблем. «Реабилитация — это процесс, в котором люди, имеющие ограничения жизнедеятельности из-за травмы или заболевания, работают совместно с профессионалами, родственниками и другими людьми для достижения своего оптимального физического, психологического, социального и профессионального благополучия» (McLellan, 1991).

Однако, из определения можно увидеть, что охватить все аспекты реабилитации специалисту одного профиля просто не под силу. Поэтому для решения всего спектра задач с одним пациентом работает мультидисциплинарная команда, в которую входят такие специалисты, как врач-реабилитолог, врач-невролог, специализированные медицинские сестры, физиотерапевт (инструктор ЛФК), нейропсихолог, клинический психолог, логопед, эрготерапевт, а также сам пациент и его

родные и близкие. Очень важно, что эти профессионалы являются именно командой, а не отдельно приходящими к больному специалистами с отдельными задачами (Fordyce, 1982). «Командность» достигается благодаря нескольким важным составляющим работы. Во-первых, постановке реабилитационных целей. Этот этап является обязательным для любой реабилитации в любом периоде, в том числе и с больными, находящимися в реанимации и, возможно, в таком тяжелом состоянии, как кома. Безусловно, реабилитационные цели будут меняться при изменении состояния больного и его общей ситуации. Поэтому вторая командообразующая составляющая — это регулярные, не реже 1 раза в неделю (а с больными в остром состоянии — 1 раз в день), встречи всех специалистов между собой для группового обсуждения и корректировки реабилитационных целей (McGrath et al., 1992).

Что дает больному клиентоцентрированная постановка целей в реабилитации? Подобный подход позволяет улучшить настроение пациента и повысить его мотивацию изменений, работы, участия в реабилитационном процессе. Достижение одних целей и постановка новых целей придают смысл оценке прогресса изменений, у человека возникает чувство потенциальной власти и контроля над ситуацией, понимание того, что случилось и как можно это преодолеть. По словам одного из ведущих специалистов в области нейропсихологической реабилитации Дж. Пригатано, «Противоречия и боль бывают в жизни человека и до, и после повреждения мозга. Однако после повреждения у челове-

ка меньше когнитивных и личностных ресурсов для действий по поводу возникающих противоречий и боли. Широкие возможности нейропсихологической реабилитации предназначены для помощи этим людям овладеть ситуацией» (Prigatano, 1999)

Сегодня различают психологическую, нейропсихологическую, когнитивную реабилитацию. Когнитивная реабилитация направлена на работу с когнитивным дефицитом. Основная цель такой реабилитации — восстановить психическую функцию или уменьшить когнитивный дефицит, возникший в результате повреждения мозга. В настоящее время уже разработаны и продолжают разрабатываться узкоспециализированные техники и приемы компенсации отдельной когнитивной функции или типа нарушения (памяти, внимания, управляющих функций и т.д.) (Antonucci et al., 1995; Wilson et al., 1994; Evans, 2003). Нейропсихологическая реабилитация — понятие более широкое. Такая реабилитация касается работы над снижением не только когнитивного, но также эмоционального, психологического и поведенческого дефицита, вызванного повреждением головного мозга. Основная цель нейропсихологической реабилитации — дать возможность инвалидизированным пациентам достичь того оптимального уровня благополучия, который возможен в их ситуации, уменьшить влияние возникших каждодневных проблем, а также помочь пациентам вернуться в их собственную окружающую обстановку.

Что это значит — страдать от повреждения мозга? Какие личные

переживания связаны с мозговыми нарушениями? Очевидно, что существуют и общие для всех пациентов, и специфические вещи, связанные как с характером, степенью и зоной повреждения мозга, так и с его преморбидными (имевшимися до заболевания) особенностями и жизненной философией (Satz, 1966). В этом отношении очень интересными и полезными представляются субъективные отчеты тех, кто пережил мозговое повреждение и прошел многие стадии восстановления. Они позволяют лучше понять чувства тех людей, с которыми специалистам приходится работать и общаться каждый день. Так, В. ЛаБау (LaBaw, 1969), сам психиатр по образованию, осмысляя свой опыт восстановления после черепно-мозговой травмы, полученной в результате аварии, пишет, что «Спустя тридцать месяцев после происшедшего я вдруг осознал, что выжить в результате аварии — это одно, а выжить в последующем неприятии — это другое» (Там же р. 184). Люди с повреждениями мозга оказываются как бы зажатými между собственными переживаниями и болью, собственными ограничениями и когнитивными нарушениями, с одной стороны, и между непониманием, неприятием и неадекватным отношением других к себе, с другой. Причем это неадекватное отношение может быть как в форме гиперопеки и инвалидизации, так и в форме недооценки тяжести состояния и возникших трудностей и, соответственно, предъявлении завышенных требований.

Таким образом, после повреждения мозга человек нуждается в комплексном подходе, который учитыв-

вал бы его эмоциональный, поведенческий, когнитивный и социальный статусы. По каждому из перечисленных направлений ведется психологическая работа. При этом следует сказать, что эмоциональная составляющая реабилитации является одной из важнейших и базовых для остальных, так как при отсутствии необходимой мотивации, включенности, понимания своей ситуации и возникшего дефекта, а также без нахождения новых личностных смыслов (Леонтьев, 1975) реабилитация во многом обречена на провал.

Одним из первых, кто поднял этот вопрос, был Курт Гольдштейн. Курт Гольдштейн получил медицинское образование в области как неврологии, так и психиатрии и разработал свой реабилитационный подход в годы Первой мировой войны в Германии. Подход Курта Гольдштейна к реабилитации больных с повреждениями мозга был очень практичным и одновременно очень человеческим. Он говорил о важности защиты пациентов и проводил с ними занятия по реабилитации, которые позволяли повысить их профессиональные возможности. Кроме того, он понимал их личностную реакцию на ту психологическую и физическую травму, которая сопровождает таких больных, назвав ее катастрофической реакцией (Goldstein, 1952).

Развивая идеи Курта Гольдштейна, американский психолог, его ученик, Йехуда Бен-Ишай в своем подходе «терапевтической среды» (Therapeutic Milieu Concept) акцентируется, в первую очередь, на вопросах личностной трансформации — залога успешной реабилитации пациентов с

повреждениями мозга и возникшими ограничениями (Ben-Yishay, Gold, 1990). Кроме концепции К. Гольдштейна, в его основу понимания личности положен подход Э. Эриксона к эго-идентичности (Эриксон, 1995, 1996).

Й. Бен-Ишай берет за основу своей концепции понимание эго-идентичности как самоопределения. Он делает эго-идентичность своеобразной «мишенью» для психотерапевтической работы, говоря о том, что каждый из тех, кто работает с людьми, имеющими повреждения мозга, часто сталкивается с нарушениями самоопределения, потери смысла себя и своего существования в его эриксоновском понимании. Операционализация понятия эго-идентичности осуществлялась через точность самоопределения. Психологическая реабилитация Й. Бен-Ишай направлена, в первую очередь, на поиск своей новой самоидентичности после повреждения мозга и возникающих в связи с этим ограничений, иногда довольно серьезных. Эти ограничения могут касаться как когнитивных и двигательных функций, так и эмоциональной сферы и поведения. И весь этот клубок проблем мешает человеку жить полноценной жизнью (Ben-Yishay, Diller, 2011). Автор считает, что создание терапевтической среды необходимо для любой реабилитации (Ben-Yishay, 1996).

В чем состоит подход «терапевтической среды»? Ключевым «посланием» в нем служит идея того, что каждый участник терапии перестает быть «пациентом». Скорее, участники терапии становятся просто обычными гражданами и членами своих семей. Их задача — как можно скорее

и как можно лучше вернуться к полноценной жизни. И хотя каждый участник занят своей собственной реабилитацией, он может содействовать реабилитации других участников, что способствует повышению его самоуважения. Понимание того, что ты помогаешь другому, играет важную роль для пациентов, для их самооценности.

Успешно развивая свой подход, Й. Бен-Ишай открыл специальную программу в Нью-Йоркском университете (Ben-Yishay et al., 1985). Как уже говорилось, ключевой составляющей этой программы было создание психотерапевтической среды, а также работа с эго-идентичностью в эриксоновском понимании. Однако достижение своей эго-идентичности предполагало не просто адаптацию к жизненным условиям, но и возможность вести полноценную, активную и счастливую жизнь, не чувствуя себя жертвой судьбы. Части из участников программы удавалось достичь этого до выписки, а части нет. Среди последних было немало и таких, кто успешно адаптировался к жизни.

Спустя много лет Й. Бен-Ишай провел ретроспективное пилотное исследование, изучая различия в жизни тех, кто после его программы достиг перед выпиской своей эго-идентичности, и тех, кто не достиг, но был хорошо приспособлен к своей инвалидности (Ben-Yishay, Daniels-Zide, 2000). Это исследование было во многом ответом на вопрос о целесообразности такого подхода. Полученные результаты показали, что те участники, которые достигли самоопределения, были более успешны как в принятии собственной инва-

лидности (и, соответственно, ощущение своей жизни как полноценной), так и в плане относительно более успешной профессиональной адаптации. Т.е. на вопрос о целесообразности такого подхода можно ответить утвердительно. Такие программы, как разработанная Й. Бен-Ишаем с коллегами, помогают пациентам справиться с их психологической травмой и вновь найти себя, проживая полноценную человеческую жизнь.

Программу и подход, разработанные Й. Бен-Ишаем, относят к программам Целостного подхода в реабилитации (Prigatano, 1999; Silver et al., 2011).

Целостный, или холистический, подход в реабилитации характеризуется комбинированием индивидуального и группового лечения, переплетением работы по восстановлению когнитивных функций и психотерапевтического воздействия. Так, индивидуальная реабилитация часто включает в себя психотерапию, восстановление когнитивных функций и речи. В групповой работе есть сессии, фокусирующиеся как на когнитивной реабилитации, так и на построении навыков социального взаимодействия. Последние включают в себя повышение осведомленности о заболевании и когнитивном функционировании (Silver et al., 2011).

С 80-х гг. прошлого столетия целостный подход завоевал очень большое количество сторонников, и уже практически ни одна реабилитационная программа не обходится без его компонентов и идеологической поддержки.

Одной из важнейших составляющих целостного подхода, как уже говорилось, является психотерапия, или

психотерапевтическое вмешательство. По словам Дж. Пригатано, «психотерапевтическая помощь может быть важным компонентом нейропсихологической реабилитации пациентов» (Prigatano, 1999, p. 202). Однако следует понимать, что в клинике есть свои особенности и своя «клиническая чувствительность» (Schafer, 1967). И задача клиницистов — помочь пациентам совладать с их болью и трагедией, которая объективна и последствия которой вызывают многие психологические проблемы.

Очевидно, что больные с повреждением мозга не сразу могут быть готовы к психотерапевтической интервенции. Их физическое и психическое состояние должно уже пройти определенные стадии восстановления, чтобы можно и нужно было использовать психотерапию. Люди с нейропсихологическим и неврологическим дефицитом редко могут полностью понять осложнения, к которым приводит их повреждение. Они задаются вопросами, будут ли они когда-нибудь такими, как прежде. Многие из них также спрашивают себя, стоит ли вообще жизнь того, чтобы жить такими ущербными (Prigatano, 1995).

Что же является основным при работе с контингентом больных в таком состоянии? Дж. Пригатано предлагает фокусироваться на трех сферах человеческой активности (трех человеческих и жизненных символах) (Prigatano, 1989), которые могут довольно хорошо помочь в психотерапевтическом процессе. Эти три символа — работа, любовь и игра.

Символ работы означает ощущение своей продуктивности, т.е. возможности что-то делать и быть

нужным, востребованным, что очень важно для нормального человеческого состояния, для ощущения себя.

Не менее важным символом в жизни человека является любовь. Этот символ очень трудно определить. Человек, который любит и который любим, не чувствует себя психологически одиноким. В психотерапии пациентов с мозговыми повреждениями удобно использовать трехкомпонентную теорию любви, разработанную американским психологом Робертом Стернбергом (Sternberg, 1986). Согласно Р. Стернбергу, любовь можно представить в виде треугольника с тремя сторонами: страсть, близость и обязательства. Определенное сочетание этих трех компонентов дает определенные типы отношений. Эта концепция позволяет операционализировать такое сложное в философском определении понятие, как любовь, и помогает работать над каждым из компонентов и жизненных сценариев.

Третьим символом человеческого бытия является игра. Игра не означает развлечение. Игра означает свободу делать то, что хочется в своих фантазиях. Таким образом, возможность работать, любить и играть помогает человеку справиться со своим страданием и утвердить новый смысл своей жизни, несмотря на многие ограничения и утраты. Пациентам с мозговыми нарушениями нужно помочь установить все эти жизненные символы, чтобы они могли совладать с потерей «чувства нормальности».

Психотерапия после повреждения мозга имеет как свои сильные

стороны, так и ограничения. К сильным сторонам психотерапии можно отнести проработку множества «подцелей» (например, контроль собственного поведения), которые должны быть достигнуты прежде, чем будет достигнута основная цель. Другой сильной стороной психотерапии является возможность пациента устанавливать эмоциональный контакт с другим человеком в процессе установления психотерапевтического альянса.

В то же время психотерапия пациентов с мозговыми повреждениями имеет ряд ограничений. Так, больные с когнитивными нарушениями могут достаточно долго и с трудом овладевать своим поведением, контролем над импульсивными реакциями, установлением психотерапевтического диалога. Также надо понимать, что больные в остром и тяжелом состоянии не могут получать полноценную психотерапевтическую помощь вследствие своего состояния или выраженных когнитивных и иных нарушений. В таком случае может помочь психологическая помощь, имеющая целевую направленность для поддержки в конкретных трудных ситуациях.

Еще одной важнейшей составляющей психотерапевтической работы в клинике пациентов, страдающих от повреждения мозга, является работа с семьей, с родными и близкими пациентов. Важной задачей при работе с родственниками является помощь в осознании тех изменений, которые произошли с их близким человеком и их жизнью. В результате достижения этой цели отношение семьи к пациенту может измениться, и не всегда в приятном направлении.

Важно понимать, что этот тяжелый момент — часть жизненных реалий.

Кроме семьи и психотерапевта с психологическими трудностями сталкиваются и сотрудники клиник. Ни медсестры, ни физиотерапевты, ни другие специалисты не обладают специализированными психологическими знаниями и умениями, необходимыми для коррекции поведенческих и эмоциональных изменений. В то же время многие сталкиваются с разными, в том числе и неприятными, поведенческими реакциями. Например, молодой мужчина с повреждением мозга, с нарушением критики и ратормаживанием влечений может проявлять определенную сексуальную активность в отношении молодого женского персонала. Подключение психотерапевта к решению таких проблем может помочь найти адекватное решение, скорректировать как поведение пациента, так и поведение и отношение персонала к подобным поведенческим проявлениям.

Важно также понимать, что те роли, которыми наделены персонал и пациенты в больнице, играют огромную роль в формировании и развитии их отношений. Как правило, эти роли предполагают, что психологическая позиция персонала находится выше, чем позиция пациента. Происходят вещи, схожие по своей сути с теми, которые были описаны в знаменитом Стэнфордском тюремном эксперименте (Zimbardo et al., 1973). Несмотря на то что у

человека, занимающегося реабилитацией, совсем другая роль, нежели у тюремного охранника, его профессиональные ошибки могут привести к неверному реабилитационному пути и пациентов, и их семей.

Подводя итог современным подходам к нейрореабилитации, среди которых преобладающим как в отношении эффективности, так и в отношении общегуманистической, человекоцентрированной направленности являются различные варианты холистического подхода, следует подчеркнуть важность и необходимость присутствия в них различных форм психотерапевтической интервенции. На тот факт, что при включении в нейрореабилитацию психотерапевтического вмешательства в качестве одной из составляющих повышается эффективность реабилитации, указывают многие авторы (Prigatano, Ben-Yishay, 1999; Christensen et al., 1992). Кроме повышения эффективности реабилитации, такой подход помогает снизить затраты государства на обслуживание инвалидов (Teasdale, Christensen, 1994). К сожалению, не существует универсальной реабилитационной программы, после которой эффективность выхода была бы абсолютной для всех пациентов. Эта область нуждается в дальнейших разработках и исследованиях, которые помогли бы больным с повреждениями мозга и их близким минимизировать последствия случившейся с ними катастрофы.

Варако Наталья Александровна, доцент кафедры общей и экспериментальной психологии НИУ ВШЭ, медицинский психолог НИИСП им. Н.В. Склифосовского, кандидат психологических наук

Контакты: nvarako@hse.ru

Литература

- Леонтьев, А. Н. (1975). *Деятельность. Сознание. Личность*. М.: Политиздат.
- Эриксон, Э. (1995). Жизненный цикл: эпигенез идентичности. В кн. Э. Эриксон. *Психология личности* (Т. 2, с. 305–348). М.: Прогресс.
- Эриксон, Э. (1996). *Детство и общество*. СПб.: Ленато; АСТ; Фонд «Университетская книга».
- Antonucci, G., Guariglia, C., Judica, A., Magnotti, L., Paolucci, S., Pizzamiglio, L., & Zoccolotti, P. (1995). Effectiveness of neglect rehabilitation in a randomized group study. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 17(3), 383–389.
- Barlow, J., Wright, C., Sheasby, J., Turner, A., & Hainsworth, J. (2002). Self-management approaches for people with chronic conditions: a review. *Patient Education and Counseling*, 48(2), 177–187.
- Ben-Yishay, Y. (1996). Reflections on the evolution of the Therapeutic Milieu Concept. *Neuropsychological Rehabilitation*, 6(4), 327–343. doi:10.1080/713755514
- Ben-Yishay, Y., & Daniels-Zide, E. (2000). Examined lives: Outcomes after holistic rehabilitation. *Rehabilitation Psychology*, 45(2), 112–129. doi:10.1037//0090-5550.45.2.112
- Ben-Yishay, Y., & Diller, L. (2011). *Handbook of holistic neuropsychological rehabilitation: outpatient rehabilitation of traumatic brain injury*. New York: Oxford University Press.
- Ben-Yishay, Y., & Gold, J. (1990). Therapeutic milieu approach to neuropsychological rehabilitation. In R. L. Wood (Ed.), *Neurobehavioral sequelae of traumatic brain injury* (pp. 194–215). New York: Taylor & Francis.
- Christensen, A.-L., Pinner, E. M., Pedersen, P. M., Teasdale, T. W., & Trexler, L. E. (1992). Psychosocial outcome following individualized neuropsychological rehabilitation of brain damage. *Acta Neurologica Scandinavica*, 85(1), 32–38.
- Clare, L., Wilson, B. A., Carter, G., Breen, K., Gosses, A., & Hodges, J. R. (2000). Intervening with everyday memory problems in dementia of Alzheimer type: an errorless learning approach. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 22(1), 132–146.
- Evans, J. J. (2003). Rehabilitation of executive deficits. In B. A. Wilson (Ed.), *Neuropsychological rehabilitation: Theory and practice* (pp. 53–70). Lisse: Swets and Zeitlinger.
- Fordyce, W. E. (1982). Interdisciplinary process: Implications for rehabilitation psychology. *Rehabilitation Psychology*, 27(1), 5.
- Frankel, R. M., Quill, T. E., & McDaniel, S. H. (2003). *The biopsychosocial approach: Past, present, and future*. University Rochester Press.
- Goldstein, K. (1952). The effect of brain damage on the personality. *Psychiatry*, 15(3), 245–260.
- Kuhaneck, H. M., & Watling, R. (2004). Autism: A comprehensive occupational therapy approach. *Dysphagia*, 1005, 5.
- LaBaw, W. L. (1969). Denial inside out: Subjective experience with anosognosia in closed head injury. *Psychiatry*, 32(2), 174–188.
- Lukoff, D., Wallace, C. J., Liberman, R. P., & Burke, K. (1986). A holistic program for chronic schizophrenic patients. *Schizophrenia Bulletin*, 12(2), 274.
- McGrath, J. R., & Davis, A. M. (1992). Rehabilitation: where are we going and how do we get there? *Clinical Rehabilitation*, 6(3), 225–235.
- McLellan, D. L. (1991). Functional recovery and the principles of disability medicine. In M. Swash, & J. Oxbury (Eds.), *Clinical neurology* (pp. 768–790). Edinburgh: Churchill Livingstone.
- Prigatano, G. P. (1989). Bring it up in milieu: Toward effective traumatic brain injury rehabilitation interaction. *Rehabilitation Psychology*, 34(2), 135.

- Prigatano, G. P. (1995). 1994 Sheldon Berrol, MD, Senior Lectureship: The problem of lost normality after brain injury. *The Journal of Head Trauma Rehabilitation*, 10(3), 88–95.
- Prigatano, G. P. (1999). *Principles of neuropsychological rehabilitation*. New York: Oxford University Press.
- Prigatano, G. P., & Ben-Yishay, Y. (1999). Psychotherapy and psychotherapeutic interventions in brain injury rehabilitation. In M. Rosenthal, E. R. Griphith, J. S. Kreutzer, & B. Pentland (Eds.), *Rehabilitation of the adult and child with traumatic brain injury* (3rd ed., pp. 271–283). Philadelphia: Davis.
- Satz, P. (1966). Specific and non-specific effects of brain lesions in man. *Journal of Abnormal Psychology*, 71(1), 65.
- Schafer, R. (1967). *Projective testing and psychoanalysis: selected papers*. New York: International Universities Press, Inc.
- Silver, J. M., McAllister, T. W., & Yudofsky, S. C. (2011). *Textbook of traumatic brain injury*. Washington, DC: American Psychiatric Publishing.
- Sternberg, R. J. (1986). A triangular theory of love. *Psychological Review*, 93(2), 119–135.
- Teasdale, T. W., & Christensen, A. L. (1994). Psychosocial outcome in Denmark. In A. L. Christensen, & B. P. Uzzell (Eds.), *Brain injury and neuropsychological rehabilitation: International perspectives* (pp. 235–244). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.
- Watkins, J. (1996). *Living with schizophrenia: an holistic approach to understanding, preventing and recovering from negative symptoms*. Hill of Content.
- Wilson, B. A., Baddeley, A., Evans, J., & Shiel, A. (1994). Errorless learning in the rehabilitation of memory impaired people. *Neuropsychological Rehabilitation*, 4(3), 307–326.
- Zimbardo, P. G., Haney, C., Banks, W. C., & Jaffe, D. (1973). The mind is a formidable jailer: A Pirandellian prison. *The New York Times Magazine*, Section 6, 38–60.

Person-Centered Approach in Neuropsychological Rehabilitation

Nataliya A. Varako

Associate professor, HSE*; medical psychologist, Sklifosovsky Research Institute of Emergency Care**
E-mail: nvarako@hse.ru

Address: * 20 Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation, 101000
** 3 B. Sukharevskaya sq., Moscow, Russian Federation, 107045

Abstract

In the last few decades we have seen important changes in the neuropsychological rehabilitation of brain injury patients. First, the notion of neurorehabilitation has been extended to incorporate psychotherapy as a necessary component. Historically, neurorehabilitation was understood as a synonym for cognitive rehabilitation, which excluded psychotherapy. This person-centered change was based on a comparative analysis of effectiveness of different approaches to neurorehabilitation, and increasing awareness of the importance of working with emotional sphere and personality of the patients and their families, as well as of clinic and rehabilitation centre staff. The paper presents a review of two such approaches. One of the first programmes of brain injury patient rehabilitation incorporating psychotherapy was developed by Yehuda Ben-Yishay. This

programme spanning two years addressed patients and their family members who were involved in solving everyday life tasks. This ecological orientation combined with therapeutic support resulted in high efficiency of the programme. Another well-known approach was developed by George Prigatano, who formulated thirteen principles of neuropsychological rehabilitation. Many of these principles cover psychotherapeutic work targeting patients, family members, as well as members of the rehabilitation team who confront a number of psychological and behavioral problems associated with brain injury. These programs belong to a holistic approach in neuropsychological rehabilitation which was shown to be highly effective. By approaching patients in combination with their environment, addressing motivation and emotional issues, the effectiveness of rehabilitation sessions can be increased by increased cooperation of patients, who gain better awareness of the aims and possibilities of rehabilitation.

Keywords: neurorehabilitation, person-centered approach, brain injury patients, psychological rehabilitation.

References

- Antonucci, G., Guariglia, C., Judica, A., Magnotti, L., Paolucci, S., Pizzamiglio, L., & Zoccolotti, P. (1995). Effectiveness of neglect rehabilitation in a randomized group study. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, *17*(3), 383–389.
- Barlow, J., Wright, C., Sheasby, J., Turner, A., & Hainsworth, J. (2002). Self-management approaches for people with chronic conditions: a review. *Patient Education and Counseling*, *48*(2), 177–187.
- Ben-Yishay, Y. (1996). Reflections on the evolution of the Therapeutic Milieu Concept. *Neuropsychological Rehabilitation*, *6*(4), 327–343. doi:10.1080/713755514
- Ben-Yishay, Y., & Daniels-Zide, E. (2000). Examined lives: Outcomes after holistic rehabilitation. *Rehabilitation Psychology*, *45*(2), 112–129. doi:10.1037//0090-5550.45.2.112
- Ben-Yishay, Y., & Diller, L. (2011). *Handbook of holistic neuropsychological rehabilitation: outpatient rehabilitation of traumatic brain injury*. New York: Oxford University Press.
- Ben-Yishay, Y., & Gold, J. (1990). Therapeutic milieu approach to neuropsychological rehabilitation. In R. L. Wood (Ed.), *Neurobehavioral sequelae of traumatic brain injury* (pp. 194–215). New York: Taylor & Francis.
- Christensen, A.-L., Pinner, E. M., Pedersen, P. M., Teasdale, T. W., & Trexler, L. E. (1992). Psychosocial outcome following individualized neuropsychological rehabilitation of brain damage. *Acta Neurologica Scandinavica*, *85*(1), 32–38.
- Clare, L., Wilson, B. A., Carter, G., Breen, K., Gosses, A., & Hodges, J. R. (2000). Intervening with everyday memory problems in dementia of Alzheimer type: an errorless learning approach. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, *22*(1), 132–146.
- Erikson, E. (1995). *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Moscow: Progress. (Transl. of: Erikson, E. H. (1968). *Identity: youth and crisis*. New York: W. W. Norton & Company).
- Erikson, E. (1996). *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and society]. Saint Petersburg: Lenato; AST; Fond «Universitetskaya kniga» (Transl. of: Erikson, E. H. (1950). *Childhood and society*. New York: W. W. Norton & Company).
- Evans, J. J. (2003). Rehabilitation of executive deficits. In B. A. Wilson (Ed.), *Neuropsychological rehabilitation: Theory and practice* (pp. 53–70). Lisse: Swets and Zeitlinger.

- Fordyce, W. E. (1982). Interdisciplinary process: Implications for rehabilitation psychology. *Rehabilitation Psychology, 27*(1), 5.
- Frankel, R. M., Quill, T. E., & McDaniel, S. H. (2003). *The biopsychosocial approach: Past, present, and future*. University Rochester Press.
- Goldstein, K. (1952). The effect of brain damage on the personality. *Psychiatry, 15*(3), 245–260.
- Kuhaneck, H. M., & Watling, R. (2004). Autism: A comprehensive occupational therapy approach. *Dysphagia, 19*(1), 5.
- LaBaw, W. L. (1969). Denial inside out: Subjective experience with anosognosia in closed head injury. *Psychiatry, 32*(2), 174–188.
- Leontiev, A. N. (1975). *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichmost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat.
- Lukoff, D., Wallace, C. J., Liberman, R. P., & Burke, K. (1986). A holistic program for chronic schizophrenic patients. *Schizophrenia Bulletin, 12*(2), 274.
- McGrath, J. R., & Davis, A. M. (1992). Rehabilitation: where are we going and how do we get there? *Clinical Rehabilitation, 6*(3), 225–235.
- McLellan, D. L. (1991). Functional recovery and the principles of disability medicine. In M. Swash, & J. Oxbury (Eds.), *Clinical neurology* (pp. 768–790). Edinburgh: Churchill Livingstone.
- Prigatano, G. P. (1989). Bring it up in milieu: Toward effective traumatic brain injury rehabilitation interaction. *Rehabilitation Psychology, 34*(2), 135.
- Prigatano, G. P. (1995). 1994 Sheldon Berrol, MD, Senior Lectureship: The problem of lost normality after brain injury. *The Journal of Head Trauma Rehabilitation, 10*(3), 88–95.
- Prigatano, G. P. (1999). *Principles of neuropsychological rehabilitation*. New York: Oxford University Press.
- Prigatano, G. P., & Ben-Yishay, Y. (1999). Psychotherapy and psychotherapeutic interventions in brain injury rehabilitation. In M. Rosenthal, E. R. Griphith, J. S. Kreutzer, & B. Pentland (Eds.), *Rehabilitation of the adult and child with traumatic brain injury* (3rd ed., pp. 271–283). Philadelphia: Davis.
- Satz, P. (1966). Specific and non-specific effects of brain lesions in man. *Journal of Abnormal Psychology, 71*(1), 65.
- Schafer, R. (1967). *Projective testing and psychoanalysis: selected papers*. New York: International Universities Press, Inc.
- Silver, J. M., McAllister, T. W., & Yudofsky, S. C. (2011). *Textbook of traumatic brain injury*. Washington, DC: American Psychiatric Publishing.
- Sternberg, R. J. (1986). A triangular theory of love. *Psychological Review, 93*(2), 119–135.
- Teasdale, T. W., & Christensen, A. L. (1994). Psychosocial outcome in Denmark. In A. L. Christensen, & B. P. Uzzell (Eds.), *Brain injury and neuropsychological rehabilitation: International perspectives* (pp. 235–244). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.
- Watkins, J. (1996). *Living with schizophrenia: an holistic approach to understanding, preventing and recovering from negative symptoms*. Hill of Content.
- Wilson, B. A., Baddeley, A., Evans, J., & Shiel, A. (1994). Errorless learning in the rehabilitation of memory impaired people. *Neuropsychological Rehabilitation, 4*(3), 307–326.
- Zimbardo, P. G., Haney, C., Banks, W. C., & Jaffe, D. (1973). The mind is a formidable jailer: A Pirandellian prison. *The New York Times Magazine, Section 6*, 38–60.

**XVI апрельская международная научная конференция
«Модернизация экономики и общества»**

7–10 апреля 2015 г. в Москве состоится XVI апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, проводимая Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» при участии Всемирного банка. Председателем Программного комитета конференции является научный руководитель НИУ ВШЭ профессор Е.Г. Ясин.

На пленарных заседаниях конференции и специальных круглых столах планируются выступления руководителей Правительства Российской Федерации, Администрации Президента Российской Федерации, представителей Всемирного банка, Организации экономического сотрудничества и развития, руководителей крупнейших российских и иностранных компаний, ведущих зарубежных и российских ученых.

Специальные темы конференции:

- Институты и экономическое развитие
- Реформы: причины успехов и неудач
- Глобальный мир: интеграция или дезинтеграция?
- Спрос на право: факторы и движущие силы

Специальным темам конференции будут посвящены пленарные заседания, а также отдельные почетные доклады, секции и круглые столы.

После пленарных заседаний и в течение последующих дней будут проводиться сессии с представлением научных докладов и экспертные круглые столы по актуальным проблемам развития экономики.

С основными направлениями секционных заседаний и заседаний круглых столов можно ознакомиться на официальном сайте <http://conf.hse.ru>. Авторы заявок на участие с докладами могут не ограничиваться этими тематическими направлениями, но при отборе заявок Программный комитет будет отдавать приоритет тем заявкам, которые имеют отношение к указанным на сайте темам.

Доклад, заявляемый на конференцию, должен содержать результаты оригинального научного исследования, выполненного с использованием современной исследовательской методологии. Продолжительность презентации доклада на сессии — 15–20 минут. Выступления в рамках экспертных круглых столов, как правило, ограничиваются 5–7 минутами. С учетом поступивших заявок на выступления будут сформированы программы секций и круглых столов.

Рабочими языками конференции являются русский и английский. Пленарные и большинство секционных заседаний будут сопровождаться синхронным переводом.

Заявки на выступление в качестве индивидуальных докладчиков на сессиях следует подавать в режиме on-line по адресу: <http://conf.hse.ru/> с 9 сентября 2014 г. до 11 ноября 2014 г. Для каждого участника в системе регистрации будет открыт «личный кабинет», через который в дальнейшем будет происходить коммуникация с Оргкомитетом конференции.

К заявке должна быть приложена развернутая аннотация предполагаемого выступления в формате Word или RTF объемом от 1 до 3 машинописных страниц через 1.5 интервала (до 7000 знаков). В аннотации должна быть раскрыта тема, показана степень разработанности проблемы, даны характеристики исследования (теоретическая или эмпирическая работа, на какой информационной базе), а также должны быть изложены основные полученные результаты. Заявки с аннотациями, не отражающими основных положений выступления, а также объемом менее 1 стр., не рассматриваются.

Группа авторов индивидуальных заявок, зарегистрированных в режиме on-line, **до 11 ноября 2014 г.** может сообщить в Программный комитет конференции о своем желании представить свои доклады в рамках одной сессии. Соответствующее письмо должно быть направлено на адрес interconf@hse.ru и должно содержать информацию о названии сессии, авторах и темах докладов (не более 3–4, уже зарегистрированных в качестве индивидуальных заявок), а также фамилию, имя, отчество и контактные данные (телефон и адрес электронной почты) предполагаемого руководителя сессии. Один автор может представить на конференции 1 личный доклад и не более 2 докладов в соавторстве. В рамках отдельной сессии не должно быть более 2 докладов, представленных от одной организации. Продолжительность сессии 1.5 часа. Предложения по формированию сессий могут быть учтены Программным комитетом на этапе экспертизы заявок и формирования программы конференции.

Решение Программного комитета о включении докладов в программу конференции будет принято **до 20 января 2015 г.** на основании экспертизы с привлечением независимых экспертов, после чего на сайте <http://conf.hse.ru/> будет опубликована предварительная версия программы конференции. В срок **до 3 февраля 2015 г.** авторы докладов, включенных в предварительную программу, должны подтвердить свое участие через «личный кабинет». В случае отсутствия подтверждения соответствующие доклады будут исключены из программы.

Авторы докладов, включенных в программу конференции, должны **до 5 марта 2015 г.** представить полный текст доклада для размещения на сайте конференции. По итогам конференции будет подготовлен сборник докладов, который будет издан ВШЭ в электронном виде. Докладчики, желающие опубликовать свой доклад в этом сборнике, должны представить его итоговую версию в объеме до 20 тыс. знаков (включая пробелы, в формате Word, RTF) **до 20 мая 2015 г.** Решение о публикации докладов в электронном сборнике материалов конференции принимается редколлегией сборника с учетом результатов рецензирования. Доклады, которые не были представлены на конференции, не рассматриваются для публикации.

Доклады, включенные в программу конференции, после дополнительного рецензирования и рассмотрения редакциями могут быть приняты к публикации в журналах «Вопросы экономики», «Российский журнал менеджмента», «Экономический журнал ВШЭ», «Журнал Новой экономической ассоциации», «Мир России», «Вопросы образования», «Вопросы государственного и муниципального управления», «Экономическая социология», «Экономическая политика» и «ЭКО», которые входят в список ВАК и представители которых приглашены к участию в Программном комитете конференции.

Участникам из стран СНГ и Восточной Европы, приглашенным выступить с докладами, может быть предоставлен грант Представительством Всемирного банка в Москве с целью компенсации расходов на участие в конференции. Заявки на получение гранта должны быть направлены **до 10 февраля 2015 г.** по адресу interconf@hse.ru.

В рамках конференции будет организована серия семинаров для докторантов и аспирантов (с возможностью предоставления грантов на проезд и проживание для отобранных докладчиков). Информация об условиях участия в этих семинарах будет доступна на официальном сайте <http://conf.hse.ru/> **с 11 сентября 2014 г.**

Заявки на участие в конференции без доклада принимаются в режиме on-line **с 12 ноября 2014 г. до 20 марта 2015 г.** по адресу: <http://conf.hse.ru/>.

Информация о размерах и возможностях оплаты организационных взносов доступна на официальном сайте по адресу <http://conf.hse.ru/>.

С программами и материалами I–XIV международных научных конференций (2000–2014 гг.) можно ознакомиться на сайте: <http://conf.hse.ru/2014/history>.

Оргкомитет конференции

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:

<http://psy-journal.hse.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-52557 от 25 января 2013 г. зарегистрировано Федеральной
службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).

Адрес издателя и распространителя
Фактический: 115230 Москва, Варшавское ш., д. 44а, оф. 405а,
Издательский дом НИУ ВШЭ

Почтовый: 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Тел. (499) 611-15-08, E-mail: id.hse@mail.ru

Формат 70x100/16. Тираж 350 экз. Печ. л. 12